

Учредители журнала: Минобрнауки РФ
АНО Редакция журнала

Лицензия на издательскую деятельность редакции выдана
Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от 22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано
Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 2 — 2018 г.

Российское ежемесячное научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973-1990 гг.);
«Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); «Социально-
политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные
знания» (с 1999 г.)

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых
научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в
этот перечень согласно решению Президиума ВАК

Е-mail редакции: soc-gum-zhurnal@yandex.ru

Сайт в Интернете: <http://socgum-zhurnal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке
elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: 109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская,
д. 16-18, к. 15

Телефоны редакции: 8(499) 713-61-95; 8(901) 183-61-95

© «Социально-гуманитарные знания», 2018

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Бабинов Юрий Александрович – доктор философских наук, профессор Севастопольского технического университета (Севастополь, Крым)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Babinov Yuriy Alexandrovich - Dr. Sci. (Phil.), Professor of the Technical University (Sevastopol, Crimea)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

Volkov Yuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don)

Ivanov Vilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)

Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)

Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)

Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Минск, Беларусь)

Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)

Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)

Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Kara-Murza Sergey Georgievich – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Karpukhin Oleg Ivanovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)

Kefeli Igor Fedorovich – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)

Kozlova Oksana Nikolaevna – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)

Lazareva Yulia Vasilievna – Executive Secretary (Moscow)

Makarov Anatolij Vasilievich – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Minsk, Belarus)

Matyukhin Andrey Victorovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)

Mihajlenok Oleg Michailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)

Orehovskaya Natalya Anatolievna – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Павленок Петр Денисович – доктор философских наук, профессор Российского государственного социального университета (Москва)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Ответственный редактор –
Алифанова Ирина Андреевна

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Pavlenok Petr Denisovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof. of Russian State social university (Moscow)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Executive editor – **Alifanova Irina Andreevna**

Secretary of the editorial staff, computer layout – **Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2018 2

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

- Т.В. Наумова* – Советское прошлое и российское настоящее: успехи и неудачи..... 7
- А.С. Гаева* – Иммиграционная политика России: проблемы и перспективы. 23
- Ю.В. Ирхин* – Сетевые подходы в политике и технология блокчейна..... 38

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

- С.Г. Кара-Мурза* – Кризис культуры: эссе или обзор..... 50
- А.С. Капто* – К вопросу об институализации политической науки..... 67

• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин

- П.К. Гончаров* – Политический процесс: сущность и содержание..... 78
- И.А. Монастырская* – Герменевтика как практика обучения "человека способного"..... 87
- Н.Р. Сабанина* – Образование человеческого и социального капиталов 93
- У.В. Болотова, Н.Г. Бондаренко, И.А. Васильева* – Истоки и влияние философии модерна..... 104
- С.И. Железнякова* – Культура чтения в информационном обществе: смыслы, практики, противоречия..... 116

• Человек и общество

- Ю.Н. Малека, Е.П. Шитова* – Конкурсные комиссии по избранию глав муниципальных образований: масштаб и особенности применения..... 123
- А.Д. Вислова* – Социокультурная адаптация в условиях парадигмального сдвига..... 130
- Н.А. Ореховская* – Возможность достижения социального равенства для инвалидов..... 136
- Д.Г. Передня, Д.В. Захаров* – Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан..... 141

• Из истории общественно-политической мысли

- Т.Г. Чеснокова* – "Диалоги" Григория Великого и пространственно-смысловая структура средневековых видений..... 150

• Актуальные страницы современной политики

- М.А. Родионов, Т.А. Волкова* – Антикризисные аспекты политического элитизма..... 165

• Дискуссионная трибуна

А.В. Тонконогов – Мысли о курсе современной философии и его содержании..... 175

• Научные сообщения

Д.В. Котусов – Интерсубъективность и проблемы аутентичности человеческого существования..... 193

М.М. Симонова – Особенности формирования русской цивилизации до настоящего времени..... 203

В.Д. Гавриш, П.А. Заклинский – К истокам методологии ситуационного анализа социального бытия (историко-философский обзор)..... 211

Н.Е. Осипов – Общественно-экономическая формация как мегасоциальная технология..... 218

М.И. Ивлева – Социально-коммуникативное пространство и экология коммуникации..... 230

О.А. Матвейчев – Философия как объект цензуры в Древней Греции.. 236

А.С. Марков – Роль ВАДА в политизации и коммерциализации спорта. 250

Ю.А. Гринева – Эволюция миграционной политики Италии на рубеже веков..... 256

Э.С. Восканян – Концептуальные подходы к исследованию "цветных революций"..... 262

Н.В. Варивода – К вопросу о терминологической характеристике казачества в отечественном кавказоведении..... 269

З.М. Кешева – Культурная жизнь Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны..... 277

• Слово – молодым ученым

М.Б. Пивоварова – Управление в сфере образования и науки в целях экологизации сознания российского общества..... 285

И. Чжен – Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом..... 290

И.М. Поняев – Философия либерализма и трансформации 1990-1993 годов в России..... 296

Чжань Чжан – Глобальное партнерство для обеспечения устойчивого развития: практика Китая..... 302

К.Х. Абу Айша – Объективные факторы суннитско-шиитского конфликта на Ближнем Востоке..... 308

• Новости научной жизни

Последний звонок или еще раз о будущем образования..... 314

МЭФ – 2018: «Россия и мир: образ будущего» 316

Т.В. НАУМОВА
*кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
Института философии РАН**

Советское прошлое и российское настоящее: успехи и неудачи

*«Народ оказался вовсе без мирозерцания.
Старое умерло, нового он не усвоил»
(«Из глубины»)*

2017 год был связан с одним из величайших событий XX в., которое определило российскую историю. В Октябре 1917 г. в России было положено начало строительству нового общественного строя – социализма. С этого момента мы отсчитываем современную историю нашего государства. Революция 1917 г. не только оказала глубокое воздействие на Россию, но и изменила весь мир. Поэтому XX век всем своим развитием обязан Октябрю 1917 г. По замечанию польского политика и социолога Е. Вятра, «Русская революция является одним из критических моментов мировой истории»¹.

После победы Октябрьской революции на повестку дня в нашей стране стали задачи по организации общественной и государственной жизни на принципах социализма. Одна часть граждан, увлеченная целями социализма, отдала новой власти свои знания и талант, обернулась, по словам А.В. Луначарского, «лицом к нашему восходящему солнцу»². Другая – заняла политику невмешательства и нейтралитета. В то же время определенная часть граждан враждебно встретила революционные события 1917 г., выступала против социалистической альтернативы.

Наумова Татьяна Владимировна, e-mail: cultura-iph@yandex.ru

¹ Социологические исследования, 2017, № 9, с. 37.

² Луначарский А.В. Об интеллигенции. М. 1923, с. 19.

Негативное отношение к событиям Октября 1917 г. наиболее ярко выразили представители либерально настроенной части русской интеллигенции – философы, историки, филологи, публицисты¹. Так, П.Б. Струве отмечал, что «торжество социализма или коммунизма сказалось в России разрушением государственной и экономической культуры»². То же самое говорил и С.Л. Франк: «... его (социализма. – Т.Н.) торжество с неизбежностью привело к разрушению государства и к разрушению социальных связей и культурных сил, на которых зиждется государственность»³. Несмотря на различия в настроениях и взглядах схожее мнение о революционных событиях 1917 г. и о социалистическом переустройстве общества высказывали и другие представители русской интеллигенции. В связи с этим вряд ли можно согласиться с утверждением, согласно которому «большинство научной интеллигенции...принимало тот образ будущего, который декларировался в социальной философии советской власти»⁴.

Спустя 100 лет уже в новой России для либерально настроенной части интеллигенции Октябрь 1917 г. это – «проявление «бесовщины», «всплеск первобытных варварских сил», «позорное пятно в российской истории» и т.п.

Наша страна впервые в мировой исторической практике, без опоры на чей-то опыт решала сложные задачи, которые до нее никогда не выдвигались, о них можно было узнать лишь из учебников истории и из научной литературы⁵. Используя выражение Ф. Энгельса, можно сказать, что наша страна была современной политической лабораторией, где производились эксперименты, впоследствии применяемые в других государствах⁶.

100-летие Октябрьской революции повысило интерес к советскому прошлому и заставило задуматься над тем, что мы потеряли и что имеем сейчас, какие этапы на своем пути мы считаем трагическими, а какие – возвышенными,

¹ См.: Из глубины. Сб. статей о русской революции М, 1991. Книга вышла 100 лет назад, в 1918 г., и стала продолжением сб. «Вехи».

² Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины, с. 287.

³ Там же, с. 308.

⁴ Кара-Мурза С.Г. Русский коммунизм: достижения и неудачи. М, 2015, с. 183.

⁵ См.: Кукушкина Е.И. Российская интеллигенция в поисках политических смыслов. М., 2015, с. 158-159.

⁶ Маркс К, Энгельс Ф. Соч., т. 39, с. 258.

чего наша страна достигла к настоящему времени. Вот круг вопросов, на которые мы хотели бы ответить.

В конце 90-х гг. в результате либеральной революции 1991 г. наша страна стала иной по масштабам (ее территория составляет менее половины бывшего СССР), другим государством и обществом с изменившимися социально-политическим строем, экономикой, культурой, духовно-нравственными ценностями, укладом жизни.

Курс радикальных преобразований на основе рыночных отношений болезненно отразился на положении большинства российских граждан. Многие из них живут в атмосфере глубокого разочарования, а их профессиональное самочувствие оставляет желать лучшего. Сегодня вновь, как и 100 лет назад, встает вопрос об отношении граждан к нашему недавнему прошлому и российскому настоящему.

После Октябрьских событий 1917 г. П.И. Новгородцев писал, что «революционный вихрь разметал и рассеял в стороны весь народ, рассек его на враждебные и обособленные части»¹. Нечто подобное произошло в нашей стране и в начале 90-х гг. Принципиально разные возможности адаптации россиян к рыночным отношениям способствовали тому, что у нас общество расслоилось на отдельные социальные группы, имеющие различную перспективу развития. Разные группы общества оказались в различных социально-экономических условиях. В результате произошло стремительное усиление их социальной дифференциации.

Одни социальные группы современного российского общества легко адаптировались к переменам, происходящим в стране, выиграли от радикальных преобразований. Они обладают значительной собственностью, экономической независимостью, высоким социальным престижем и статусом, а их труд оплачивается по достаточно высокой цене. Эти социальные группы общества оптимистично смотрят на свою жизнь и негативно относятся к нашему недавнему прошлому – социализму.

К тому же за более, чем четверть века в России выросло поколение людей, процесс социализации, формирования жизненных ориентиров которых прошел в российском настоящем и потому они лишены собственного ощущения советского прошлого и не хотят его возвращения.

¹ Из глубины, с. 249.

Прежде чем говорить об отношении граждан к нашему советскому прошлому – социализму, отметим, что это понятие имеет разные значения. Одно – идеологическое. Оно характеризует направление общественной мысли, связанное с развитием так называемой социалистической идеи. Она зародилась несколько столетий назад, но превратилась в величайшую в истории человечества идеологию в XIX в.

Социализм представляет собой еще молодую социально-экономическую систему, со времени зарождения которой прошло не более века. В то время как капитализм формировался и обретал свою силу значительно дольше: от революции 1648 г. в Англии до середины XIX столетия. В разные периоды развития социализма он был разным. В его истории были периоды зарождения и становления, характеризовавшиеся поступательным развитием общества, зрелости, получившей название «развитой социализм», а также кризиса и краха, произошедшего в середине 80-х гг. во всех сферах общества.

Другое значение понятия «социализм» – историческое. Оно связано с конкретным типом обществ, созданных в Советском Союзе и в других социалистических странах.

Чем же объяснить негативное отношение части российского общества к советскому прошлому нашей страны? Причин здесь немало и объективного, и субъективного характера. В рамках одной статьи невозможно рассмотреть все достижения и неудачи, характерные для нашего советского прошлого. Эта проблема весьма обширная. Поэтому мы отметим только некоторые из причин, главным образом субъективного порядка, и рассмотрим отношение россиян к понятию «социализм» во втором значении.

На отсутствие доверия к социализму в значительной степени оказали влияние просчеты и ошибки (которых было немало), допущенные прежним руководством страны. Достаточно сказать о том, что в России – аграрно-индустриальной стране (крестьяне и рабочие представляли собой более 90% жителей России) город развивался за счет эксплуатации и социального обескровливания активных сил деревни. В то время как сельское хозяйство находилось в неблагоприятном положении.

Стоит отметить господство громадного военно-промышленного комплекса в экономике, сосредоточившего лучшие кадры специалистов, которым направлялась значительная

часть материальных средств. В то же время на мирные отрасли хозяйства не хватало сил и средств, что вело к серьезному отставанию от Запада. И сегодня государство, как и в советские времена направляет очень большие материальные средства на оборонные исследования и разработки. Согласно данным статистики мы ассигнуем на эти цели 49,5% средств государственного бюджета, а, к примеру, на общее развитие науки – 1,29% ВВП¹.

Нельзя не сказать и о массовом голоде 1932-1933 гг. в ряде регионов страны, который унес множество человеческих жизней (от голода умерло несколько миллионов человек), когда исчезли полностью села.

Особо стоит сказать о необъективной оценке состояния советского общества. Речь идет о степени социальной однородности тогдашнего общества, об объявлении его обществом «развитого, зрелого социализма», преувеличении единства советского общества, об утопических планах построения коммунистического общества к началу 1980-х гг., для реализации которых не было реальных возможностей.

Это, несомненно, вело к разочарованию граждан прежней общественно-политической системой – социализмом, подрывало уважение к его ценностям, дезориентировало людей, порождало у них апатию. В то же время не разрешались собственные противоречия, возникавшие в нашей стране, не снимались кризисные явления в обществе. Между тем, как 100 лет назад отмечал П.И. Новгородцев: «История человеческая всегда шла и идет чрез возрастающие противоречия, чрез борьбу противоположных начал к высшей сложности»². К слову, неразрешенность собственных противоречий явилась одной из причин, которая привела к краху коммунистического режима и распаду Советского Союза.

Дискредитации социализма как общественно-политического строя способствовали серьезные нарушения законности, массовые репрессии. Согласно отчетам самой репрессивной системы за 27 лет существования ГУЛАГа через лагерь, колонии и тюрьмы прошло около 20 млн. человек. По политическим мотивам были осуждены более 5 млн. человек, из которых не менее миллиона расстреляны³.

¹ См.: Социально-гуманитарные знания, 2014, № 5, с. 41.

² *Новгородцев П.И.* О путях и задачах русской интеллигенции // Из глубины, с. 256.

³ Литературная газета, 2017, 25-31 октября.

Репрессии начались с расправы со старыми партийными кадрами, которые вместе с Лениным делали Октябрьскую революцию в 1917 г., ибо у них было иное понимание путей к социализму. Затем репрессии продолжились против зажиточных крестьян – следствие коллективизации. За первые два года в ГУЛАГ отправили свыше 380 тыс. семей – около 2 млн. человек. Сотни тысяч людей умерли в ссылке¹. Постепенно репрессии разрастались, и в середине 30-х гг. прошлого столетия они затронули руководство страны и высокопоставленных военных, командный состав армии. Затем репрессии охватили широкие слои населения и приняли массовый характер. Началась эпоха большого террора. Репрессии вновь возобновились после окончания Великой Отечественной войны. Свидетельством этому могут служить кампания по борьбе с космополитизмом, дело врачей, Ленинградское дело. Немало пострадала в это время от репрессий и наука.

Вне всякого сомнения, репрессии трагически отразились на судьбах не только отдельных людей, но и целых народов – немцев, поляков, финнов, латышей, эстонцев, корейцев и др. К тому же репрессии сломали судьбы таких социальных групп общества, как зажиточные крестьяне, дореволюционная интеллигенция. Заметим, что в первые годы советской власти репрессии были в первую очередь направлены против интеллигенции и в результате привели к эмиграции лучшей части образованного сословия общества.

Соглашаясь со всеми ошибками и неудачами, которые способствовали негативному отношению наших граждан к советскому прошлому, и не оправдывая действия властей в отношении безвинно репрессированных, все же заметим, что «исторический процесс по природе своей жесток и судьбы человечества куются не в белых перчатках этической невинности»².

Негативное отношение части россиян к советскому прошлому было обусловлено и тем, что во главе страны в течение многих лет (за редким исключением) стояли люди ограниченные, малообразованные, средних способностей, низкой культуры. Ибо талантливость, глубокая образован-

¹ Литературная газета, 2017, 15-25 ноября.

² Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины, с. 42.

ность, профессионализм людей не способствовали вхождению в правящий класс. Актуально звучат сегодня слова, сказанные 100 лет назад, о том, что власть «перестала быть восприимчивой к прогрессу. Она перестала обновляться притоком свежих сил и идей. Она окостенела... Надо удивляться тому, что она так долго существовала»¹.

К тому же интересы правящей государственной бюрократии и остальной части общества находились в глубоком противоречии. В результате граждане были разделены по своим ценностям, образу жизни, жизненным целям.

Представляется, что немалая часть граждан не хочет реставрации советского прошлого и потому, что в их представлениях оно связано с подавлением личности, отсутствием главных человеческих прав и свобод, особенно таких важных, как свобода слова, личная заинтересованность в труде и др. Высказывается мнение, что в советское время «человек не только не имел полной личной свободы в экономической сфере, но и сам выступал в качестве своего рода собственности государства...»². Подтверждением этому является наличие паспортной системы, института прописки, трудовой книжки, с помощью которых государство отслеживало все действия человека.

В годы перестройки и особенно в начале 90-х гг. у нас произошли глубокие изменения в проблематике и стиле исследований в области общественных наук. Появились работы, в которых отрицалось наше советское прошлое, перечеркивалась более чем 70-летняя история страны, в которой были реальные успехи, достигнутые в самых разных областях деятельности, очернялось почти все, что было сделано в прошлом предыдущими поколениями, и таким образом создавался крайне непривлекательный образ страны в советское время. Несомненно, деформации научной мысли оказали определенное влияние на негативное отношение части граждан к советскому прошлому, к его социальному и историко-культурному наследию.

Разочарованию граждан советским прошлым способствовало и недовольство бывшей консервативно настроенной советской номенклатурой, которая благодаря связям с круп-

¹ Муравьев В.Н. Рев племени // Из глубины, с. 224.

² Гринев А.В. Октябрь 1917-го: вооруженное восстание масс, большевистский переворот, социалистическая революция или нечто иное? // Вестник РАН, 2017, № 10, с. 893.

ным бизнесом сегодня имеет солидный капитал. Ее образ жизни ближе к правящему классу, чем к трудящимся массам.

Стоит сказать и о том, что негативное отношение части граждан к советскому прошлому было связано с отсутствием у них возможности найти адекватное применение своим способностям и знаниям. С уходом советского прошлого граждане, особенно молодая и инициативная часть общества, получили невиданные ранее возможности проявления самостоятельности, личной самореализации.

Не идеализируя наше недавнее прошлое, немалая часть граждан, которая большую часть жизни прожила в условиях относительного спокойствия и стабильности, осознает преимущества советского прошлого страны перед современным российским настоящим.

Прежде всего, это – общедоступное и бесплатное медицинское обслуживание (хотя в недавнем прошлом оно далеко не всегда было лучшим в смысле качества). Сейчас качественная медицинская помощь во все большей степени становится платной и частный сектор в здравоохранении нередко превалирует над государственным. По уровню здравоохранения Россия находится на 124-м месте в мире.

Что касается образования, то в советское время оно по многим показателям считалось одним из лучших в мире. Сегодня большинство российских вузов, особенно негосударственных учебных заведений, далеко не всегда и не в полной мере способно обеспечивать высокое качество профессионального образования, соответствующее требованиям современных реалий и мировым стандартам. И ведет это не к росту высокообразованных, действительно необходимых стране специалистов, а к увеличению числа лиц, которые не могут найти себе применение по полученной специальности. К тому же ныне идет ликвидация остатков бесплатного образования, которое становится малодоступным для людей с небольшим материальным достатком, а также проживающих в маленьких городах и поселках.

Нельзя не сказать и о том, что сегодня образование стало частью сферы услуг, т.е. потребления. Учителя школ и преподаватели вузов, по образному выражению, превратились в педагогических официантов, которые предоставляют людям свои услуги¹. Вполне вероятно, это спо-

¹ См.: Свободная мысль, 2017, № 3, с. 110.

собствует тому, что сегодня образование становится одной из самых коррумпированных сфер.

Стоит обратить внимание и на то, что ныне российские вузы перестраиваются по модели американских университетов, что ведет к превращению их в университеты-предприниматели. Тем самым отечественные вузы выступают средством «утечки умов» и новейших технологий в западные страны. Нельзя не согласиться с мнением, что такая перестройка российских вузов ведет к смене «традиционного менталитета, русского культурного кода, замене его рыночным мировоззрением, несовместимым с национальным сознанием»¹.

Надо сказать и о том, что в советское время необходимость высокого уровня и качества образования диктовалась тем, чтобы осваивать сложные виды техники, преимущественно военной. Что касается здравоохранения, то и оно предполагало обеспечение здорового кадрового потенциала, занятого в сфере обороны страны. Поэтому, по мнению некоторых специалистов, успехи в сфере образования и здравоохранения в советское время носили достаточно специфический характер².

От советского прошлого нам досталось представление о полной занятости трудоспособного населения. Ныне безработица является одной из основных «болевых точек» современного российского общества. В условиях разрушения реального сектора экономики и мирового экономического кризиса, поразившего и нашу страну, у нас безработица стремительно растет. Так, в 2016 г. уровень безработицы среди лиц от 20 до 24 лет составлял 14,5%, в то время как средний показатель по всей стране был равен 6%.

В советское время в стране существовали серьезные социальные гарантии государства, и они были гражданам ближе, чем то, что происходит сегодня в стране. Ныне социальные и экономические права работников, предусмотренные российским законодательством, постоянно нарушаются.

В современной России определенная часть граждан не чувствует себя нужной обществу, не имеет никаких перспектив в стране, поэтому достаточно негативно относится к из-

¹ Четверникова О.Н. «Ликвидация»: судьба российского образования // Свободная мысль, 2017, № 2, с. 99.

² См.: Гринев А.В. Указ. статья // Вестник РАН, 2017, № 10, с. 895.

менениям, произошедшим за последнюю четверть века. Отсюда эта часть граждан выступает против российского настоящего, сложившейся в стране социально-политической системы.

В сознании большинства граждан нынешнее российское настоящее ассоциируется с разворовыванием государственной собственности узким кругом лиц, приближенных к власти, которые, выражаясь словами А.С. Изгоева, «действовали по принципу каждый для себя, рви что можешь и где можешь»¹.

Характерной чертой современного российского настоящего является постоянно растущий разрыв между доходами сверхбогатых граждан и миллионами малоимущих. Причем в последнее время проблема социального неравенства в нашей стране оказывается одной из наиболее актуальных. Так, в 2016 г. минимальный размер оплаты труда составлял 7500 руб., а прожиточный минимум – 9956 руб. на душу населения. Среднемесячная заработная плата была чуть более 32 тыс. руб. При этом около 70% работающих граждан получали меньше средней заработной платы². Условия жизни большинства россиян становятся все хуже, в то время как те, кто находится у руля государства, и приближенные к ним лица продолжают обогащаться. И социальное неравенство в новой России продолжает расти.

Не будет преувеличением сказать, что для российского настоящего характерна культурная, морально-нравственная деградация общества. Наше общество находится в глубоком моральном кризисе. Исследования социологов показывают, что у нас исчезают такие качества, как доброжелательность, душевность, бескорыстие. Одновременно с этим происходит усиление агрессии, рост цинизма³. Россияне живут без целей, без идеалов. Среди проявлений морально-нравственного кризиса современного российского общества наиболее заметны коррупция, особенно в высших эшелонах власти, и взяточничество, которые приобрели громадные размеры. Согласно данным социологов в 2015-2016 гг. среди проблем, которые волнуют наших граждан, коррупция занимала одно

¹ Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм// Из глубины, с. 189.

² См.: Козырев Г.И. Конфликтный потенциал современного российского общества // Социологические исследования, 2017, № 6, с. 70.

³ См.: Российское общество и вызовы времени. Кн. вторая. М, 2015, с. 355, 358.

из первых мест. При этом большинство опрошенных отмечают, что ее уровень в стране является «высоким» и «очень высоким»¹. В дореволюционной России взятка была, по словам Н.А. Бердяева, «устоем русской жизни, ее основной конституцией». В советское время существовали и взяточничество и блат. Ныне у нас эти явления уступили место сетевым откатам и распилам.

События, происходящие в России в последнюю четверть века, дают основание утверждать, что в общественно-политическом строе, установившемся в новой России, преобладают интересы государственной бюрократии и крупного капитала, а не интересы людей труда. К тому же наша страна ныне находится в глубоком экономическом, моральном и социальном кризисе, который дестабилизирует общество.

В связи с этим у нас сложилась ситуация, когда россияне не доверяют практически всем государственным и общественным институтам, таким, как Правительство России, Государственная Дума, Совет Федерации, профсоюзы, полиция, судебная система. Очень низок уровень доверия россиян к политическим партиям страны. Причиной недоверия к власти является неудовлетворенность граждан состоянием большинства социально значимых сфер жизни общества, а именно сокращением социальных расходов, ростом цен, коррупцией в высших слоях власти. Россияне доверяют лишь Президенту страны (это, скорее, доверие лично самому Президенту, а не государству), Российской армии и Православной церкви². Между тем доверие к государственным и политическим институтам – важный фактор социально-экономического и политического развития общества.

По нашему мнению, в среде большей части россиян накопился значительный потенциал недовольства социально-экономической политикой власти. Рано или поздно это может привести к новому социальному взрыву подобному тому, который произошел в нашей стране в Октябре 1917 г. Однако в ближайшем будущем «революционная ситуация» останется для России только опасным призраком³. Массовые акции протеста в нашей стране вряд ли возможны. Как

¹ См.: Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Особенности восприятия россиянами коррупции // Социологические исследования, 2017, № 6, с. 80.

² См.: Российское общество и вызовы времени. Кн. первая. М, 2015, с. 110; кн. вторая. М, 2015, с. 132; кн. четвертая. М, 2016, с. 177-178.

³ Российское общество и вызовы времени. Кн. четвертая, с. 359.

же это объяснить? По мнению доктора социологических наук М.Ф. Черныш, опыт советского времени, радикальные реформы начала 90-х гг. выработали у наших граждан своего рода прививку, которая заставит людей подумать, прежде чем решиться на протестные действия¹. Доктор философских наук Е.Б. Шестопап считает, что в нашей стране существует «культура бедности»: «Среди тех ценностей, которые доминируют в нашем непротестном сознании, богатство – не самая высшая ценность». Нельзя не учитывать и то, что организация массовых акций протеста требует наличия определенных сил, которые в состоянии мобилизовать его. Однако сегодня у нас нет «силы, которая...начнет штурмовать устои власти»².

И все же правящему классу есть над чем задуматься. Как в этой связи не вспомнить слова А.С. Изгоева, сказанные 100 лет назад: «...даже спасшись теперь, государственный корабль, управляемый такими кормчими, вдребезги разобьется...»³.

В современной России существует определенная часть граждан, которая не идентифицирует себя ни с прошлым, ни с настоящим, колеблется между теми, кто принимает нынешние реорганизации в обществе и кто их отвергает. Это свидетельствует об отсутствии у россиян однозначного представления о том, каким должно быть дальнейшее развитие России. Наше общество расколото на тех, кто отрицает советское прошлое, и тех, кто принимает российское настоящее .

Следует отметить, что социалистический эксперимент в нашей стране удался не во всем. Он был деформирован и носил трагический характер. Тем не менее советское прошлое оставило глубокий след в жизни и психологии наших граждан. Наше советское прошлое – это не выпадение из общего хода истории России. Оно отличалось особой продолжительностью (более 70 лет), основательностью и радикальностью преобразований, являлось, по словам А.А. Зиновьева, «вершиной социальных и глобальных достижений» страны. В структуре ценностей массового сознания и

¹ См.: Российское общество: взгляд в будущее (материалы «круглого стола») // Социологические исследования, 2017, № 6, с. 27.

² Там же.

³ Из глубины, с. 170.

ныне идеалы социализма продолжают оставаться привлекательными для значительной части россиян. Это значит, что нельзя просто отвергнуть советское прошлое путем огульного отрицания его достижений и завоеваний, а нужно взвешенно оценить его.

К числу важнейших исторических достижений страны за более чем семь десятилетий советской истории, оказавших положительное воздействие на ее развитие и вызывающих у граждан чувство гордости, надо отнести ликвидацию неграмотности. В дореволюционной России свыше 80% населения было неграмотным. Как отмечал С.Н. Булгаков словами одного из участников диалогов, «народ наш темен и дик... Воспитание свое он проходил в виттевских университетах, казенных этих подлых (речь идет о С.Ю. Витте – русском государственном деятеле. – Т.Н.), да в куриных избах или фабричных клоповниках»¹. Ныне по уровню грамотности взрослого населения Россия находится на уровне таких развитых стран мира, как Канада, Норвегия, США. Стоит отметить и введение в нашей стране массового среднего и высшего образования, отличающегося высоким качеством.

В числе достижений советского времени и индустриализация страны в 30-е гг. XX столетия. Несмотря на существенные ошибки (ограбление деревни, которая в течение длительного времени являлась главным источником накоплений для индустриализации, эксплуатацию заключенных системы ГУЛАГ) индустриализация «была выражением общего прогресса страны»². К тому же индустриализация способствовала утверждению статуса нашей страны в качестве великой индустриальной сверхдержавы. Это признают и за рубежом. Как писала Британская энциклопедия, «в течение десятилетия (1930-1940 гг.) СССР действительно был превращен из одного из самых отсталых государств в великую индустриальную державу...»³.

Нельзя не сказать и об освоении космоса, успехах в науке. В советское время государство поддерживало высокий статус и престиж науки в обществе. В результате по уровню развития науки мы занимали второе место в мире.

¹ Булгаков С.Н. На пиру богов // Из глубины, с. 118.

² Пантин И.К. Революция и насилие (в защиту исторического подхода к оценке Октябрьской революции // Общественные науки и современность, 2017, № 1, с. 150.

³ Цит. по: Кара-Мурза С.Г. Указ. соч., с. 219.

Ибо руководство страны понимало, что без науки страна не сможет занять достойное место в мире. Мы достигли больших успехов и в литературе, и в кинематографии, и в музыке, вошедших в сокровищницу мировой цивилизации. И, как следствие, обретение статуса второй по значимости страны в мире.

Кроме того в советском прошлом впервые в истории человечества была сделана попытка воплотить мечту о справедливости в жизнь. Вряд ли стоит отрицать то, что многое здесь не удалось. Тем не менее и ныне проблема социальной справедливости как моральной и правовой ценности вызывает самые положительные ассоциации в сознании российских граждан.

В советское время была поставлена и такая важная проблема, как коллективизм. Сегодня понятие «коллектив» практически исчезло из обиходной речи, а ему на смену пришло понятие «персонал», вместо «коллективизма» пропагандируют «индивидуализм».

Стоит отметить, что события, происходящие в России на протяжении последних 27 лет, дают основание утверждать, что в своем большинстве граждане осознают, что наше недавнее прошлое, в разрушении которого многие приняли активное участие, было более гуманным, чем то, что ныне создано на обломках прежней системы. Россияне понимают, что в рамках общечеловеческих ценностей в советское время они были свободными, ибо имели работу, стабильное положение, были уверены в завтрашнем дне. Поэтому определенная часть граждан испытывает ностальгию по утраченным позициям. Они продолжают на протяжении многих лет постсоветского развития сохранять прежние стандарты поведения, культурные и политические установки, тесно связанные с нашим прошлым. В целом отношение россиян к советскому прошлому скорее положительное, чем отрицательное, и оно по-прежнему остается своеобразной шкалой, по которой оценивается российское настоящее.

Высказывается мнение, согласно которому «феномен социализма, несмотря на его временное поражение, не умирает, а продолжает жить, волновать умы людей, причем

не только своих сторонников»¹. Однако ныне в России восстановление нашего советского прошлого вряд ли возможно. Тому есть ряд веских причин².

При решении вопроса о выборе пути развития России между советским прошлым и российским настоящим следует опираться на собственный более чем 70-летний советский опыт, но не на «то, что было дурного в старом строе» (Н.А. Бердяев), а на «то здоровое, что в нем есть» (А.С. Изгоев). Нам необходимо развить и обогатить советский опыт новым содержанием, сохранить то несправедливо забытое положительное, что было сделано в прошлом, уважать историю страны, ее научные и культурные достижения и ценности, накопленные за прошедшие годы.

Представляется, что дальнейшее развитие России невозможно и без использования общих тенденций мирового развития. Высокоразвитые страны накопили богатый опыт решения тех проблем, которые волнуют нас сегодня. Они далеко продвинулись вперед в экономическом, социальном, научно-техническом отношениях. Особенно интересен в этом аспекте опыт развитых стран мира, включающий в себя многие ценности, характерные для подлинно социалистического общества. Это – сильный государственный сектор, который участвует в решении таких проблем, как сокращение бедности, безработицы, обеспечение большей доступности образования, оказание бесплатной медицинской помощи; социально-ориентированная рыночная экономика и т.д. Общество, сложившееся в высокоразвитых странах мира, стоит довольно близко к социализму. Можно согласиться с мнением, что «социализм жив в мире не только в форме существующих государственных систем. Он глубоко проник в ткань устройства старых капиталистических государств»³.

Нет сомнения, что для нас представляет ценность опыт развития ведущих стран мира. Это предполагает рациональное восприятие практики развития этих стран, ассимиляцию их достижений несмотря на различия между нами по

¹ Сапрыкин В.А. Ценности социализма. Суровая диалектика формационно-цивилизационной смены и преемственности системы общественных ценностей. М, 2014, с. 5.

² См.: Проблемы российского самосознания: эволюционное становление и революционные ломки. М, 2009, с. 115.

³ Леонов М.С. К 25-летию роспуска Советского Союза // Свободная мысль, 2016, № 6, с. 165.

историческим путям, культурному наследию. Это позволит нашей стране выйти на более высокий уровень развития и занять достойное место в мире в третьем тысячелетии. Закончить нам хотелось бы словами одного из авторов сборника «Из глубины»: «Скоро русский народ предстанет перед миром в великом единстве и целостности. Против России грабежа, насилия и разнузданности встанет грозная статья Россия самопожертвования, строгости и подвига»¹.

Наумова Т.В. Советское прошлое и российское настоящее: успехи и неудачи. Наше советское прошлое – социализм и российское настоящее – капитализм (существуют разные определения современного российского капитализма) разделяет чуть более четверти века. У них есть как положительные, так и отрицательные стороны. Рассмотрению причин позитивного и негативного отношения разных социальных групп общества к советскому прошлому и российскому настоящему посвящена данная статья.

Ключевые слова: достижения, доверие, дискредитация, неудачи, ценности.

Naumova T.V. Soviet past and Russian present: successes and failures. Our Soviet past – socialism and Russian present – capitalism (there are different definitions of modern Russian capitalism) shares a little more than a quarter of a century. They have both positive and negative sides. To the examination of the causes of positive and negative attitude of different social groups in society to the Soviet past and Russian present is devoted this article.

Keywords: achievements, confidence, discrediting, the setbacks, values.

¹ Муравьев В.Н. Рев племени // Из глубины, с. 235.

А.С. ГАЕВА
кандидат политических наук
*научный сотрудник Института стран СНГ**

Иммиграционная политика России: проблемы и перспективы

Сегодня Россия является крупнейшей страной-реципиентом на постсоветском пространстве и обладает широкими возможностями для использования положительного потенциала иммиграции. Вместе с тем существующие в ее иммиграционной политике проблемные моменты не позволяют полностью задействовать данные возможности для преодоления социально-экономических и демографических проблем.

Сущность иммиграционной политики

В отечественных научных работах по теме миграции, как правило, употребляется понятие «миграционная политика» с акцентом на политико-управленческий и демографический аспекты. Как отмечает российский ученый В.А. Волох, в широком смысле миграционная политика представляет собой одно из направлений социальной политики государства, тесно связанной с политикой в таких областях, как демография, экономика и производство, обеспечение и защита прав и свобод человека. В узком смысле – это воздействие государственных органов на миграционные процессы¹. С практической точки зрения это воздействие направлено на изменение численности, состава, направлений движения миграционных потоков, а также регулирование расселения мигрантов на территории принимающей страны и их интеграции в общество².

Отечественные классики исследования миграционных процессов Б.С. Хорев³ и А.У. Хомра¹ придерживаются сле-

* Гаева Анастасия Сергеевна, e-mail: tlingell2@gmail.com

¹ Волох В.А. Миграционная политика России (состояние и проблемы в свете мирового финансового кризиса) // Власть, 2009, № 4, с. 82.

² Суворова В.А. Современная иммиграционная политика Российской Федерации: политико-правовой и институциональный аспекты: Автореф. дисс... канд. полит наук. М., 2008, с. 14.

³ Хорев Б.С. Расселение населения: основные понятия и методологи. М., 1981.

дующей трактовки миграционной политики: система мер и способов управления миграционной подвижностью населения, воздействующих на формирование миграционных потоков определенного размера и интенсивности. Однако программы и меры в традиционно не включаемых в рамки миграционной политики областях – занятости, образовании, безопасности, – могут оказывать гораздо большее влияние на рост или снижение иммиграционных потоков, чем целенаправленное их регулирование. Так, глобальные тенденции последних десятилетий к более гибкой политике на рынке труда повысили спрос на высоко- и низкоквалифицированную рабочую силу, что в свою очередь интенсифицировало международную миграцию вне зависимости от политического желания правительств ряда развитых государств ее ограничить².

Воздействие на миграцию не только миграционной политики принимающего государства, но и экономических, социальных, культурных факторов, условий и политических мер в других сферах общества создает проблему выделения собственно миграционной политики и концептуализации данного понятия. Сотрудники Международного миграционного института Оксфордского университета М. Цайка и Х. де Хаас указывают на то, что фактически единственный объективный критерий, который дает возможность экстрагировать миграционную политику из ряда феноменов, влияющих на миграционные процессы, – это заявленные на бумаге цели, принципы, механизмы и меры этой самой миграционной политики. То есть во главу угла ученые ставят нормативный аспект, определяя миграционную политику как совокупность норм, имеющих целью повлиять на объем, происхождение, направление, внутренний состав иммиграционных потоков³.

Напротив, отечественный ученый Е.В. Шевцова делает акцент на позитивном аспекте, полагая, что миграционная политика – деятельность государственных органов и общественных институтов по упорядочению внутренних и

¹ Хомра А.У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев, 1979, с. 15.

² Castles S. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. Basingstoke, 2013.

³ Czaika M., de Haas H. On the Effectiveness of Immigration Policies // Population and Development Review, 2013, № 39(3), p. 4.

внешних миграционных процессов¹. Аналогичной трактовки придерживается В.А. Суворова. По ее мнению, миграционная политика является выражением социальных, демографических, экономических, политических интересов государства². В качестве составляющих данной политики она выделяет как меры по привлечению и приему иностранцев, так и программы интеграции.

Как видно из приведенных определений, понятие «миграционная политика» достаточно широкое и включает в себя управление миграцией «вообще», охватывая как внутренние миграционные процессы, так и внешние, как иммиграцию, так и эмиграцию. Кроме того эти определения отсылают не только к планированию, прогнозированию, привлечению мигрантов и осуществлению пограничного контроля – механизмам, задействованным на первой стадии миграционного процесса, но также и к интеграции новопривывших.

С одной стороны, такая широкая трактовка комплексна и включает в себя разные аспекты миграции, с другой – она нагружена и недостаточно конкретна, поскольку объединяет хоть и взаимосвязанные, но различные явления, для управления которыми требуются неодинаковые механизмы и меры. Последний аспект, по мнению автора, затрудняет анализ иммиграционной политики.

В отличие от российских исследований, для зарубежного научного дискурса характерно понятие «иммиграционная политика», сконцентрированное главным образом на управлении международной миграцией. Политический социолог, специалист в области изучения проблем иммиграции транснационализма М. Хелблинг полагает, что иммиграционная политика – это законы, положения, политические решения и приказы правительства, касающиеся управления отбором потенциальных иммигрантов, приемом и расселением новопривывших, а также депортацией иностранцев, нарушивших иммиграционное законодательство³.

¹ *Шевцова Е.В.* Соотношение понятий «миграционная политика», «регулирование миграции», «управление миграцией» // Сб. материалов восьмой Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы экономики, социологии и права», Пятигорск, 29-30 декабря 2010 г. Пятигорск, 2010, с. 284-288.

² *Суворова В.А.* Указ. соч., с. 14.

³ *Helbling M., Bjerre L., Römer F., Zobel M.* Measuring Immigration Policies: The IMPIC Database // *European Political Science*, 2016, № 16(1), p. 84-85.

Употребляя понятие «иммиграционная политика», зарубежные исследователи концентрируются на внешней миграции, дифференциации миграционных потоков и регулировании пограничного контроля. Однако зачастую в данное определение включается и совокупность интеграционных программ. Так, например, Т. Хаммар утверждает, что иммиграционная политика состоит из двух компонентов – иммиграционного контроля за въездом и пребыванием иностранцев (правила и процедуры, дифференцирующие иммиграционные потоки и регулирующие прием иностранцев) и интеграционной политики (программы и меры инклюзии)¹ и регулирует три стадии социального включения, которые должен пройти иммигрант для получения статуса аналогичного статусу граждан: первая – въезд на территорию принимающего государства, вторая – получение права на постоянное проживание и третья – полноправное членство и включение в политическую систему, т. е. натурализация.

Интеграция тесно связана с иммиграцией, поэтому различия между интеграционной политикой и иммиграционной размыты и трудноуловимы. Вместе с тем в их основе заложена разная политическая логика и поэтому их следует рассматривать как две аналитически различные области политического управления²: если первая обусловлена прагматическими целями (демографическими, экономическими), достигаемыми на этапе подготовки иммигранта к переезду и пересечения им государственной границы страны-реципиента, то вторая направлена на решение задач, возникающих на завершающей стадии миграционного процесса уже на территории принимающей страны и связанных с политико- и социокультурными аспектами функционирования современного национального государства – социальной сплоченностью и национальной идентичностью.

Поскольку действие иммиграционной политики не заканчивается на моменте пересечения иностранцем физической территориальной границы, ее меры и механизмы в определенной степени могут дублироваться или «перекрываться» интеграционной политикой. Положения, касающиеся

¹ Hammar T. Immigration Regulation and Alien Control // European Immigration Policy: A Comparative Study / Ed. by T. Hammar. Cambridge, 1985, p. 254.

² Givens T., Luedtke A. European Immigration Policies in Comparative Perspective: Issue Salience, Partisanship and Immigrant Rights // Comparative European Politics, 2005, № 3(1), p. 2.

ся доступа к рынку труда, продолжительности пребывания и проживания, также могут быть определены как часть интеграционной политики. Но интеграционная политика также охватывает программы инклюзии, детерминирующие объем политических, социальных, культурных прав иммигрантов. Иными словами, в то время как иммиграционная политика устанавливает юридические основания въезда, продолжительности пребывания и доступа к рынку труда, политика интеграции регулирует условия проживания иммигранта в принимающем обществе и его доступ к политической, социальной и культурной сферам¹.

Таким образом, автор определяет иммиграционную политику как деятельность органов государственной власти страны-реципиента по планированию объема, состава и направлений движения международных (внешних) миграционных потоков и управлению въездом, пребыванием и проживанием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории принимающего государства. В идеальной перспективе иммиграционная политика дополняется политикой интеграции, нацеленной на инкорпорирование иммигрантов в основные институты общества-реципиента.

Центральная роль в разработке и реализации как иммиграционной, так и интеграционной политики принадлежит государству – основному институту политической системы, обладающему значительными ресурсами и полномочиями². Вместе с тем миграция и интеграция иммигрантов – самоорганизующиеся сложные социальные процессы, течение и результаты которых довольно условно поддаются контролю государственных органов. В этой связи возможности государственной политики в управлении миграционными процессами ограничены и могут быть дополнены за счет привлечения гражданского общества, бизнес-структур, международных организаций и правительств третьих стран.

Иммиграция в Россию: основные тенденции

Согласно Статистическому ежегоднику 2017 показатели долгосрочной миграции в Россию в 2016 г. снизились на

¹ Helbling M., Bjerre L., Römer F., Zobel M. Measuring Immigration Policies: The IMPIC Database // European Political Science, 2016, № 16(1), с. 87.

² Hersi A.M. Discourses Concerning Immigrant Integration: A Critical Review // European Scientific Journal, 2014, p. 591.

3,9% по сравнению с 2015 г. и составили 575,1 тыс. человек, прибывших в основном из стран постсоветского пространства: Украины, Казахстана, Узбекистана, Киргизии¹. По оперативным данным Росстата, за период с января по октябрь 2017 г. на территорию России прибыли еще 531 тыс. человек (89,5% с территории стран СНГ, главным образом Украины, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана), что на 1,1% больше, чем за аналогичный период 2016 г.².

По демографическим характеристикам в структуре долгосрочной международной миграции преобладают мужчины трудоспособного возраста – их доля в общем потоке в 2016 г. составила 46,2%³. Среди женщин-мигрантов основная часть также приходится на представительниц трудоспособного возраста – 70,2% от общего количества всех переехавших в Россию в 2016 г. женщин⁴. В основном переселенцы имеют среднее профессиональное, начальное профессиональное или среднее общее образование: в 2016 г. их совокупная доля от общего количества международных мигрантов в возрасте от 14 лет и старше составила 50%; на долю тех, кто имеет высшее образование, пришлось 19,7%⁵. Наибольшее количество иммигрантов с высшим образованием прибыли из Казахстана, Украины и Узбекистана⁶.

Несмотря на то, что в период обострения украинского конфликта в 2014-2015 гг. вынужденная миграция занимала значительное место в миграционных потоках в Россию, наиболее масштабной была и продолжает оставаться времен-

¹ Российский статистический ежегодник 2017. М., 2017, с. 101.

² Демография на 1 декабря 2017 / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b17_00/lssWWW.exe/Stg/dk11/8-0.doc

³ Возрастно-половой состав мигрантов по Российской Федерации в 2016 году / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-07-16.xls

⁴ Возрастно-половой состав мигрантов по категориям поселения в Российской Федерации в 2016 году / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-08-16.xls

⁵ Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и причинам смены места жительства в Российской Федерации за 2016 год / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-12-16.xls

⁶ Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по уровню образования и странам выхода/приема по Российской Федерации в 2016 году / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/lssWWW.exe/Stg/tab2-14-16.xls

ная трудовая. В 2016 г. с целью трудовой деятельности прибыли 4,3 млн. человек, большая часть – из Узбекистана (33,4%), Таджикистана (18,6%), Украины (11,7%) и Киргизии (8,4%)¹; за период с января по сентябрь 2017 г. – 3,7 млн. человек (распределение иностранцев по гражданской принадлежности аналогичное)². При этом количество выданных как в 2016 г., так и за период с января по сентябрь 2017 г. разрешительных документов на трудоустройство (149 тыс. разрешений на работу и 1,5 млн. патентов³ и 105,5 тыс. разрешений на работу и 1,3 млн. патентов⁴) не соответствует числу въехавших с целью работы иностранцев. Эти данные даже с учетом тех, кто имеет право работать в России без разрешительных документов (граждане стран-членов ЕАЭС) показывают, что проблема незаконной занятости и проживания с введением патентной системы так и не решилась. Сравнение числа иностранцев, оформивших разрешительные документы для работы в РФ, в общем потоке въехавших с целью трудоустройства в 2014, 2015, 2016 гг., показывает, что и число, и доля нелегальных иммигрантов выросла⁵.

Как видно, в структуре трудовой миграции также преобладают иностранцы из ближнего зарубежья особенно из Средней Азии. В 2016 г. на долю иммигрантов из стран СНГ, осуществлявших в течение года трудовую деятельность в России, пришлось 93,7%⁶. Из государств дальнего зарубежья основным источником экономических мигрантов являются

¹ Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года с распределением по странам и регионам / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9359228/>

² Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-сентябрь 2017 года с распределением по странам и регионам / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/11445156/>

³ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2016 год / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/9266550/>

⁴ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-сентябрь 2017 года / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ // URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/11444944/>

⁵ Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В. Миграция в России в 2016 году // Экономическое развитие России, 2016, № 12, с. 41.

⁶ Российский статистический ежегодник 2017, с. 120.

Китай и КНДР: в 2016 г. в России трудились 40,1 тыс. китайских (2,3%) и 33,1 тыс. северокорейских граждан (1,9%)¹.

За последнее десятилетие возраст трудовых мигрантов значительно снизился: если в 2000-е гг. доля самой молодой возрастной группы 18-29 лет составляла примерно четверть в потоке экономической иммиграции в Россию², то в 2016 г. – уже 40,8%³. Большинство – граждане Узбекистана и Таджикистана, на которых в 2016 г. пришлось 35,7% лиц в возрасте от 18 до 29 лет от общего количества трудящихся на основании патента иностранцев⁴.

Спрос на преимущественно тяжелый физический труд, прежде всего в строительстве и обрабатывающих производствах, определяет преобладание в трудовой иммиграции мужчин⁵. Вместе с тем на протяжении 2000-х гг. за счет расширения сферы применения иностранного женского труда в сфере услуг и домашних хозяйствах постепенно увеличивалась доля женщин, достигнув в 2017 г. по официальным данным порядка 15%⁶.

Приведенные данные статистики и различных исследований дают возможность выявить следующие тенденции иммиграции в Россию:

- преобладание над долгосрочной с целью натурализации и постоянного проживания временной трудовой иммиграции. При этом основная доля трудовых мигрантов имеет низкий уровень образования и квалификации;
- рост числа и доли незаконно работающих и проживающих на территории России иностранных граждан;
- доминирование как в долгосрочных, так и во временных трудовых миграционных потоках иммигрантов из стран ближнего зарубежья. Страновая структура постоянной иммиграции отличается от временной – в рамках первой преобладают граждане Украины и Казахстана, в рамках второй – Узбекистана и Таджикистана. В результате воен-

¹ Российский статистический ежегодник 2017, с. 120.

² *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Малеева Т.М., Кириллова М.К.* Миграция и рынок труда. М., 2015, с. 69.

³ Российский статистический ежегодник 2017, с. 122.

⁴ Там же.

⁵ *Щербакова Е.М.* Миграция в России, итоги первого полугодия 2017 года // Демоскоп Weekly, 2017, № 743-744. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0743/barom01.php>

⁶ Там же.

ных действий на востоке Украины граждане данной страны заняли основное место в долгосрочных иммиграционных потоках, вытеснив граждан Казахстана и Узбекистана;

- долгосрочная иммиграция, равно как и временная экономическая становится все более «молодой» и этнически однородной. Большая часть иммигрантов получили образование и социализировались уже в пространстве независимых национальных государств ближнего зарубежья. По мере отдаления момента распада Советского Союза и увеличения миграционной мобильности коренного населения республик будет снижаться доля культурно и лингвистически близкой иммиграции в Россию, а также знание русского языка.

Некоторые проблемы российской иммиграционной политики и возможные пути их преодоления

С 1992 г. совокупные показатели естественной убыли населения России превысили 13,2 млн. человек; иммиграция стала единственным источником стабилизации его численности, покрывшим 61% естественной убыли¹. Сегодня Россия все еще нуждается в эффективном использовании потенциала иммиграции для преодоления демографических проблем: в 2016 г. возобновилась естественная убыль населения, положив начало развитию негативного демографического тренда. Согласно оперативным данным за период с января по декабрь 2017 г. естественная убыль населения составила 134 тыс. человек², показатели рождаемости снизились на 10%³. Численные потери населения удалось компенсировать только за счет миграционного прироста. Учитывая эти данные, а также структурные демографические факторы – в текущем десятилетии количество женщин репродуктивного возраста сократится, а число пожилых снова увеличится за счет старения послевоенных поколений 1950-1960-х гг. рождения⁴, – резервы для естественного воспроизводства населения

¹ Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М., 2015, с. 21.

² Сведения о числе зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов за январь-декабрь 2017 года / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/free_doc/2017/demo/t1_2.xls

³ Там же.

⁴ Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад, с. 22.

фактически отсутствуют. Согласно среднему варианту прогноза Росстата общая величина естественной убыли за период с 2017 по 2030 гг. составит более 4 млн. человек¹, соответственно основным источником стабилизации и роста численности населения России будет иммиграция.

Помимо депопуляции в России назревает еще одна проблема, характерная практически для всех стран ОЭСР – старение экономически активного населения. Сокращение трудовых ресурсов снижает потенциал экономического роста и оказывает существенную демографическую нагрузку на пенсионную систему. Средний вариант прогноза Института демографии НИУ ВШЭ показывает, что общая численность российского населения трудоспособного возраста без учета иммиграции с 2014 по 2030 гг. сократится на 11 млн. человек, с ее учетом – на 6,6 млн. человек². Эксперты отмечают: немногочисленные поколения 1990-х гг. будут не в состоянии возместить уход с рынка труда поколений 1950-1960-х гг. В этих условиях иммиграция способна смягчить негативные демографические тенденции, которые могут повлечь за собой серьезные вызовы для экономической и социальной сфер. Однако существующие механизмы управления иммиграцией не отвечают потребностям страны прежде всего потому, что российская иммиграционная политика непоследовательна и противоречива.

Принятая в 2012 г. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. положительно оценила роль международной миграции в экономическом и демографическом развитии России и обозначила необходимость привлечения иммигрантов. Однако последующие поправки в миграционное законодательство, среди которых введение миграционного правила 90/180; запрет въезда в Россию на срок от 3 до 10 лет для нарушивших миграционное законодательство; ведение уголовной ответственности за фиктивную постановку на миграционный учет; введение комплексного экзамена для получения патента, разрешения на временное проживание и вида на жительство скорее противоречат поставленным в Концепции задачам и доказывают, что иммиграция продолжает рассматриваться как угроза.

¹ Там же, с. 22.

² Там же, с. 358.

Если за утверждениями о необходимости привлечения иммигрантов и следуют меры по либерализации иммиграционного законодательства, то затем они, как правило, дополняются различными рестриктивными инициативами или поправками, нивелирующими весь положительный эффект такой либерализации. Яркий пример – попытка упрощения доступа к рынку труда иностранцам из безвизовых стран посредством введения патентов. По сравнению с прежней системой квотирования разрешений на работу патентная система действительно создала больше возможностей для включения иммигрантов из стран СНГ в легальный рынок труда. Вместе с тем процедура оформления существенно усложнилась, увеличились временные и финансовые затраты. Значительный объем документов (сертификат о сдаче экзамена на знание русского языка, истории и законодательства РФ, полис ДМС и справка о прохождении медицинского осмотра), а также жесткая привязка патента к региону выдачи не мотивируют к трудоустройству на законном основании. Комплексный экзамен для трудовых мигрантов при отсутствии инфраструктуры, позволяющей подготовиться к нему, вкуче с недостаточным количеством времени, рассчитанным на получение патента (30 дней), способствует скорее не развитию языковой компетенции, а вытеснению в область нелегальной занятости и формированию дополнительных «теневых» посредников, продающих за деньги сертификаты о сдаче экзамена.

Российская иммиграционная политика отличается непосредственностью в вопросах регулирования не только временной экономической, но и долгосрочной иммиграции. В 2014 г. в ответ на поручение главы государства разработать упрощенный порядок натурализации культурно близких переселенцев, в закон о гражданстве были внесены поправки, предоставившие возможность вступить в гражданство РФ по упрощенной схеме носителям русского языка¹. Однако разработанный порядок натурализации в действительности сделал их путь к российскому гражданству одним из наиболее трудных. Во-первых, для них был сокращен срок действия вида на жительство до трех лет: если в течение двух лет

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002, № 22, ст. 2031, гл. VII, ст. 33.1.

заявитель не успевает подать на гражданство, то его вид на жительство аннулируется без права на продление.

Во-вторых, был установлен разрешительный порядок отказа от имеющегося гражданства (для всех иностранцев предусмотрен заявительный порядок), т.е. при получении вида на жительство в России заявитель обязан предоставить документ о выходе из другого гражданства, выдаваемый полномочными органами государства его гражданской принадлежности. Фактически данное требование делает иностранное государство посредником в вопросе получения гражданства соотечественниками, способным влиять на исход процедуры натурализации. Поскольку многие страны постсоветского пространства (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Молдавия¹) не выдают документы о выходе из своего гражданства, это становится непреодолимым препятствием к получению российского паспорта носителями русского языка. Данные недостатки в совокупности с необходимостью доказывать не только рождение, но и постоянное проживание родственника заявителя по прямой восходящей линии в современных границах РФ, нестабильной работой комиссий по признанию носителем русского языка лишает права данную категорию переселенцев, наиболее близкую в культурном плане и соответственно приоритетную, на упрощенное получение российского гражданства.

Противоречивость иммиграционной политики влечет за собой перманентную корректировку законодательства, которая не только повышает степень административной сложности миграционных процедур и несоответствия правоприменительной практики законам, но и создает ситуацию нестабильности для иммигрантов, проживающих или трудящихся в России. Так, внезапная отмена в августе 2017 г. внутреннего распоряжения МВД о продлении миграционного учета украинским беженцам без необходимости выезда на 90 дней многих из них поставила в нелегальное положение.

Неопределенность российского иммиграционного курса препятствует формированию системной интеграционной политики. Сегодня существуют лишь отдельные интеграцион-

¹ В отношении граждан Украины данная проблема решилась 1 сентября 2017 г. с вступлением в силу Федерального закона от 29.07.2017 № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и ст. 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

ные мероприятия в форме языковых курсов¹ и центров социальной адаптации, в основном предназначенные для трудовых мигрантов и выполняющие скорее функции социализации, чем интеграции. В условиях отсутствия общероссийской сети интеграционных курсов под патронажем миграционной службы многие из таких мероприятий реализуются некоммерческими организациями.

Вместе с тем, учитывая указанные тенденции снижения возраста иммиграции и постепенного сокращения в ее структуре доли русских и русскоязычных, можно сказать, что Россия уже сегодня нуждается в разработке механизмов интеграции как иммигрантов, ориентированных на постоянное проживание и получение российского гражданства, так и части временных мигрантов, решивших остаться в стране. Среди основных механизмов должно быть не только языковое обучение, необходимы политико-правовой элемент, предусматривающий рационализацию процедур натурализации и их «привязку» к интеграционным курсам, обеспечение четкой преемственности миграционных правовых статусов и возможности перехода иммигрантов из категории временных в категорию постоянных, программы легализации для нарушивших сроки пребывания в России или условия занятости.

Развитие системной иммиграционной политики, основой которой станет восприятие иммиграции не как угрозы национальной безопасности, а как важного стратегического ресурса, осложняется тем, что компетенция в данной сфере с 2016 г. вновь была возложена на силовое ведомство – Главное управление по вопросам миграции в рамках Министерства внутренних дел.

Ориентированность данной структуры на обеспечение правопорядка определяет приоритет запретительных мер и контрольно-ограничительных методов управления, а также секьюритизированную основу иммиграционной политики с акцентом на иммиграционный контроль и учет, выдачу различных документов и регулирование правового статуса

¹ В отчете ФМС за 2014 г. (Итоги деятельности, положение России в 2014 году: Сборник материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под ред. К.О. Ромодановского. М., 2015) указано, что в России действуют 334 языковых курса для обучения иммигрантов. Поскольку ГУВМ МВД подобных отчетов не публикует, установить, сколько таких курсов имеется на данный момент, не представляется возможным.

иностранцев, надзор в миграционной сфере, пресечение незаконной иммиграции. При этом игнорируются наиболее важные управленческие задачи, составляющие суть комплексной и эффективной иммиграционной политики, такие как планирование иммиграционных потоков, разработка дифференцированных программ привлечения различных типов иммигрантов (экономических, академических, долгосрочных, соотечественников), реализация политики убежища, натурализации и интеграции.

Восприятие мигрантов как потенциальных нарушителей законодательства, «закрытость» МВД и нежелание работать с иммигрантскими, правозащитными организациями и экспертным сообществом являются препятствиями для выстраивания комплексной иммиграционной политики с различными механизмами управления.

По мнению автора, преодолению указанных проблем будет способствовать, во-первых, определение и конкретизация российского миграционного курса. С одной стороны, необходимость привлечения иммигрантов публично артикулируется и декларируется в официальных документах; с другой – существующие нормы миграционного законодательства и отдельные представители государственной власти сигнализируют о том, что Россия заинтересована лишь во временной трудовой или вовсе не нуждается в миграции из-за рубежа. Конкретика в данной области позволит справиться с противоречивостью и непоследовательностью иммиграционной политики и законодательства, сформировать развитую и гибкую систему привлечения иммигрантов и соответствующие интеграционные программы. Систематизировать массив зачастую внутренне противоречивых миграционных законов и в результате установить четкие правила въезда, регистрации, трудоустройства и проживания поможет процедура кодификации и создания единого миграционного кодекса.

Во-вторых, понимание, что иммиграция – демографический и экономический ресурс, требующий комплексного управления не только с помощью контрольно-ограничительных мер. Если функции миграционного контроля и противодействия нелегальной иммиграции оставить в ведении ГУВМ МВД России, а разработку и реализацию иммиграционной политики перераспределить в пользу самостоятельного миграционного ведомства, это сделает возможным не только расширение инструментов управления меж-

дународной миграцией, но и повысит ее социальную ориентированность.

Подводя итог, необходимо отметить, что иммиграция в России продолжает рассматриваться в контексте угрозы безопасности, а иммиграционная политика – как административный инструмент регулирования миграционных потоков. Это определяет ее непоследовательность, противоречивость и доминирование политики запретов и ограничений. С учетом указанных иммиграционных тенденций и объективных потребностей России в обеспечении поступательного экономического и демографического развития, уже сегодня необходимы новые конструктивные подходы в сфере иммиграционной политики, которые будут базироваться на позитивной оценке иммиграции и ее системном управлении.

Гаева А.С. Иммиграционная политика России: проблемы и перспективы. Настоящая статья – попытка анализа иммиграционной политики России с точки зрения проблемного подхода. В первой части автор концептуализирует понятие «иммиграционная политика», во второй – исследует современные иммиграционные потоки в Россию и выявляет их основные тенденции, в третьей – определяет некоторые проблемные моменты российской иммиграционной политики и предлагает пути их преодоления.

Ключевые слова: иммиграционная политика, экономическая иммиграция, международная миграция, политика интеграции иммигрантов, долгосрочная иммиграция.

Gaeva A.S. Immigration policy of Russia: problems and perspectives. This article is an attempt to analyze Russian immigration policy in terms of a problem approach. In the first part, the author conceptualizes the definition of "immigration policy", the second part examines the current immigration flows to Russia and identifies their main trends; the third part identifies some problem points of Russian immigration policy and suggests the ways of their overcoming.

Keywords: immigration policy, economic immigration, international migration, immigrant integration policy, long-term immigration.

Ю.В. ИРХИН
доктор философских наук,
профессор РАНХиГС при Президенте РФ,
профессор РГГУ, академик АГН РФ*

Сетевые подходы в политике и технология блокчейна

*«В современную основу организации
экономики, политики и общества ложатся
сетевые информационные потоки, сетевые
структуры и сетевые взаимодействия»*
(М. Кастельс)

Иntenсивное развитие информационно-коммуникативных технологий вызывает глубинные сдвиги во всех сферах общества – политической, социальной, экономической и культурной жизни. Множественность, относительная независимость и подвижность разнообразных субъектов современной политики, широкое использование ими электронных СМИ в разнообразных процессах взаимодействия все более подчиняется сетевой логике развития социальных и политических субъектов. В такой логике хорошо отражаются смыслы и поведение современных множественных акторов политики и управления, вступающих в различные сетевые взаимоотношения. Можно сказать, что мы присутствуем при процессе перехода от одного состояния поля политики и управления – традиционного, иерархического, к другому – публичному, сетевому; к их многофакторному взаимодействию и сосуществованию.

Вместе с постепенным переходом к постиндустриальному, информационному, цифровому и высокотехнологическому устройству общества усложняются и сетевые взаимосвязи между акторами, так или иначе принимающими участие в политическом или государственном управлении. Об этом свидетельствуют, например, все более активное привлечение экспертов к разработке проектов политических решений и повышение роли различных негосударственных

* Ирхин Юрий Васильевич, e-mail: irkhine@mail.ru

институтов (бизнеса, гражданского общества) и общественных организаций.

Еще одним маркером наличия и каналом углубляющегося сетевого взаимодействия является такой механизм, как «government relations» (связи с органами государственной власти), который, в отличие от традиционных концепций управления, нацелен не столько на продвижение конкретных политических решений, сколько на установление долгосрочной и равноправной системы взаимоотношений между государственными и частными акторами¹.

Новая постиндустриальная и информационная парадигма общественного развития ставит перед нами проблемы, которые требуют выработки новых, инновационных подходов к их решению. Вместе с кардинальными изменениями общественной структуры меняются и механизмы управления процессами, протекающими в общественной сфере. Традиционные, иерархические управленческие модели уже не могут в полной мере отвечать быстро меняющимся условиям окружающей среды, когда решения приходится принимать в условиях высокого уровня неопределенности и риска, а ряд акторов политики действует в логике как открытых, так и латентных сетевых (паутинных) отношений. Все более возрастающую роль в изменяющемся и усложняющемся мире приобретает управление коммуникационными процессами в быстро изменяющейся социальной и политической среде, которая включает как взаимодействие традиционных иерархических политических подсистем и институтов общества, так и сетевые (в том числе кластерные) взаимодействия субъектов политики и управления.

Задача выработки эффективных моделей взаимодействия различных общественных институтов, в том числе в сетевой логике, является весьма актуальной. Сетевые подходы к политике и управлению, которые в комбинации с коммуникативной методологией предлагают широкий набор инструментов анализа процессов выработки и реализации управленческих решений в современной социально-политической системе, существенно дополняют традиционные методы исследования политики (институциональный, бихе-

¹ См.: GR-связи с государством: теория, практика и механизмы взаимодействия бизнеса и гражданского общества с государством / Ред. Л.В. Сморгун, Л.Н. Тимофеева. М., 2012, с. 12.

виоралистский, системный, структурно-функциональный) и способствуют выработке эффективных политических и управленческих решений.

Политические и управленческие сети

Под политической (управленческой или социальной) сетью понимается сетевая система множественных связей с обратным взаимодействием разнообразных агентов (субъектов) публичного управления, между которыми устанавливаются отношения сотрудничества, содействия, совместной ответственности и соответствующей культуры поведения с целью решения общих и частных управленческих задач на основе совместного использования принадлежащих им ресурсов и/или обмена ими.

Собственно политические сети представляют собой системы государственных и негосударственных образований в определенной сфере политики, которые взаимодействуют между собой на основе ресурсной зависимости с целью достижения общего согласия по интересующему всех политическому вопросу, используя формальные и неформальные нормы, преимущественно на горизонтальном уровне¹.

В самом общем плане сети – это функциональные множественные структуры взаимодействия (иногда взаимодействия) различных государственных и общественных организаций на всех уровнях власти, включая местное самоуправление, на основе новых СМИ. Можно выделить разнообразные разновидности сетей: политические, межуправленческие, профессиональные, гражданские и иные.

Понятие «политическая сеть» позволяет выявить сетевые основания структурных и функциональных характеристик процесса выработки публичной (общественной) политики; хорошо отражает политическое управление как сложный и нелинейный процесс постоянного взаимодействия и координации интересов и позиций его множественных участников на основе доверия, принципов обратной связи и открытости.

В генезисе сетевого подхода применительно к сфере политических исследований можно выделить два основных этапа, которые характеризуют его специфические черты.

¹ См.: *Сморгунов Л.В., Шерстобитов А.С.* Политические сети: Теория и методы анализа: Учебник для студентов вузов. СПб., 2014, с. 54.

Вначале (1980-е гг.) наблюдалось проникновение в политическую науку сетевых принципов анализа. Сеть стала рассматриваться как структурная база политического анализа, с помощью которого стали возможны новые подходы в исследовании процесса выработки политики, управленческих решений.

Затем, в конце XX – начале XXI в. произошла концептуализация понятия «политическая сеть» как формы взаимодействия государства, бизнеса, многочисленных групп интересов (в том числе организаций гражданского общества и научно-исследовательских институтов) в сфере публичной политики.

Для типологии различных видов политических сетей используются следующие критерии:

- 1) сфера политики, в которой формируются сети;
- 2) особенности интересов, объединяющих участников сети;
- 3) степень концентрации власти;
- 4) число и тип участников сетей;
- 5) характер институционализации;
- 6) распределение ресурсов между участниками сетей и др.

Политические сети обладают рядом характеристик, которые отличают их от иных форм управленческой деятельности. Целесообразно обратить на них внимание.

Во-первых, политические сети представляют собой множественную структуру управления публичными делами, которая связывает государство и организации гражданского общества. Такую сеть составляют множество разнообразных государственных, частных, общественных организаций и учреждений, которые имеют некоторый общий интерес. Различные сети в силу их различающихся политических интересов и состава по-разному взаимодействуют между собой и государственными организациями.

Во-вторых, политическая сеть складывается для выработки соглашений в процессе обмена имеющимися у ее участников ресурсами. Это означает, что существует взаимная заинтересованность участников сети друг в друге. Ресурсы могут быть распределены неравномерно, но независимо от степени их концентрации и определенного доминирования ряда участников сети последние вынуждены вступать во взаимодействие. Между участниками сети существует ресурсная зависимость. Это отличает сетевую систему от рынка, где каждый участник преследует свои собственные

интересы. Сеть – договорная структура, состоящая из набора контрактов, возникающих на основе согласованных формальных и неформальных правил коммуникации. В политических сетях действует также и особая разновидность организационной культуры – культура консенсуса.

Отличительной характеристикой политической сети выступает общий кооперативный интерес. Многие исследователи подчеркивают эту черту особенно, так как она отличает данную регулятивную систему от рынка, где каждый участник преследует прежде всего свои собственные интересы. С точки зрения выработки политических решений участники сети не выстраиваются в некоторую иерархию, где какая-либо организация имеет преимущество с точки зрения ее властной позиции, однако не исключаются в той или иной мере отношения доминирования. Все участники сети равны с точки зрения возможности формирования совместного решения по интересующему вопросу. Обычно здесь наблюдаются не столько вертикальные, сколько горизонтальные отношения.

Итак, с точки зрения задач и принципов деятельности PR-структур теория и практика политических сетей отличаются от иерархических подходов тем, что включенность в государственное управление в качестве равноправных партнеров ряда участников предполагает процессы взаимной коммуникации, истинного диалога и доверия. Структуры власти не просто доводят до граждан, их объединений уже выработанные решения и программы, а привлекают объединения и граждан к участию в самом процессе их выработки. Это, с одной стороны, предполагает определенную открытость властных структур перед гражданами и их объединениями; с другой – желание общественных организаций открыто взаимодействовать с государственными структурами при важной роли СМИ в этих процессах.

Особую роль социальные и политические сети призваны играть в современных условиях в публичной политике и управлении.

Публичная политика представляет собой способ и результат общественного участия в процессе принятия жизненно важных для общества решений. Становление публичной политики – это необходимое условие становления демократии участия, которая может прийти на смену электоральной демократии, демократии голосований лишь в

случае развития практик общественного участия, которые только и способны превратить закрытую, келейную политику в открытую, прозрачную и подотчетную населению, т. е. политику публичную.

В то же время следует отметить излишнее влияние государственных органов на негосударственных акторов, которое проявляется, например, в регулятивных функциях органов государственной власти, а это в свою очередь препятствует нормальному функционированию политических сетей.

В целом развитие информационно–коммуникационных технологий в современной публичной политике объективно приводит к возникновению предпосылок к сетевому политическому управлению: ускорению и упрощению механизмов производства и воспроизводства информации, привлечению негосударственных акторов к выработке и реализации политических решений, многовекторности политических интересов различных акторов. «Именно сети, – писал М. Кастельс, – составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью»¹.

В этих условиях сетевая коммуникация и сетевые структуры, возникающие в различных сферах общественной жизни и захватывающие доминирующие позиции, становятся одновременно и движущей силой цивилизационного развития и его результатами.

Вместе с тем подлинное сетевое политическое управление или взаимодействие зачастую подменяется обыкновенной сетевой коммуникацией; сети есть, но они существуют лишь для обсуждения общих проблем, реального же участия в выработке политики акторы, не обладающие достаточными ресурсами, не принимают.

В целом теория сетей трансформирует и/или модернизирует управленческие отношения между государством и современным обществом; обращает внимание на то, что связи и отношения составляют ядро сетей; указывает на возросшее значение морального измерения управления и процесса производства политического решения в публич-

¹ Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. 1. The Rise of the Network Society. 2nd ed. Oxford, 2000, p. 323.

ной политике. Она представляет альтернативные рынку и иерархии модели публичного управления и публичной выработки политических решений; взаимодействия государства и гражданского общества в условиях дальнейшей глобализации и информатизации отношений, а также роста неустойчивости и рисков в общественном развитии.

Сетевая (или кластерно-сетевая, гибридная) методология позволяет на основе новой логики осмысливать предельно сложные и многоуровневые явления и процессы публичной политики, происходящие в современном мире и в Российской Федерации.

Эвристичность сетевой методологии объясняется ее способностью создавать новое научное знание на основе научной конвергенции и синхронизации с другими теориями социально-гуманитарного знания по принципу сетевого взаимодействия, а также ее широкой эмпирической применимостью, дающей выход на междисциплинарные теоретические обобщения.

Конкретные исследования в рамках сетевой проблематики способствуют созданию операциональных моделей, с помощью которых возможно эмпирическое описание и интерпретация феноменов и процессов в определенных сегментах политической сферы, а также их прогностическое осмысление.

Сетевые подходы и технология блокчейна

Блокчейн (англ. *blockchain* или *block chain*) – выстроенная по определённым правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга (параллельно) обрабатываются на множестве разных компьютеров¹.

Впервые термин «блокчейн», появился как название полностью распределенной базы данных, реализованной в системе «биткоин», из-за чего блокчейн часто относят к транзакциям (виртуальным переводам информации) в различных криптовалютах, однако технология цепочек блоков может быть распространена на любые взаимосвязанные информационные блоки. В работе блокчейна можно сравнить

¹ См.: Генкин А.С., Михеев А.А. Блокчейн. Как это работает и что ждет нас завтра. М., 2017, с. 14.

каждую транзакцию с микроскопической молекулой ДНК, содержащей ключевую информацию обо всем живом организме. Благодаря чему несанкционированное изменение данных невозможно – система не согласует и отклонит операцию, как организм отторгает чужеродные клетки и ткани.

Содержимое блоков может быть проверено, так как каждый блок содержит информацию о предыдущем блоке. Все блоки выстроены в одну цепочку, которая содержит информацию обо всех совершенных когда-либо операциях в базе. Самый первый блок в цепочке – *первичный блок* (англ. *genesis block*) – рассматривается как отдельный случай, так как у него отсутствует родительский блок.

Блокчейн формируется как непрерывно растущая цепочка блоков с записями обо всех транзакциях. Копии базы или её части одновременно хранятся на множестве компьютеров и синхронизируются согласно формальным правилам построения цепочки блоков. Информация в блоках не зашифрована и доступна в открытом виде, но отсутствие изменений удостоверяется криптографически через хеш-цепочки (элемент цифровой подписи). Блокчейн – самодостаточная, но при этом предельно открытая структура, для работы которой не нужны третьи лица. Именно эту цель – отсутствие посредников – преследовали создатели биткойна, когда разрабатывали протокол передачи криптовалюты от пользователя к пользователю. Блоки связываются в цепь при помощи сложных математических алгоритмов. Каждый новый блок присоединяется строго к предыдущему, имеет уникальную подпись и метку времени. Добавление нового звена в цепь подтверждается каждым участником системы и приводит к автоматическому обновлению реестра. Если возникает новый блок, сведения об этом появляются во всех базах данных. Чтобы взломать эту систему, нужно получить доступ более чем к половине всех компьютеров, задействованных в сети, а это технически маловероятно.

Таким образом, технология блокчейна делает возможным хранение данных о финансовых операциях, юридических обязательствах, правах собственности, обеспечивая полную прозрачность и всеобщую доступность для ознакомления, но при этом надежно защищая от любого подлога, взлома и т.д.. В еще более простом варианте можно сказать, что технология блокчейна – это некий стеклянный куб с постоянно включенной камерой наблюдения, в него

можно (под присмотром) положить что-то новое, но при попытке изменения или подмены содержимого это тут же станет видно любому наблюдателю¹.

Общедоступность и относительная безопасность блокчейна обеспечивается: сложными математическими алгоритмами; специальными программами криптографирования; тысячами мощных компьютеров, включенных в систему майнинга, между которыми распределена вся совокупность данных. Взломать такую систему теоретически возможно, зато практически – не имеет особого смысла, так как никакой доход заведомо не покроет огромных расходов на глобальную атаку.

Технологии блокчейна все шире используются в различных финансовых и управленческих процессах. Здесь наметились два основных подхода.

Так, представители государственных органов и эксперты при рассмотрении этих технологий высказывают серьезные опасения, особенно в отношении криптовалют, которые, как известно, не обеспечены соответствующим экономическим потенциалом, слабо связаны с существующими валютно-финансовыми системами и по сути представляют собой криптовалютную пирамиду, курс которой резко меняется в силу ее рыночного, субъективного позиционирования. Правительство то предлагает запретить их, то призывает изучать. Минфин – за серьезную ответственность лиц, использующих криптовалюты.

Другой подход состоит в изучении и осторожном (опытном) применении технологий блокчейна в управленческих и финансовых процессах. Так, глава Сбербанка Г.О. Греф и руководитель ЦБ Э.С. Набиуллина неоднократно отмечали инновационный потенциал и возможную пользу от блокчейновых технологий при неременном условии их ответственного и продуманного использования в различных сферах управления (кроме официального признания криптовалют в качестве принятого государством платежного средства).

Сферы использования «цепочки блоков» многообразны и многочисленны:

- денежные транзакции; система межбанковских платежей, в том числе в международных масштабах;
- коммерческие контракты, договоры, сделки;

¹ См.: *Swan M. Blockchain: Blueprint for a New Economy. USA, CA, 2015, p. 23.*

- покупки услуг и товаров;
- передача конфиденциальной информации;
- страхование;
- защита и передача прав собственности;
- управление личными данными;
- архивирование официальных документов;
- защита интеллектуальной собственности;
- применение в рамках электронного правительства и др.¹

У системы блокчейна много плюсов – она децентрализована, её почти невозможно взломать, а вся информация, которая формируется в блоки, автоматически подвергается шифрованию. При этом данные, которые поступают в блокчейн, изменить задним числом невозможно – в теории они хранятся там вечно и не на серверах, а на каждом компьютере одновременно.

Распространение информации без копирования многие уже сейчас *называют* **новым интернетом или интернетом ценностей**. Чтобы получить общее представление о технологии, можно вообразить себе огромную базу данных, которая тысячи раз продублирована в сети и регулярно обновляется, когда в неё добавляются новые блоки.

Такая структура обладает массой преимуществ: прозрачность сделок, отсутствие центрального сервера, наличие полной копии базы у каждого пользователя. Следует отметить также децентрализованную систему со встроенной защитой от взлома, которая позволяет проводить транзакции быстро, точно и без посредников. Теоретически в рамках данной системы банки, обменники, платёжные системы, нотариусы больше не нужны – подлинность транзакций проверяют и подтверждают все участники блокчейна. Кроме того данные, которые формируются в блок, шифруются в автоматическом режиме. **Хеширование** (приведение любого массива данных к числу заданной длины, их проверка) в блокчейнах гарантирует необратимость всей цепи транзакций, а цифровые подписи и ключи двух видов делают информацию внутри блоков недоступной для посторонних.

Понятно, что блокчейн – достаточно сложная система, которая требует значительной подготовительной работы и

¹ Могайар У. Блокчейн для бизнеса. М., 2017, с. 56.

соответствующего обучения как ее организаторов, так и всех многочисленных пользователей и одновременно творцов ее новых блоков и цепочек. Уже есть первые попытки использования этой технологии в управленческих системах.

Так, правительство Москвы запустило технологию блокчейна в популярном проекте «Активный гражданин»: теперь данные находятся не только во внутренней базе, но и в нескольких других независимых базах. Внедрение этой технологии в данном проекте сделает голосования еще более открытыми: сложно будет сказать, что администрация неверно интерпретирует ответы, изменяет результаты голосований, когда граждане сами могут проверить эту информацию. В случае с «Активным гражданином» с 22 ноября 2017 г. каждый голос записывается в системе и копируется на остальные узлы в сети блокчейна.

Для того, чтобы пользователь стал участником сети блокчейна, он должен установить на своем компьютере соответствующую программу. В ней можно проверить неизменность своего голоса или контролировать ход всех голосований. Для опытных пользователей код доступен на сервисе GitHub.

Схема сетевого взаимодействия «Активный гражданин»

Сайт «Активный гражданин» (ag.mos.ru) → приложение «Активный гражданин» → база данных «Активного гражданина» → сервер «Активного гражданина» ↔ интеграция с «Активным гражданином»: Blokchain-сеть (независимые наблюдатели) ↔ Blokchain-сеть (Центр обработки данных) ↔ модуль независимого подсчета голосов.

Потенциал блокчейн-технологии на сайте «Активного гражданина» обширен: можно следить за ходом голосования в режиме реального времени, проверять хронологию появления голосов и контролировать все голосования в системе. По окончании голосования каждый владелец независимого узла сети блокчейна сможет проверить результаты голосования и сравнить их с официальными.

Правительство Москвы планирует совместно с Росреестром использовать эту технологию также для регистрации прав на недвижимое имущество. Это делается для

того, чтобы злоумышленники не могли подделать сведения о собственнике жилья.

По поручению президента Татарстана экспертами компании «Киви платформа» в 2017 г. проведено исследование о применимости технологии блокчейна в государственном управлении и предложено внедрение этой технологии в системы межведомственного документооборота, нотариата, учёта дипломов, голосования, здравоохранения, земельного кадастра, регистрационных действий (гражданские состояния). Решения находятся в стадии рассмотрения.

18 октября 2017 г. Внешэкономбанк и правительство Новгородской области на международном форуме «Открытые инновации» в Москве объявили о запуске пилотного проекта по созданию системы контроля за обеспечением жителей области лекарственными препаратами. Его авторы полагают, что использование технологии блокчейна при мониторинге всей цепочки поставок лекарственных препаратов позволит предотвратить злоупотребления и выявить нелегальный оборот дорогостоящих лекарств, а также сократить случаи смертности по причине приема некачественных лекарств.

Итак, рассмотренные сетевые подходы и методы анализа современных управленческих процессов, включающие принципы блокчейна, накопленный опыт, показывают их значительный потенциал. Творческое и ответственное использование сетевых методологий и технологий может способствовать становлению и развитию инновационных подходов в политике и управлении.

Ирхин Ю.В. Сетевые подходы в политике и технология блокчейна. В статье анализируются проблемы современных сетевых подходов и методов в политике и управлении, а также технология блокчейна.

Ключевые слова: сетевые подходы в политике и управлении, технология блокчейна.

Irhin Y.V. Network approaches in policy and technology of the blockchain. The article analyses the problems of the modern network approaches and methods in policy and management and technology of the blockchain too.

Keywords: network approaches in policy and management, technology of the blockchain.

С.Г. КАРА-МУРЗА
*доктор химических наук, профессор,
главный научный сотрудник ИСПИ РАН**

Кризис культуры: эссе или обзор

К моему удивлению, изучение революций 1917 г. дало методы, полезные для актуальных проблем. В преподавании были трудности в представлении больших систем – целостности типа *экономики, кризиса, общества* и пр. Даже многие специалисты «не чувствуют» таких систем – говорят об их элементах: кто о нефти, кто о ценах. Так не увидеть контекст, связи систем со средой. А ведь мы разделяем жизнеустройство на части для упрощения и забываем, что реальность – многомерная сеть узлов и отношений в движении. Сейчас, в нашем состоянии, обязательно надо «видеть» образы больших систем.

Почему наша аналитика (и в политике, и в быту) часто ошибается и упускает главное? Потому, что часто подводные камни не видны, а их не ищут и не изучают. За один век рванула медицина – благодаря анализам и прозрачности организма (рентген, томография и др.). Известный интеллектуал и политик Юрий Афанасьев на телепередаче сказал: «Результат реформ катастрофичен и, наверное, не могло быть по-другому. Мы, на самом деле, были слепые поводыри слепых». А раньше (в 1983 г.) Ю.В. Андропов признал: «Мы не знаем общество, в котором живем». Это национальная беда.

Недавно мы (я и мои друзья) взяли запыленные тексты и оказалось, что нам они нужны, срочно. Сначала увидели, как в 1918 г. В.И. Ленин работал над *образом* будущего народного хозяйства – не как экономист, а как проектировщик системы с кооперативными эффектами. Это не эконо-

* Кара-Мурза Сергей Георгиевич, e-mail: skaramur@rambler.ru

мика, как мы понимаем, а именно *жизнеустройство*. Ленин выработал навыки *визуализации* предмета обдумывания и строил в сознании образы больших систем, он видел их в связи и в динамике¹. Поэтому он мог кратко и доходчиво объяснить сложные проблемы.

Стали искать корни. После 1905-1907 гг. можно было увидеть становление системы мышления, объяснения и проектирования доктрин Ленина. Его методология быстро развивалась, и практически все крупные проблемы и альтернативы их разрешений Ленин представлял как совершенно новые *инновации*. Новизна его проектов сочеталась со здравым смыслом так, что это было понятным массе трудящихся, но с трудом принималось интеллигенцией.

В начале XX в., во время кризиса физики и научной картины мира, возникла новая парадигма (постклассическая). Стали различать два взгляда: *науку бытия* – видение мира как стабильных процессов, и *науку становления*, когда преобладают переходы *порядок-хаос*, перестройка систем, кризис старого и зарождение нового.

Ленин мыслил в категориях *науки становления*, видел и революцию, и экономику как большие системы в неравновесном состоянии. Это придало его соратникам высокую способность к «обучению у реальности» и отказу от догм. Он ввел представление общественного процесса как перехода «*порядок-хаос-порядок*». В преобразованиях с их неопределенностью решения большевиков были «прозорливыми».

Макс Вебер, изучая и сравнивая процессы развития в обществах модерна и в традиционных обществах, определил изменения форм и структур (*инновации*) как зародыши появления новых общественных институтов. Он ввел в социологию важное понятие: *общество в состоянии становления*. Это аналогия понятия натурфилософии, обозначающего состояния сущности в момент ее рождения – *in statu nascendi*. Вебер также выдвинул сильный тезис: идея и проектирование инновации, порождающей новую структуру, требуют взаимодействия *рационального усилия* и *внерационального импульса*. Он утверждал, что нельзя описать население и общество только посредством социальных и

¹ Таковую задачу «визуализации» решают в своей сфере военные, это у них вопрос жизни и смерти. Они добывают достоверное знание о себе, противнике и местности, находят «белые пятна» и создают образ реальности – на карте, на ящике с песком. Нашим аналитикам надо у них поучиться.

экономических индикаторов – социальное и психическое неразрывно связаны (сейчас скажем, их *синергизм*).

А что же теперь? Уже 30 лет продолжается, хотя вяло, дезинтеграция и общества, и нации (бывшего советского народа). Ни у какой социокультурной общности не сложилось стремления к какой-то цели и миссии. Почему интеллигенция и масса образованных граждан постепенно утратили навыки рефлексии о прошлом и предвидения рисков впереди? Читая тексты Ленина, я пришел к выводу, что в 1950-1960-х гг. сошли с общественной сцены поколения, натренированные анализировать реальность и предвидеть угрозы. Многие хорошо усвоили важные приемы мышления и воображения, они передавали эти навыки и всем гражданам. Думаю, что граждане, подумав о суждениях Ленина, соглашались и считали, что это все понятно – это же не высокая наука и не философия. Это общая ошибка, и задумались об этом совсем недавно, когда обнаружилась наша беспомощность.

Первые поколения СССР обдумывали сложные проблемы в «методологической системе Ленина». Но они говорили и писали на естественном языке, почти обыденном, и опирались на здравый смысл. Люди понимали проблему и доводы – большинство соглашалось, другие сомневались или отрицали. Они осваивали реальность и будущее, потому что они получали объяснения, которые создавали образ. Никто не думал, что это новая и сложная методология, никто не оставил учебники. Они опирались на *неявное знание*.

Бертран Рассел написал: «Можно полагать, что наш век войдет в историю веком Ленина и Эйнштейна, которым удалось завершить огромную работу синтеза». Но *сложный синтез* – это и было становлением СССР.

Это вступление подводит к мысли, что все наши проблемы и кризисы – одна большая система (может быть, *гиперсистема*), которую надо рассматривать как соединение нескольких сфер, каждая представляет особую ипостась этой гиперсистемы. Каждая сфера (ипостась) связана с другими или, можно сказать, каждая – это особый лик (или срез) всего сгустка наших проблем. Например, *хозяйство* (экономика) – один из важнейших «срезов» нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство «пропитывает» все наши формы деятельности и почти все человеческие отношения. В хозяйстве сочетаются

все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* – она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всем калейдоскопе мозаики этих частичек. Например, в тот момент, когда наше народное хозяйство как целость расчленяется и переделывается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но все-таки каждый человек имеет некоторый образ.

Можно представить, что глядя сверху на страну можно увидеть экономику как сеть или ткань институтов, которые регулируют народное хозяйство, а каждый человек связан с этой тканью множеством невидимых нитей. Она соединяет и защищает народ и его хозяйство. Ее ткали и ткут, штопают и обновляют – все сородичи и земляки, потом соотечественники и граждане, шаманы и священники, власти и ученые. Образ такой ткани или пленки – это аллегория и модель.

Примерно так же можно представить другие сферы. Здесь для примера кратко изложим несколько тяжелых проблем гиперсистемы – *культуры*. Ее «ткань» соединяет и формирует все мысли, слова и действия людей. Мы живем в поле культуры как в атмосфере воздуха. Состояние этого поля и ткань его, всех нитей и сгустков, определяет и состояние страны, общества и народа.

В последние полвека вызревал системный кризис СССР, и в 1980-е гг. он взорвался множеством противоречий, конфликтов и расколов. Во всех этих явлениях активно участвовала, изменялась и разрушалась ткань нашей культуры, которую соткали и обновили более десятка поколений – на древней основе сотни поколений.

Грубый образ кризиса

Во время перестройки и реформы главным объектом атаки в сфере культуры было *культурное ядро* советского общества. При достаточной глубине его разрушения народ терял связность и волю, а значит, можно было ликвидировать СССР, сменить политическую систему, произвести передел собственности и кардинально перераспределить доходы.

Удар был нанесен столь сильный, что была повреждена культура России в целом, как система, во всех ее элементах и связях. Более того, были запущены механизмы разрушения культуры, которые вошли в режим самовоспроизводства и даже самоускорения. Этот процесс стал угрозой, чреватой перерастанием в **национальную катастрофу**.

Считалось, что *перестройка* будет программой подготовки советских систем и институтов к их мягкой трансформации в ходе реформ. Но преобразования были столь радикальными («шоковыми»), что их называли *революционными*.

Л.Г. Ионин сказал так: «Гибель советской культуры привела к распаду формировавшегося десятилетиями образа мира, что не могло не повлечь за собой массовую дезориентацию, утрату идентификаций на индивидуальном и групповом уровне, а также на уровне общества в целом».

Кризис культуры – процесс во многом *политический*. Ведь политика – это, прежде всего, создание, воспроизводство и сохранение политических и общественных институтов как устойчивых систем общепринятых *норм* (запретов). Они и связывают людей в общество и в народ (нацию). Все эти нормы – продукт культуры. Разрушение советской системы и было разрушением всех ее политических и общественных институтов.

Сохранение общества возможно лишь при определенном соотношении устойчивости и подвижности его институтов. Не допускать опасного нарушения этого соотношения – чрезвычайная обязанность государства. Опасность гибели общности возникает вследствие избыточной *подвижности*. Массированное вторжение новшеств, разрушающих традицию, создает угрозу для существования общности. Инерция культуры – способ сохранить жизнеспособность народа, обычно неосознанный.

В перестройке началась реформа, при которой *подвижность* всех институтов вошла в режим перманентного лихорадочного потрясения – *институциональной революции*. При этом она пошла на радикальное отрицание традиции. Сдвиги, вызванные крахом СССР, накрыли этим бедствием и Запад¹.

¹ Английский философ Дж. Грей писал: «Приняв неолиберальную программу непрерывной институциональной революции за основу своей деятельности, современные консерваторы не только отказались от любых претензий на роль гарантов преемственности национальной жизни, они

Но по народам бывшего СССР ударило сильнее, все они перенесли «культурную травму», т.е. «насильственное, неожиданное, репрессивное внедрение ценностей, остро противоречащих традиционным обычаям и ценностным шкалам»¹.

Культурная травма может сохраняться и в следующих поколениях, даже если положение стабилизировалось. Для лечения культурной травмы обществу требуется специальная программа реабилитации, но такой программы в России нет, и она даже не стоит в повестке дня. Напротив, «элита» до сих пор берedit людям раны и оскорбляет целые общности, углубляя культурную травму.

Рассмотрим ход кризиса, инструменты разрушения и типы повреждений, которые нанесены российской культуре. Подойдем прагматически, видя в культуре систему, необходимую для существования народов России и самой России как стране.

Этапы кризиса

Не будем углубляться в историю и рассматривать латентный период культурного (мировоззренческого) кризиса, начало которого можно отнести к середине 1950-х гг. Рассмотрим его «открытую фазу».

Тяжелый удар по культуре был нанесен в *перестройку*, которая была подготовкой к молниеносной смене политической системы и общественного строя. Это была «революция по Грамши». Он, изучая трактаты Макиавелли, Французскую революцию и тактику захвата власти фашизмом, показал: первая операция должна разрыхлить или разрушить *культурное ядро* общества.

Неизвестно, помогал ли Хрущеву какой-то философ, знаток Грамши, или доклад на XX съезде был инновацией, но он взорвал несколько важных блоков культурного ядра советского общества. Эти повреждения заделать уже не смогли – бреши использовали уже в перестройке. За время между «оттепелью» и перестройкой *интеллигенция* – сис-

еще и связали свои судьбы с политическим проектом, вне всякого сомнения обреченным на поражение».

¹ Вот краткое определение этого явления: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений» (П. Штомпка).

темообразующая для России большая специфическая общность – претерпела дезинтеграцию. Прежние сообщества разошлись на разные мировоззренческие позиции, в том числе несовместимые (просоветские и антисоветские). Этот раскол разделил их на разные субкультуры. Затем, уже в ходе реформ, общности распались на множество субкультур и пребывают в нестабильном состоянии. Восстановление культурного ядра уже российского населения идет медленно и с трудом.

Разрыв в ткани культуры всегда сопровождается расхождением и конфликтом ценностей – в мировоззрении, этике, эстетике, социальном статусе и т.п. В мягкой форме происходит отчуждение, а при антагонистических противоречиях – вплоть до насилия и войны. П.А. Сорокин в работе «Причины войны и условия мира» (1944 г.) пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении».

За последние 30 лет целые социальные группы перестают чувствовать свою причастность к данному обществу, новые социальные нормы и ценности отвергаются членами этих групп. Неопределенность социального положения, утрата чувства солидарности ведут к нарастанию отклоняющегося и саморазрушительного поведения. Аномия – важная категория кризиса культуры.

Как пример, можно привести разрыв ценностных представлений, который возник, когда в конце перестройки в политической системе официальной стала концепция *свободы*, автономной от *равенства* и *ответственности*. Эта утопия свободы разрывает неявный общественный договор, освобождает от запретов принятой этики и разделяет прежнюю *рациональность* на разные группы. В этот переходный период повисает в пустоте логика, эта «полиция нравов интеллигенции». Это – кризис культуры. М. Фуко высказал очевидную вещь, которая, начиная с И. Канта, на все лады обсуждалась множеством философов: «Антиномия права и порядка лежит в основе современной полити-

ческой рациональности». Свобода (право) и порядок (нормы) находятся в неразрывной диалектической связи¹.

Здесь есть сложная методологическая проблема: государство и общество должны постоянно находить баланс между *несоизмеримыми ценностями*. Есть ситуации, в которых «не существует пристойного, честного и адекватного решения», и это не зависит от воли или наклонностей человека, принимающего решение. Подходы к таким решениям и вырабатывает, со времен появления человека, культура. Очень часто даже в рамках одной культуры несоизмеримость ценностей двух субкультур (социальных групп) принимает характер антагонизма, так что нет возможности договориться и прийти к согласию. Происходят даже столкновения на подавление или уничтожение носителей ценностей, «нежелательных» для *иных*.

Эту проблему в ходе реформ в России игнорировали. Так, например, ценность *свободы* ставилась неизмеримо выше ценности *равенства*, так что возобладал социал-дарвинизм. Ценность *экономической эффективности* ставилась неизмеримо выше ценности *социальной справедливости* и *безопасности*. Социальная справедливость как ограничение для социальной инженерии была отброшена, но вместе с этим рухнула и экономическая эффективность.

Понятно, что в периоды системного кризиса равновесия несоизмеримых ценностей рушатся и возникает множество разрывов ткани культуры, во всех ее структурах. Эти потери сейчас мы уже рассматриваем без политических страстей, а стараемся понять и изучить актуальную реальность, чтобы найти пути выхода из этих порочных кругов.

Здесь мы лишь кратко отметим некоторые из этих провалов.

Представление о человеке

Кризис культуры всегда связан с кризисом ее философских оснований. В центре любой национальной культуры – ответ на вопрос «**Что есть человек?**». На это надстраиваются все частные культурные нормы и запреты.

¹ Де Токвиль писал: «Мой вкус подсказывает мне: люби свободу, а инстинкт советует: люби равенство». Но и свобода на деле представляет собой вовсе не гармоничный набор благ, а систему конкурирующих между собой и даже несоизмеримых свобод.

Человек преображен из животного миром культуры. Первое дело культуры – заставить и научить нас быть *людьми*, дать нам *квалификацию* – быть членом общества и *народом*. Она вбивает в нас множество запретов, подчиняет *цензуре*. Кризис культуры возникает, когда в нее внедряется крупная идея, находящаяся в непримиримом противоречии с нашей культурой – люди теряют ориентиры.

Тысячу лет наше культурное ядро стояло на идее *человек человеку брат!* К нам был закрыт вход мальтузианству, отвергающему право на жизнь бедным. И вдруг культурная элита в конце XX в. кинулась в социал-дарвинизм, предоставив нам вести внутривидовую борьбу за существование.

Еще более болезненным был сдвиг части деятелей культуры России: стали убеждать общество, что «человек человеку волк», а элита гуманитарной интеллигенции – проповедовать *социальный расизм*. Возник фронт холодной войны идей. Таков был исторический выбор элиты 90-х гг. Мгновенный переход символической сферы российского общества от солидарности и взаимопомощи к социал-дарвинизму – это катастрофа в сознании и учителей, и учеников.

Красноречивый пример – изъятие из культурного ядра общества представления о праве человека на труд. Полная занятость была социальным благом. Отсутствие безработицы было прорывом к свободе, достоинству трудящегося человека. Безработица в России считалась *злом*, это было одним из важных устоев нашей культуры. Утрата работы является для человека ударом, тяжесть которого совершенно не выражается в экономических измерениях – так же, как ограбление и изнасилование не измеряется стоимостью утраченных часов и сережек. Превратившись в безработного, человек испытывает религиозный страх – будь он хоть трижды атеист. Этого не поправить и пособием по безработице: оно даже подчеркивает статус отверженного.

Хотя проблема была не только социальная, а *экзистенциальная*, суть проблемы подменили убогим суррогатом. Труд и безработица были представлены экономическими категориями. Такие рассуждения заполнили прессу, повторения их на разные лады разрушили этот элемент нашей культуры, деформировали массовое сознание. Социальный кризис соединился с культурным. Тут наша культура дала сбой,

общество не смогло ни понять угрозы, ни организовать для защиты и укрепления важнейшего *культурного устоя*.

Вопреки разуму и совести большинства с нынешнего распутия идет сдвиг к **эгоцентризму**. Этот дрейф к утопии «Запада» как устоявшегося порядка начался в интеллигенции. Он не был понят и даже был усугублен попыткой «стариков» подавить его негодными средствами. В 80-е гг. этот сдвиг уже шел под давлением идеологической машины КПСС. Если на нынешнее неустойчивое равновесие не воздействовать целенаправленно и умело, сдвиг продолжится в сторону распада русского и других народов России. Вопрос в том, есть ли силы, способные остановить его, пока дрейф не станет лавинообразным. Пока что культура нынешней России находится в отступлении.

Важной утратой стал сдвиг значительной части интеллигенции. Она замещается в России «средним классом», новым социокультурным типом без жестких рамок. Это – массивный неумолимый процесс, который предопределил глубокий кризис культуры, усиленный разрушением прежнего культурно-исторического типа. Перестройка и реформа подорвали ценностную платформу «элиты» интеллигенции, и общность рассыпалась.

В начале XX в. говорили, что «интеллигенция стремилась избежать втягивания России в зону господства “золотого тельца”». Теперь, создав господство *золотого тельца*, элита совершила разрыв с ценностями большинства, что привело к дезинтеграции интеллигенции. Пока что в новую общность она собраться не может. Никакой программы восстановления поврежденных частей системы «культура» не выработано ни в государстве, ни в обществе. Сопротивление распаду носит молекулярный неорганизованный характер, и шансы на его решающий успех невелики.

Эту ситуацию осложняет то, что учебники обществоведения в старших классах и вузах создают безоблачную картину. Они направляют социализацию юношей по ложному пути, воспитывают из них не граждан, а манипулируемого «человека массы».

Разрыв непрерывности в культуре

Это – состояние всей культуры как системы. В самых разных срезах культуры в ходе разрушения жизнеустройства, которое казалось таким устойчивым в советский период,

произошел какой-то сбой в процессе *воспроизводства*. Возникли разрывы, как будто во все элементы культуры заложены мины, подорванные почти одновременно.

Есть тип культурного кризиса под названием *невежество*. Эта беда касалась всех стран и народов. В моменты кризисов возникают группы, превращенные в возбужденную толпу, они могут послужить взрывным устройством, сокрушающим целые страны. И.Ф. Гёте сказал: «Нет ничего страшнее деятельного невежества». М.М. Пришвин, работая в деревне, записал в дневнике 2 июля 1918 г. (вероятно, вспомнив Гёте): «Есть у меня состояние подавленности от того, что невежество народных масс стало действенным».

И сегодня, в результате глубокого кризиса, *невежество стало действенным!* Оно узаконено, подкреплено потоком алогичных, антирациональных утверждений, противоречащих и знанию, и мере, и здравому смыслу. Замечу, что репрессировано и религиозное сознание, его вытесняют оккультизм и суеверия. Оно страдает и от того, что значительная часть прильнувшей к религии интеллигенции пытается сочетать религиозное сознание с рациональным и даже научным представлением о реальности, создавая нежизнеспособный гибрид.

Эти срывы стали частыми в ходе очень быстрого развития и множества изменений, которых ряд общностей не успел освоить. Наше общество было не готово к смене поколений, смене образа жизни в результате индустриализации и урбанизации. Все это началось сразу после войны – население пережило шок *демобилизации*. Как ни странно, горе утрат и радость победы вместе – оказалось сложным состоянием, и все мы, включая власть, многого не видели в процессах массового сознания и не имели научной методологии, чтобы их распознать.

В 1968 г. я познакомился с американским химиком (он также был гуманитарием и специалистом по управлению). Он был после войны перемещенным лицом, кончил в США университет, работал там – и вот, вернулся в СССР. Он много рассказывал мне об Англии и США, об организации их химической науки. В частности, он рассказал, что во время индустриализации все население Англии в течение целого века переживало тяжелый стресс, особенно рабочее. Как он выразился, это был век поголовного пьянства, привыкнуть к городу и заводу людям было очень трудно. И

ему было удивительно, что в СССР молодые рабочие, юноши и девушки, живут и работают без признаков стресса и этого синдрома. Он даже посчитал, что это интересный феномен, особенно училища ФЗУ. Но сейчас мы знаем, что были и другие травмы стресса, которых мы не замечали.

Вспомним: в 1922 г. годовая продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 ч. Люди их использовали первым делом на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 ч (!) в неделю. С середины 1960-х гг. начался резкий откат. Так, среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 ч в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5%, и тратили они в среднем 0,7 ч в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997-1998 гг. таких осталось 2,3%¹.

Вот еще пример тяжелого разрыва: деформация *русского языка*, одной из основ нашей культуры. В языке записываются, воспроизводятся и развиваются все смыслы мировоззрения. Как говорят, «человек видит и слышит лишь то, к чему его сделал чувствительным язык его народа». Поэтому то обеднение языка, которое мы наблюдаем в последние 20 лет – вовсе не следствие безграмотности. Это – операция той холодной гражданской войны, в состоянии которой мы находимся.

Деформируется не только словарь языка, но и строение фразы, ритм. Послушайте многих телеведущих или дикторов радио – они говорят как будто уже не по-русски. Язык слабеет как средство взаимопонимания людей, их соединения через музыку речи, передачу тонких смыслов интонациями.

С введением ЕГЭ уровень культуры русского языка стал быстро падать. В заявлении Ученого совета филологического факультета МГУ в 2012 г. сделан исключительно тяжелый вывод: «Несколько лет подряд отдельные представители гуманитарного сообщества предупреждали о возможности катастрофы как в школьном образовании вообще, так и в его гуманитарном сегменте в частности. Ситуация изменилась качественно: катастрофа произошла, и русская классическая литература более не выполняет роль культурного регулятора образовательного процесса». Это

¹ См.: Патрушев В. Жизнь горожанина (1965-1998). М., 2001.

заявление «О реформе образования, ее итогах и перспективах» было подписано всеми членами Ученого совета – «Принято единогласно на заседании Ученого совета филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 22 ноября 2012 г.».

Это, пожалуй, первое такое событие в истории России – манифест, подписанный авторитетными представителями институционально оформленного научного сообщества лучшего университета страны! Такие указы и приговоры подписывали все до одного лишь участники общинных сельских сходов в революцию 1905-1907 гг., а профессора если и писали петиции, то подписывали маленькими группами.

Известно, что в советской школе введение подростков и юношей в большую культуру осуществлялось с опорой на классическую русскую литературу. Она давала всему поколению общий язык символов, этических формул, аллюзий. В заявлении филологов МГУ сказано: «В результате введения ЕГЭ, резкого сокращения часов на преподавание литературы в школе, а в последнее время и упразднения самого предмета “русская литература” (согласно стандарту второго поколения сейчас в средней школе есть предмет “русский язык и литература”) резко, на порядок упал уровень преподавания русской литературы, уровень знания, уровень ее эмоционального, ценностного, культурно-психологического воздействия на учащихся, фактически лишенных возможности осмыслить литературную культуру прошлого как духовную почву для саморазвития...

Ситуация катастрофического обрушения уровня гуманитарного школьного образования усугубляется массовым закрытием школ в российской провинции и резким сокращением числа бюджетных мест, выделяемых филологическим факультетам вузов, а вместе с тем политикой слияния и закрытия самих вузов. Фактически это означает, что в самое ближайшее время будут аннулированы достижения советской образовательной системы, а вместе с тем будут окончательно преданы забвению традиции русской дореволюционной школы. Это национальная катастрофа, чреватая сломом механизмов исторической преемственности и преры-

ванием самой национальной культурной традиции»¹. Нравственное чувство людей оскорбляла начатая еще во время перестройки интенсивная кампания по внедрению в язык «ненормативной лексики» (мата). Его стали узаконивать в литературе и прессе, на эстраде и телевидении. Появление мата в публичном информационном пространстве вызывало общее чувство неловкости, разъединяло людей.

Это была важная диверсия в сфере языка. Ведь для каждого его средства есть своя ниша, оговоренная выработанными в культуре нравственными и эстетическими нормами. Разрушение этой системы вызывает тяжелую болезнь всего организма культуры. Нецензурщина вошла в детский лексикон. Социологи пишут: «Как говорят сами дети, мат незаменим в повседневной жизни. В социуме, заполненном страхами, дети находят в мате некий защитный механизм, сдерживающий агрессию извне».

Тяжелый симптом.

Преобразование системы потребностей

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть – мир *вещей*. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям, к стране, к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам – один из главных фронтов борьбы за души людей.

Последние 25 лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы *потребностей*. В ходе этой программы сначала культурный слой и молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного *общества потребления*.

Масса людей стала вожделеть западных стандартов потребления и считать их невыполнение в России невыносимым нарушением «прав человека». В обыденном сознании укоренилось представление, что потребности даны человеку *объективно*, что они *естественны*. Человек создан культурой, и его потребности – также продукт культуры. Биологи-

¹ О реформе образования, ее итогах и перспективах – заявление Ученого совета филологического факультета МГУ // http://www.philol.msu.ru/pdfs/о-реформе-obrazovaniya_philol2012.pdf

ческие потребности человека как живого существа невелики. Они даже «подавляются» культурой – большинство людей скорее погибнет от голода, чем станет людоедами.

Новые материальные потребности создавались обществом в его развитии как стимул для более интенсивного и продолжительного труда в выполнении общих задач. Они не были предписаны *природой* человека, а были обусловлены социально. Как писал К. Маркс, «потребности производятся точно так же, как и продукты и различные трудовые навыки».

В любом обществе круг потребностей меняется, это создает противоречия, разрешение их требует развития и хозяйства, и культуры. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим». Навязывание другому народу системы потребностей является одним из главных средств ослабления и подчинения этого народа. Так, например, англичане произвели захват Китая в XIX в. посредством «опиумных войн». Началось с сильного наркотика, потом пошли в ход более слабые соблазны (граммофоны, чайники со свистком и пр.). Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к изменению жизнеустройства, вплоть до *самоотречения* народа. Оно и порождает *смуты* как самые тяжелые кризисы.

Капитализм (рыночная экономика) – первая цивилизация, которая не может существовать без экспансии, как акула не может дышать не двигаясь. Поэтому капитализм нуждается в непрерывном расширении и обновлении потребностей, чтобы жажда потребления становилась все более жгучей и ненасытной.

Буржуазное общество создало целую индустрию *производства потребностей на экспорт*. Разные народы по-разному закрывались от этого экспорта, но при ослаблении этих защит происходит, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они начинают полностью формироваться в центрах мирового капитализма. Такие народы он сравнил с абorigенами, чахнувшими от европейских болезней.

Возможно, что самым разрушительным фактором было для нас преобразование массовой культуры. За 30 лет уда-

лось втянуть большую часть граждан в зависимость от «шопинга» – потребительства не по карману. Вирус этой социальной болезни Запада рассеяли по России (см. рис.).

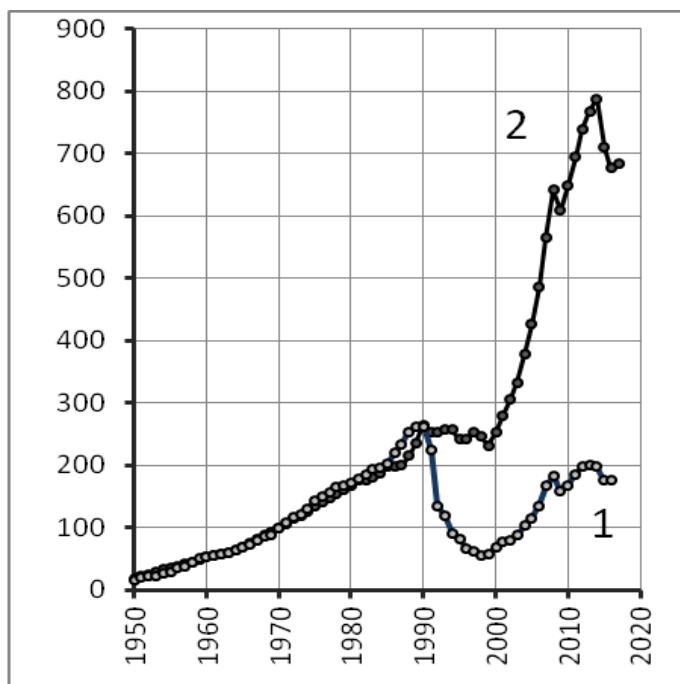


Рис. Индексы инвестиций в основные фонды РСФСР-РФ (1) и розничного товарооборота (2); 1970 = 100

Процесс внедрения «невозможных» потребностей протекал в СССР начиная с 60-х гг., когда ослабевали указанные выше защиты. Они были обрушены в годы перестройки – не на подъеме хозяйства, а при резком сокращении местной ресурсной базы. Это привело к регрессу хозяйства – с одновременным культурным кризисом и распадом системы солидарных связей. У нас есть реальный шанс «зачахнуть», превратившись в *слаборазвитое* общество.

Исход зависит от того, сможет ли та часть интеллигенции, что осознала опасность и сохранила силы для действия, собрать осколки культурного ядра России, чтобы составить из них то зеркало, в котором каждый из нас сможет увидеть

себя как судьбу, как частицу судьбы народа. Тогда будет у нас шанс испытать катарсис, вспомнить свой долг перед нашими мертвыми и нашими потомками – и начать восстанавливать свой дом, хотя бы уже с землянки и барака.

Мы представили примеры симптомов кризиса. Далее надо собрать главные симптомы в систему.

Кара-Мурза С.Г. Кризис культуры: эссе или обзор. Подход к созданию образа кризиса культуры, как большой системы, требует визуализацию ее структуры и основные связи с другими большими системами (политики, экономики и общества). Их взаимодействие позволяет эту часть космоса жизнеустройства представить как целостность, а культуру как «среза» этой целостности. Грубый образ кризиса будет уточняться по мере роста комплекса симптомов. В статье обсуждаются этапы кризиса и симптомы: представление о человеке, разрыв непрерывности в культуре, преобразование системы потребностей.

Ключевые слова: кризис, большие системы, культура, ее связи, взаимодействие с политикой и экономики, образ кризиса, симптомы, визуализация.

Kara-Murza S.G. Crisis of culture: essay or review. The approach to creating an image of crisis of culture (as a big system) requires visualization of its structure and main connections between other big systems (politics, economy and society). The interaction of these big systems allows us to imagine this part of universe of life order as an integrity, and culture as a sample of this integrity. The rough image of crisis will be specified in the course of growth of symptoms. In this article the following stages of crisis and symptoms are being discussed: the narrative of human being, disruption of perpetuity of culture, modification of system of needs.

Keywords: crisis, big systems, culture and its connections, interaction with politics and economy, image of crisis, symptoms and visualization.

А.С. КАПТО
доктор философских наук,
зав. отделом политического анализа и
стратегических оценок ИСПИ РАН,
почетный профессор факультета
политологии МГУ имени М.В. Ломоносова*

К вопросу об институализации политической науки

К числу актуальных проблем политической науки относится проблема ее институализации (наряду с социологией) в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины. Прежде всего обратим внимание на такие особенности процесса институализации отечественной политологии.

Во-первых, о ее (институализации) хронологических рамках. Если в Европе сам термин «политическая наука» утвердился на рубеже XIX-XX вв., после чего вскоре заблистали не только имена отдельных выдающихся западных политологов, но и появились целые научные школы, то институализация отечественной политологии в собственном смысле (а не политической мысли, политических идей и теорий) произошла в 1960-1980-е гг., т.е. в период между двумя советскими либерализациями – хрущевской «оттепелью» и горбачевской «перестройкой». Доктор исторических наук, профессор Г.Г. Дилигенский, говоря о советском периоде в развитии политологии, в свое время выделил внутри его «подпериод», «который начинается с середины или конца 60-х гг. и продолжается до перестройки»¹.

Причем, неоднозначный и извилистый путь становления политологии и ее институализации фактически один в один (в своих плюсах и минусах) повторяют судьбу возрождающейся в это же время социологической науки. У этих двух дисциплин удивительно одинаковыми оказались и хронологические рамки их институализации: для политической науки таким начальным официальным рубежом стал 1960 г., когда была учреждена Советская ассоциация политических наук, а завершающим

* Капто Александр Семенович, e-mail: 339vnv@mail.ru

¹ Интервью с Г.Г. Дилигенским опубликовано в № 1 сборника «Политическая наука» за 2001 г., с. 41.

– 1989 г., когда в соответствии с Постановлением ЦК КПСС произошли легализация политологии и ее оформление в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины; для социологии соответственно – создание в 1958 г. Советской социологической ассоциации и ее вступление в Международную социологическую ассоциацию (в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и межпартийных связей от 11 февраля 1958 г.) и признание самостоятельного статуса социологической науки Постановлением Политбюро ЦК КПСС от 7 июня 1988 г.

Во-вторых, в отличие от классического становления абсолютного большинства научных дисциплин путем их внутренней постепенной интеллектуально-поисковой эволюции на становление политологии (как и социологии) во многом решающее воздействие оказывали крутые зигзаги политического пути каждого нового лидера страны с ярко выраженными акцентами на критику предшественника и с претензией на новации с чистого листа. В самом деле, одному поколению политологов довелось преодолевать вначале в молодые годы последствие сталинского культа личности, а потом хрущевский «волютаризм», брежневский «застой», черненково-андроповские геронтологические издержки. Да и сам акт оформления самостоятельного статуса политологии в 1989 г. происходил не в тиши кабинетов мудрецов-интеллигентов, а в условиях политического Чернобыля в стране, уже разразившейся «катастрофки» (А.А. Зиновьев).

В-третьих, институализация политологии в качестве самостоятельной научной и учебной дисциплины началась фактически на «чистом» исследовательском поле: не был определен ее (политологии) предмет, не отработан понятийный аппарат, не определено место этой дисциплины в системе наук, полностью отсутствовала инфраструктура этой дисциплины (первая в нашей стране кафедра политологии была открыта в 1981 г. (!) на философском факультете Ленинградского университета).

В-четвертых, если дамочным мечом для возрождающейся социологии был догматизированный исторический материализм, то политическое исследовательское поле «аннексировалось» такими «идеологическими дисциплинами», как История КПСС, научный коммунизм, марксистская философия.

В-пятых, политологи, в отличие от многих социологов, не занимались созданием мифов о партийных «погромах» их де-

тища, а более правдиво оценивали как объективные трудности в этой сфере, так и издержки субъективизма и некомпетентности, в том числе и со стороны властей. Здесь не было и «героев» в борьбе с режимом, так как многие политологи сами входили в состав структур режима в качестве консультантов отделов ЦК КПСС, секретарей ЦК партии, помощников генерального секретаря и т.д. Достаточно назвать таких молодых исследователей, входивших в те годы в партийную элиту, как Ф. Бурлацкий, Г. Арбатов, О. Богомолов, А. Бовин, Ф. Петренко, Г. Шахназаров, Г. Герасимов – некоторые из них со временем стали академиками АН СССР и руководителями академических институтов, продолжая пребывать в этом статусе и в составе постсоветской РАН.

Замечательной страницей в истории становления политической науки стало создание в самом начале 1950-х гг. ректором МГИМО Ю.П. Францевым кружка молодежи («Кружок Францева»), занявшегося изучением проблем политологии и социологии. Среди этих энтузиастов были будущие академики Г.А. Арбатов, Д.М. Гвишиани, Н.Н. Иноземцев, В.В. Журкин, профессора Г.К. Ашин, Э.А. Араб-оглы, Д.В. Ермоленко, Ю.А. Замошкин, Э.А. Баграмов, И.В. Бестужев-Лада, Г.Л. Епископов, В.С. Семенов, Ю.Н. Семенов. Со временем в эту школу вошли более молодые мгимовцы Э.Я. Баталов, В.М. Володин, А.М. Мигранян, Т.В. Панилова, М.Т. Степанянц, А.М. Салмин, Б.С. Старостин, А.В. Шестопал.

Зарождение профессионального сообщества отечественных политологов связано с созданием в 1955 г. Секции экономических, философских и правовых наук Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС). Участие этой секции в том же году в III Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук (МАПН) в Стокгольме дало ей статус коллективного члена МАПН. В этом качестве Секция как структура созданного в 1958 г. на основе ВОКС Союза советских обществ и организаций участвовала в IV конгрессе МАПН в Риме. В апреле 1960 г. была осуществлена реорганизация Секции в Советскую ассоциацию политических (государственных) наук (САП(г)Н), что подтверждено решением общего собрания членов Секции в мае и сентябре 1960 г. В декабре 1960 г. Ассоциация по решению Президиума АН СССР переходит в Отделение экономических, философских и правовых наук Академии наук при сохранении ее участия в МАПН. Сотрудничество САПН/РАПН и

АН СССР/РАН продолжалось до 2000 г. 20 декабря 1991 г. преемницей САПН стала Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация политической науки» с сохранением за собой статуса члена МАПН.

В соответствии с Уставом Ассоциация стала добровольным научным обществом, объединяющим лиц, занимающихся вопросами политической науки. Ее цель – содействие развитию политических наук в духе демократии, развитие международного сотрудничества специалистов в этой области, ознакомление общественности с актуальными проблемами этой научной дисциплины посредством проведения научных конференций, совещаний, публикации статей, научных докладов, ознакомление мирового научного сообщества с развитием политической организации российского общества.

Однако политическая наука продолжительное время пребывала в двусмысленной ситуации, так как неясно было, принимается ли политология в качестве самостоятельной научной дисциплины, обладает ли она собственным предметом и методологией исследования, есть ли у нее свой теоретический инструментарий и понятийный аппарат и др. Поэтому и эволюция отечественной политологии в период ее возрождения отмечена извилистым путем: были как крупные резонансные шаги, так и малозаметные, на первый взгляд, но тоже имеющие определенное значение шажки. В тематическом отношении по известным причинам основное внимание концентрировалось на партийной политической и идеологической проблематике, интенсивно набирала силу внешнеполитическая ветвь политической науки, налаживались механизмы постоянного творческого взаимодействия советских политологов со структурами Международной ассоциации политических наук, а также с коллегами исследовательских и аналитических центров партий социал-демократических и развивающихся стран.

В институционализации политологии в СССР большую роль сыграл проведенный в Москве 12-18 августа 1979 г. XI Всемирный конгресс Международной ассоциации политических наук. К открытию конгресса вышел в свет специальный выпуск Ежегодника САПН, содержащий мате-

риалы советской делегации¹. Открывал и закрывал заседания конгресса и выступил на нем президент САПН Г.Х. Шахназаров, который был представителем Советского оргкомитета по подготовке и проведению конгресса. Основной доклад, который произнес на конгрессе вице-президент АН СССР академик П.Н. Федосеев, – «Политические науки и современность». С докладом «Накопление политических знаний с 1949 г.» на пленарном заседании выступил член Программного комитета конгресса В.С. Семенов, получивший со стороны участников конгресса высокую оценку.

Значение этого форума для отечественной политологии определялось по крайней мере такими двумя факторами: во-первых, советские ученые продемонстрировали достаточно высокий профессиональный уровень, что свидетельствовало о возросшем потенциале политической науки в СССР, а, во-вторых, впервые происшедшее на таком уровне соприкосновение советских политологов «лицом к лицу» с крупнейшими фигурами зарубежной политологической элиты, занимавшей кстати, в условиях «холодной войны» нередко враждебные позиции – все это стало серьезным испытанием, в котором исследователи СССР показали себя с самой лучшей стороны.

С точки зрения положительных последствий конгресса важным является и то, что в его подготовке и проведении большую роль сыграли такие академические отраслевые и страноведческие институты, как Институт США и Канады, Институт Латинской Америки, Институт востоковедения, Институт Африки, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). Все они со временем стали признанными исследовательскими центрами, сыгравшими важную роль в институционализации отечественной политологии. Официальные и итоговые материалы конгресса, обзорные статьи по трем основным темам конгресса и ряд статей советских ученых, в частности, Б.Л. Губмана, М.Н. Руткевича, Р.О. Карапетяна, Р.Г. Яновского, М.Т. Иовчука, В.В. Лазарева, Э.Н. Ожиганова, Р.Н. Исмаилова, были опубликованы в еженедельнике САПН тиражом 3700 экземпляров². Позже на основе переработанных док-

¹ Политика мира и развитие политических систем. Навстречу XI конгрессу Международной ассоциации политических наук. М., 1979.

² См.: Проблемы политических наук. К итогам XI Конгресса МАПН. Ежегодник Советской ассоциации политических наук. М., 1979.

ладов советских участников XI Всемирного конгресса МАПН была издана монография.

С начала 1960 г. САПН стала выпускать свои ежегодники, тематика которых была достаточно разнообразной. Вслед за уже упоминавшимся ежегодником, опубликованным по итогам работы XI конгресса МАПН, ежегодники последующих лет посвящались таким темам, как «Взаимосвязь и взаимовлияние внутренней и внешней политики» (1980 г., издан в 1982 г.), «Новый мировой порядок и политическая общность» (1981 г., издан в 1983 г.), «Политическая наука и политическая практика» (1982–1983 гг., издан в 1984 г.). Два ежегодника – «Политические науки и НТР» и «Развивающиеся страны в мировой политике» – вышли в 1987 г.; теме «Новое политическое мышление и процесс демократизации» был посвящен ежегодник за 1990 г.

К числу важных акций, связанных с постановкой вопроса о том, чтобы «узаконить» политическую науку, относится опубликованная 10 января 1965 г. в газете «Правда» статья Ф. Бурлацкого «О политической науке». Под таким названием она появилась в первом, утреннем выпуске газеты, но в московском издании была переименована главным редактором на другое – «Политика и наука», сохранившее при этом призыв к созданию самостоятельного научного направления. Но в появившемся летом того же года газетном обзоре «Правды» прозвучало предложение отказаться от названия «Политическая наука» на том основании, что, мол, «все марксистские науки – политические», и обсуждать вопрос о политологии можно главным образом как о преподавательской дисциплине¹.

Известный политолог, дипломат и журналист А. Бовин, работавший в 60-70-е гг. вместе с Ф.М. Бурлацким на политологическом поприще, в свое время отметил, что Федор Михайлович «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки»² (подчеркнуто нами. – А.К.). О том, что «для нас важен тот факт, что Ф.М. Бурлацкий первым из советских ученых публично выступил за восстановление в правах политологии как научной и учебной дисциплины»³ (подчеркнуто нами. – А.К.)

¹ См.: Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009, с. 21.

² Бовин А. XX век как жизнь. М., 2003, с. 115.

³ См.: Бурлацкий Ф.М. О политической науке. М., 2013, с. 7.

– пишут пользующиеся высокой профессиональной репутацией профессора Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова А.Ю. Шутов и Е.Б. Шестопал. Из множества областей политологии, которые успешно исследовал Ф.М. Бурлацкий, особо выделяются такие три направления: развитие самой политической науки на этапе ее институализации, дизайн политической системы, проблематика политического лидерства и политических элит.

Важнейший шаг в становлении политологии – организация в рамках созданного в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР отдельного и самостоятельного (наряду с социологическим) политологического направления, курирование которого было поручено Ф.М. Бурлацкому как заместителю директора ИКСИ. Во всем этом проявилась большая прозорливость и смелость вице-президента АН СССР А.М. Румянцева, ставшего первым директором нового ИКСИ. Говоря о смелости Алексея Матвеевича мы не хотели бы растворить такую оценку в пафосном возвеличивании его, а подкрепить наше утверждение конкретным аргументом – во всех документах Президиума АН СССР, Отдела науки и учебных заведений ЦК КПСС, Секретариата ЦК, связанных с учреждением ИКСИ – политологическая составляющая как терминологически (упоминание терминов «политология», «политические науки», «политологические исследования»), так и содержательно (определение политологической проблематики, основных направлений этих исследований) вообще отсутствовала, все сводилось только к конкретным социальным исследованиям, т.е. к сфере социологии¹.

И вот на свой риск А.М. Румянцев за счет внутриинститутских резервов сформировал первое политологическое подразделение в системе Академии наук СССР. Ввиду уточнения функций ИКСИ и концентрации его внимания на социологической проблематике Президиум АН СССР 18 мая 1972 г. принял решение о передаче на правах сектора группы сотрудников ИКСИ вместе с Ф.М. Бурлацким в Институт государства и права, а отдел проблем социально-политической динамики в условиях научно-технической революции в составе сектора динамики социальной структуры и сектора поли-

¹ См.: Социология и власть. Сборник 1. Документы. 1953-1968. М., 1997, с. 137.

тической динамики упразднил в связи с переводом этих структур в Институт международного рабочего движения. Получившее распространение в постсоветское время заявление о том, что создание в ИКСИ политологического направления «фактически ... было сделано за счет науки социологической», что в результате того, что А.М. Румянцев «продолжил линию на привлечение к работе в нем близких ему по духу политологов, отчего многим специалистам из смежных областей ... не нашлось места» для проведения конкретных социологических исследований, и что создание в таком формате ИКСИ «не только не улучшило положение социологической науки, но даже усугубило ее», так как из-за этого «с первых дней работы нового научного подразделения (ИКСИ. – А.К.) в нем сложилась довольно странная, явно не способствующая слаженной продуктивной работе ситуация»¹, – все это свидетельствует о том, какие трудности пришлось преодолевать директору ИКСИ внутри института по воплощению в жизнь инициированной им лично идеи создания академической политологической структуры.

Фактом является и то, что продолжительное время отечественную политологию отличали аморфный, импульсивный, крайне слабый уровень ее развития, отсутствие собственных научных школ и центров подготовки профессиональных кадров. Сказывалось отсутствие концептуальных документов (прежде всего Президиума АН СССР и Министерства высшего и специального образования СССР), определяющих предмет политологии как научной и учебной дисциплины, ее понятия и категории, структуру политологического знания, основные направления развития этой ветви науки.

Словом, в сторону своей институционализации политическая наука двигалась «шагами» и «шажками», благодаря которым и накапливался определенный опыт. Одним из таких шагов явилась подготовка и издание в 1980 г. «Краткого политического словаря» под общей редакцией Л.А. О니кова и Н.В. Шишлина. Среди многих достоинств этого издания следует отметить и то, что наряду с трактовкой абсолютного большинства терминов и определений с позиций господствовавшей в СССР идеологии в нем нашли отражение и интерпретации западных политологов, что позволило советским исследователям познакомиться со взглядами

¹ *Осипов Г.В.* Возрождение социологической науки в России. М., 2012, с. 31.

своих зарубежных идеологических оппонентов. Осуществлена также попытка дать определение политической науки: «Политическая наука (политология) – термин, утвердившийся за общественной наукой, изучающей всю область политических отношений. ...Политическая наука развивалась в тесной связи с историей, юриспруденцией и политической экономией, постепенно выделялась в самостоятельную сферу исследований. К предмету политической науки относятся прежде всего принципы политической системы общества, роль и соотношение ее основных компонентов – государства, политических партий, общественных организаций; способы проведения в жизнь государственной политики; регулирование общественно-политических проблем, составляющих понятие демократии»¹. Такое определение было воспринято научным сообществом в основном положительно (при некоторых дискуссионных моментах), и оно стало хорошим подспорьем в дальнейшей «шлифовке» понятийного аппарата политологии.

Институционализация же политологии, как и социологии, состоялась перед самым закатом советской эпохи. К числу глубоких разработок этой проблемы следует отнести монографические исследования Я.А. Пляйса². Важным шагом стало принятие 13 марта 1987 г. совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 327, в котором предлагалось Государственному комитету СССР по науке и технике (ГКНТ СССР) совместно с Министерством высшего и среднего образования СССР, Академией наук СССР и с участием заинтересованных министерств и ведомств СССР «пересмотреть и утвердить номенклатуру специальностей научных работников, по которым должна проводиться подготовка докторов и кандидатов наук, в соответствии с новым перечнем специальностей по подготовке специалистов с высшим образованием и учетом развития новейших направлений науки и техники»³ (подчеркнуто нами. – А.К.). Подчеркнутая нами фраза Постановления, хотя изложена и в общей, абстрактной форме, для политологии и социологии звучала обнадежи-

¹ Краткий политический словарь / Под общей редакцией Л.А. Оникова и Н.В. Шишлина. М., 1980, с. 319.

² См.: Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. М., 2009.

³ Собрание постановлений правительства СССР (отдел первый). 1987, № 24, с. 498, п. 6.

вающе. Это подтвердилось после того, как ГКНТ своим постановлением № 386 от 4 ноября 1988 г. «О номенклатуре специальностей научных работников» внес в номенклатуру следующие специальности по политическим наукам: «теория и история политической науки»; «политические институты и процессы»; «политическая культура и идеология»; «политические проблемы международных систем и глобального развития».

По специальности «политические науки», но в разделе «социологические науки» в том же постановлении проходили еще две специальности: «социально-политические процессы, организация и управление» и «общественное мнение»¹. Номенклатура, утвержденная ГКНТ, была по приказу ВАК при СМ СССР №1 от 25 января 1989 г. принята к руководству всеми органами аттестации научных и научно-педагогических кадров. После этого открылись реальные возможности для создания инфраструктуры политологии, открытия специализированных кафедр, отделения по подготовке профессиональных политологов, формирования диссертационных советов. Осенью 1990 г. в ВАК был создан первый Экспертный совет по политическим наукам в составе 26 видных ученых; председателем совета был утвержден директор Института Европы АН СССР, член-корреспондент АН СССР В.В. Журкин. Первые специализированные диссертационные советы по политологии были созданы в 1990 г. – в Институте общественных наук при ЦК КПСС и при Уральском отделении АН СССР. В том же 1990 г. состоялась первая защита докторской диссертации, и произошло это в диссертационном совете Института общественных наук при ЦК КПСС под председательством Ф.М. Бурлацкого. Номенклатура политологии со временем менялась и уточнялась несколько раз, пока она не была утверждена в окончательном на данный момент виде.

Отечественная политология, пройдя сложный путь становления и институализации в условиях господства теоретико-методологических доктрин советского обществоведения, вскоре оказалось перед новыми вызовами, порожденными цивилизационным сломом всей общественно-политической системы страны. Многие из этих вызовов не менее сложные, чем те, которые пришлось преодолевать ранее. Но это отдельная тема, требующая тщательного исследо-

¹ Бюллетень ВАК при Совете Министров СССР. 1989, № 3, с. 18.

вания. Мы же из множества острых проблем отметим одну. Речь идет о нависшей опасности оказаться реформирующейся ныне Академии наук без института политологии. Для политологического сообщества обнадеживающим было преобразование в 1990-е гг. Института международного рабочего движения в Институт сравнительной политологии, который стал первой легитимной самостоятельной политологической структурой в системе РАН. Однако он вскоре был расформирован, его исследовательские подразделения были переданы в другие институты. В нынешней же «реформаторской утряске» системы институтов РАН места для академического института политологии пока не нашлось. Неужели кто-то всерьез считает, что сложнейшие проблемы современности можно решать без важнейшего научного направления – академической политологии. Или может быть порой дающий о себе знать нигилизм по отношению к фундаментальной науке открывает дорогу для лишения политологии академического статуса.

Капто А.С. К вопросу об институализации политической науки. Рассматривается процесс институализации отечественной политологии как самостоятельной научной и учебной дисциплины, хронологическими рамками которой (институализации) стали создание в 1960 г. Советской ассоциации политических наук и оформление в 1989 г. постановлением ЦК КПСС политологии в качестве обществоведческой дисциплины. Охарактеризован вклад в становление отечественной политологии академического сообщества и системы высшей школы страны.

Ключевые слова: политология, политическая наука, политические исследования, институализация, дифференциация, интеграция (в науке), сотрудничество (в науке), номенклатура политологии.

Капто А.С. On the question of institutionalizing political science. The process of institutionalizing domestic political science as an academic discipline is considered. The time-frame of institutionalization became the creation of the Soviet political association in 1960 and the formation of political science as a social science discipline in 1989 by the Decree of the CPSU Central Committee. The contribution to the formation of domestic political science of academic community and the system of higher education of the country is characterized.

Keywords: political science, political studies, institutionalization, differentiation, integration (in science), cooperation (in science), political science nomenclature.

**Преподавателю социально-
гуманитарных дисциплин**

П.К. ГОНЧАРОВ

*доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры «Общественные науки и
профессиональная коммуникация» Юридического
института РУТ(МИИТ)¹*

Политический процесс: сущность и содержание

Постоянное изменение, непрерывный переход из одного качественного и количественного состояния в другое – всеобщее, фундаментальное, имманентное свойство материального и идеального мира. «Все течет, все меняется, ничего не стоит на месте», – утверждал родоначальник диалектики древнегреческий философ Гераклит (544-483 гг. до н. э.). Этим свойством в полной мере наделена и сфера политики. Все субъекты и объекты политики, их отношения и связи между собой и с окружающей средой находятся в состоянии перманентного изменения. Это изменение проходит разные стадии и этапы, имеет свое начало, продолжение и окончание, характеризующееся новым качественным состоянием участников взаимодействия, отношений между ними и политической системы общества в целом. Однако на этом взаимодействие политических субъектов и объектов не прекращается, а продолжается на новом качественном уровне.

Для характеристики самого хода взаимодействия в природе и обществе, а также происходящих в результате этого взаимодействия изменений используется понятие «процесс» (от лат. *processus* – прохождение, продвижение). Таким образом, *понятие политического процесса, т. е. процесса, происходящего в сфере политики, отражает динамическую, подвижную, постоянно изменяющуюся сторону бытия политической системы общества.*

¹ Гончаров Петр Константинович, e-mail: pkgoncharov@mail.ru

Изучение теории и практики политического процесса имеет важное научное и прикладное значение. Выявление закономерностей его протекания позволяет политическим институтам и политическим деятелям управлять политическими изменениями, направлять их в позитивное русло, исключая или смягчая их негативные последствия, оптимизировать деятельность политической системы по управлению социальным, экономическим и духовным развитием общества.

Сущность и определение политического процесса

Политический процесс представляет собой сложное, многогранное явление. Для его адекватного понимания требуется использование всего арсенала важнейших методов политологического исследования. Лишь их комплексное применение позволяет выявить основные проявления и характерные черты данного феномена. Так, использование *системного подхода*, основных идей концепции политической системы Д. Истона (1917-2014)¹ раскрывает политический процесс как непрерывное функционирование и изменение политической системы в качестве составной части социальной системы общества. Из этого следует, что он включает в себя как все многообразие взаимодействий политических институтов внутри самой политической системы, так и их действий по управлению экономической, социальной и духовной сферами общественной жизни. В свою очередь экономические, социальные и духовные факторы оказывают мощное воздействие на содержание и динамику политического процесса. Системный подход раскрывает также многоуровневую структуру политического процесса, включающую мировой политический процесс как динамическую сторону мировой политической системы.

Особое значение для изучения политического процесса и его видов имеют *структурно-функциональный подход*, выводы концепции политической системы Г. Алмонда (1911-2002)². Благодаря их использованию раскрывается циклический характер политического процесса, состоящего из этапов: а) получения информации о требованиях окружающей

¹ См.: *Истон Д.* Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II. Зарубежная политическая мысль XX в. М., 1997, с. 630-634, 637-641.

² См.: *Almond G.A.* Political Development. Essays in Heuristic Theory. Boston, 1970, p. 181-220.

среды и извлечения из нее интеллектуальных, материальных и кадровых ресурсов; б) анализа полученной информации и выработки решений, обеспечивающих функционирование и развитие социальной системы, а также адаптацию к требованиям окружающей среды и развитие самой политической системы; в) практической деятельности политических институтов и других субъектов политики по реализации принятых решений. Кроме того структурно-функциональный подход свидетельствует, что деятельность отдельных политических субъектов по решению каких-либо конкретных задач образует относительно самостоятельные политические процессы, представляющие собой элементы общего политического процесса функционирования и изменения политической системы общества.

Применение *синергетического подхода*¹ выявило два важных обстоятельства. Во-первых, помимо сознательной, целенаправленной деятельности субъектов политики в политических процессах велика роль механизмов саморегуляции политической системы, которые можно изучать и использовать. Во-вторых, большим потенциалом обладают политические кризисы. Они открывают новые возможности в управлении политическим развитием стран и регионов и могут целенаправленно создаваться в целях перевода политических систем, институтов, режимов и ситуаций в новое качественное состояние. Примером искусственного провоцирования политического кризиса и использования технологий управляемого хаоса могут служить политические перевороты «арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене, а также «цветные революции» в Грузии, Киргизии и на Украине.

Бихевиористский, или поведенческий подход, реализованный в трудах А. Бентли (1870-1957)², Г. Лассуэлла (1902-1978)³ и ряда других авторов, акцентирует внимание на личностном и социально-групповом аспекте политического процесса. При этом он предстает как совокупный результат

¹ См.: Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги // *Общественные науки и современность*, 2005, № 5, с. 91-98; Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В. Историческая динамика. Взгляд с позиций синергетики // *Общественные науки и современность*, 2005, № 5, с. 118-132.

² См.: Бентли А. Процесс государственного управления. Изучение общественных давлений. М., 2012.

³ См.: Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика. М., 2005.

борьбы групп интересов, социальных групп, а также представляющих их личностей за власть и контроль за распределением ресурсов общества.

Рассмотренные характеристики политического процесса позволяют сделать следующий вывод. *Политический процесс – это последовательная реализация функций политической системы общества, включающая определенную совокупность последовательных действий субъектов политики по завоеванию, удержанию и использованию государственной власти, регулированию социальных, экономических, духовно-культурных и политических отношений и решению практических задач в различных сферах общественной жизни; это последовательная смена состояний субъектов и объектов политики, а также отношений между ними в результате их взаимодействия; это ход развития политических событий и явлений.*

В политической науке понятие политического процесса используется как в широком, так и в узком смысле. *В широком* – оно означает совокупность всех действий и изменений политической системы общества в целом, т. е. общесистемный политический процесс. *В узком* – применяется для обозначения определенной последовательности действий и хода изменений в ее отдельных частях и элементах, т. е. частных политических процессов или subprocesses. *Таким образом, политический процесс в широком смысле слова – это совокупность политических процессов в узком смысле слова.*

Состав и структура политического процесса: уровни, компоненты, стадии развития

Будучи динамической, подвижной, постоянно изменяющейся стороной политической системы общества, политический процесс сам представляет собой сложную систему политического и социального взаимодействия. Эта система включает в себя ряд компонентов и может анализироваться под различными углами зрения. Прежде всего политические процессы ранжируются по уровню. Он определяется *масштабом и значимостью*: а) политических субъектов, осуществляющих определенный процесс; б) территорий, на которых он протекает; в) его результатов и последствий. С этой точки зрения все политические процессы можно разделить на *внутриполитические, или национальные*, протекающие в

рамках одной страны, и *внешнеполитические, или глобальные*, касающиеся взаимоотношений государств с другими государствами или международными организациями.

В рамках внутриполитических процессов выделяются следующие четыре уровня. К *общенациональному уровню* относятся процессы, в которых участвуют политические субъекты общегосударственного масштаба (высшие органы государства и политических партий, политические элиты, общенациональные лидеры, институты гражданского общества, большие группы граждан, электорат в целом) и в ходе которых решаются политические, экономические, социальные, духовно-культурные и другие проблемы всей страны.

Региональный уровень включает процессы, протекающие в субъектах федеративных государств (республиках, штатах, землях и т. п.) или в административно-территориальных образованиях унитарных государств (областях, провинциях, департаментах и т. д.). В них участвуют субъекты политики регионального уровня и решаются проблемы соответствующего масштаба.

Местный (муниципальный) уровень охватывает политические процессы, реализующиеся в пределах местных территориальных образований. Они касаются вопросов деятельности органов местного самоуправления и местных отделений политических партий по решению проблем жизнеобеспечения населения соответствующих территорий. Их активными участниками выступают политические субъекты муниципального уровня, а также рядовые граждане.

К *микроуровню* политических процессов относятся политические события и изменения, касающиеся отдельных личностей, например процесс формирования их политических взглядов и лидерских качеств или процесс выработки их личной позиции по какому-либо политически важному вопросу.

С точки зрения *состава* политической процесс как система взаимодействия включает в себя:

а) *субъекты*, активные участники того или иного политического процесса, выступающие в роли его инициаторов, организаторов или кураторов;

б) *объекты* воздействия субъектов, претерпевающие определенные изменения, являющиеся целью или результатом соответствующего политического процесса;

в) *ресурсы*, используемые субъектом политического процесса в целях воздействия на его объекты;

г) *совокупность действий* субъектов политического процесса и *цель событий*, составляющих его содержание и обеспечивающих достижение поставленной цели или получение определенного результата.

В роли *субъектов политического процесса* могут выступать все виды субъектов политики: *индивидуальные* – избиратели, члены политических партий и общественных организаций, государственные служащие, политические деятели; *групповые* – различные типы социальных общностей (классы; социальные, профессиональные и демографические группы), нации, элиты, общество в целом; *институциональные* – государство и его органы, политические партии, профсоюзы, предпринимательские организации и т. д.

Главным, самым полномочным и могущественным субъектом политического процесса выступает государство. В то же время эффективность субъектов политического процесса зависит не только от их формального статуса, но и от качественного состояния в конкретный период времени – организованности, мобилизованности, мотивированности и других характеристик. На определенных этапах развития политического процесса, особенно в условиях глубокого социально-экономического кризиса, политического кризиса и резкого ослабления государства, решающим субъектом могут стать широкие народные массы и их непосредственные представители.

Объектами политического процесса выступают самые разнообразные явления и процессы, а также индивиды, социальные общности и институты, которые подвергаются воздействию субъектов политического процесса с целью их изменения и перевода в новое качественное или количественное состояние. Объектами политического процесса являются также вновь создаваемые институты, отношения и т. д., например, новые законы, новые политические партии, новые органы государственного управления.

Ресурсы политического процесса совпадают с ресурсами политической власти, так как деятельность политических субъектов по управлению политическим процессом по сути и есть реализация ими своей власти. В качестве ресурсов политического процесса используются:

- во-первых, *источники политической власти* (как материальные – природные и человеческие ресурсы, материальные ценности, органы правопорядка, средства массовой

информации и т. д., так и нематериальные – авторитет, воля, традиции, право, организация, знания, наука, общественное мнение и т. п.);

- во-вторых, *средства политической власти* (принудительные, утилитарные, нормативные, духовно-идеологические и информационные методы воздействия субъектов на объекты).

Совокупность действий политических субъектов и *цель событий*, к которым они приводят, являются важнейшим компонентом любого конкретного политического процесса и субпроцесса. Именно оптимальный подбор этих действий и качество их реализации, эффективное использование имеющихся ресурсов воздействия субъектов на объекты во многом определяют успех или неудачу процесса в целом.

Помимо рассмотренных компонентов политического процесса, его структура включает в себя большее или меньшее количество *субпроцессов*, являющихся составными частями общего политического процесса. Так, например, процесс выборов депутатов органов законодательной власти или высших должностных лиц подразделяется на относительно самостоятельные процессы подбора и выдвижения кандидатов, регистрации кандидатов, ведения предвыборной агитации, контроля за ходом голосования и подсчетом голосов и т. д.

Политический процесс как ход развития политических событий и явлений естественным образом разделяется на определенные стадии или этапы. На *первом, предварительном этапе* в обществе или в какой-то из его подсистем вызревает некое противоречие, требующее своего разрешения, или формируется некая потребность, которая может быть удовлетворена лишь посредством действий органов государства, политических партий или других субъектов политики. Это этап *зарождения* политического процесса.

На следующем, *втором этапе* происходит осознание субъектами политики актуальности определенных проблем и противоречий и необходимости их разрешения. Это *этап актуализации* политического процесса и его *включения в политическую повестку*. В тех случаях, когда субъекты политической власти планомерно и оперативно выполняют свои функции артикуляции (формулирования) и агрегации (обобщения) интересов и запросов окружающей среды, формирование политической повестки происходит своевременно

и бесконфликтно. Если же они по каким-либо причинам не реагируют на потребности общества, то это приводит к обострению нерешенных экономических, социальных и других проблем (например, стагнация экономики, падение жизненного уровня населения, межнациональные конфликты и т. д.). В такой ситуации вместо политического процесса решения актуальных общественных проблем может начаться политический процесс смены власти.

Третий этап политического процесса – это определение позиций политических субъектов, выработка ими своей политики и принятие соответствующих политических решений. Его можно назвать *этапом институционализации*. Объем и содержание деятельности политических субъектов на этом этапе зависят от масштаба самих субъектов и объектов политического процесса и сложности решаемых задач, т. е. от уровня политического процесса. Так, например, в общенациональном политическом процессе управления развитием экономики страны или ее отдельных отраслей государство разрабатывает экономическую политику, аграрную политику, налоговую политику, таможенную политику и т. д. В данном случае речь идет о политике в ее функциональном значении как совокупности целей, принципов, форм и методов использования государственной власти в интересах решения общественно значимых задач. Результаты выработки политики закрепляются в виде политического решения, подлежащего исполнению.

На *четвертом, основном этапе* осуществляется взаимодействие главных субъектов политического процесса с его объектами и с другими, сотрудничающими с ними или противостоящими им субъектами политики; разрешаются или углубляются общественные противоречия, послужившие причиной соответствующего процесса; достигаются или оказываются недостижимыми цели участников политических событий. Таким образом, это *этап реализации* потенциала политического процесса, заложенных в нем возможностей изменения социальной действительности. Главное его содержание составляет практическая деятельность субъектов политики по выполнению принятых решений и реагированию на вновь возникающие ситуации. Это самый важный этап любого политического процесса, так как даже самые обоснованные решения без эффективной и своевременной реализации не гарантируют его окончательный успех.

Пятый этап развития политического процесса – это *этап завершения перехода* всех сторон политического взаимодействия в новое качественное состояние и *признания, конституирования* обществом и субъектами политики новой социальной и политической реальности. На этом этапе завершается становление новых политических институтов и формирование новых отношений между субъектами и объектами политики, общество начинает пользоваться результатами произошедших изменений. В случае достижения основных целей соответствующего политического процесса он считается успешно завершенным и политические субъекты переходят к решению новых проблем. В противном случае перед субъектами политики встает задача выработки новой стратегии и тактики своей деятельности по завершению затягивающегося процесса.

Гончаров П.К. Политический процесс: сущность и содержание. В статье раскрываются сущность, состав и структура политического процесса как динамической стороны бытия политической системы общества.

Ключевые слова: политический процесс, уровни политического процесса, компоненты политического процесса, этапы политического процесса.

Goncharov P.K. Political process: nature and content. The article reveals the nature, composition and structure of political process as dynamic part of society political system.

Keywords: political process, levels of political process, components of political process, stages of political process.

И.А. МОНАСТЫРСКАЯ
*кандидат философских наук,
доцент кафедры теории и методологии
науки БГТУ им. В.Г. Шухова**

Герменевтика как практика обучения «человека способного»

Актуализация проблемы формирования мотивации личности к познанию, учению и творчеству, на наш взгляд, является важнейшей для современного образования, которое в сущности своей шире, гуманнее тех узких задач и «социальных заказов», которые диктуют бизнес, рынок, государство. Образование, направленное на будущее, видит своей целью развивать личность, побуждать ее к самостоятельной, творческой деятельности, построенной на диалоговом, «живом знании», общении заинтересованных субъектов познания. Это знание отражает позицию, при которой учитель и обучающиеся осуществляют совокупное действие по пониманию.

Большое значение в связи с этим приобретает изучение, теоретическое осмысление философской герменевтики, ее практического применения в образовании человека способного – «человека могущего» в концепции П. Рикёра, «человека говорящего» и умеющего «слушать» у О. Розенштока-Хюсси, «человека понимающего» у Х.-Г. Гадамера.

Объектом исследования выступает герменевтика в ее практическом применении как практики обучения человека способного: к познанию, пониманию мира, действительности, истории, культурного опыта, себя и других. Источниковой базой выступают герменевтико-диалогические контексты сочинений М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, М.М. Бахтина, О. Розенштока-Хюсси.

Именно в герменевтико-диалогической традиции (от платоновских сочинений и толкования библейских текстов до становления герменевтики как метода в работах Ф. Шлейермахера и позднее в изучении феномена языка в работах

* Монастырская Ирина Александровна, e-mail: mirina70@yandex.ru

М.М. Бахтина, Х.-Г. Гадамера, П. Рикёра, О. Розенштока-Хюсси) исследуется новое измерение человека, понимающего «речь другого» как «познание познанного». Важно отметить, что в герменевтике выявление значения языка связано с пониманием текста и его интерпретацией. Напомним, что герменевтика первоначально рассматривалась как наука и как искусство толкования текстов, но уже в XX в. благодаря трудам М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера становится философской герменевтикой, наделяющей язык и текст онтологической значимостью, т. е. трактует их предельно широко как исходную реальность человеческого бытия. Под текстом М. Хайдеггер понимал любое знание, которое возникает между двумя субъектами понимания: письмо (письменный текст), речь (устный текст), интонацию, жест, взгляд и даже молчание. Э. Гуссерль, рассматривая проблему языка, выделял его как некий парадокс: язык есть вторичное выражение понимания реальности, но только в языке его зависимость от того, что ему предшествует, может быть выговорена и, значит, герменевтика, ее функция интерпретации текста остается актуальной и востребованной, особенно в образовании и обучении человека способного.

В связи с этим особое внимание следует обратить на практико-ориентированный характер герменевтики как «практики обучения», т. е. «передачи-перевода-пересказа-перемещения когда-то кем-то сказанного, познанного, помысленного из одного времени-пространства в другое, из прошлого исторического опыта – в опыт современности и новых поколений»¹. Важно, чтобы «герменевтическая практика», считает В. Махлин, противостояла, с одной стороны, деконструктивному «отстранению» и «стиранию» чужого слова в «беспределе интерпретаций», а с другой – «позитивизму с его специфической научностью»².

Методологией и методикой обучения и развития творческого потенциала личности выступает разработанный П. Рикёром «прогрессивный» метод, полагающий, что сознание извлекается из самого себя и устремляется вперед к смыслу, источник которого находится впереди субъекта. И метод «грамматический» (диалогический), разработанный О. Ро-

¹ Махлин В. Чем и как живет герменевтика. Гуманитарные проекты России // Русский журнал, 17 ноября 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.religare.ru> (Дата обращения 11.12.2017).

² Там же.

зенштоком-Хюсси, раскрывающий человека в «речевом мышлении», в четырех стилях речи и ориентации в мире¹.

Для П. Рикёра язык (слово, изречение) обладает символической функцией. Он исследует феномен языка как элемент обмена между структурой и событием, при этом ведущая роль в этом обмене принадлежит живому слову. В концепции герменевтики П. Рикёра понятие «человека могущего», человека способного играет важную роль и имеет определенное моральное измерение. В работе «Я сам как другой» Рикёр пишет: «Я ввел понятие «человека могущего»... символизирующее принцип способности человека на что-либо»². Это обозначенные П. Рикёром четыре значительные сферы человеческих способностей: «способность говорить, вступать в общение с другими посредством языка»; «способность вмешиваться в ход вещей посредством действий»; «способность рассказывать о своей жизни и... формировать собственную идентичность посредством повествования, основываясь на своих воспоминаниях»; способность «быть субъектом действия, рассматривать самого себя в качестве автора собственных поступков, то есть быть вменяемым»³. Важно отметить, что для Рикёра «быть вменяемым» значит быть ответственным за себя и перед другими: в слове, действии, памяти, поступке.

Наблюдается определенное сходство в представлении об «открытости», т. е. диалогической обращенности слова, следовательно «ответственности» у П. Рикера с О. Розенштоком-Хюсси и М. Бахтиным. «Брать слово» значит брать на себя ответственность за целостность языка (как института, предшествующего «я» у Рикёра, как культурного опыта у Бахтина, как «рода человеческого» у Розенштока-Хюсси). По сути своей в ходе речевого общения «другой», как и «я» берет на себя инициативу, а «я» признает себя личностью по мере того, как вовлекается в общение. Таким образом, обращенность к другому является взаимной, следовательно, ни у кого не может быть «своего alibi в событии бытия», т.е. «причастности» к событию (М. Бахтин). О. Розеншток-Хюсси

¹ *Монастырская И.А.* Проблема речевого мышления в философии языка и герменевтике // Социально-гуманитарные знания, 2013, № 8, с. 85-92.

² *Вдовина И.С.* Диалог, или конфликт интерпретаций // *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. М., 2008, с. 35.

³ Там же.

пишет: «Каждый человек призван быть носителем действительности... Человек ощущает свою причастность к проявлению действительности как свое человеческое право»¹.

Грамматический метод Розенштока-Хюсси – это не только метод познания, но и начало жизни, выраженное в слове для любого человека. Его педагогика – это «социальная педагогика наук», объясняющая образование как живое обучение человека во взаимосвязи говорящего и слушающего – учителя и ученика. Мыслитель особенно подчеркивал внутреннюю диалогичность слова в общении, в процессе обучения – слово-говорение и слово-слушание: «Слушающий должен засвидетельствовать истину говорящего, говорящий – слушающего»². У О. Розенштока-Хюсси язык – это и ожидание: «прежде чем слушающий станет слушающим, с ним должно нечто произойти, а именно: он должен ждать»³. Ожидание является по сути осознанием потребности. Без нашей внутренней готовности (потребности) услышать и принять обращенное к нам слово невозможна никакая система воспитания и образования.

О. Розеншток-Хюсси понимает образование как универсальную модель жизни человека в обществе, так как жизнь любого человека, так же как и общества начинается с познания (обучения). Вот почему всякое образование и воспитание (если только они не ограничены специальными, узкими задачами) видят цель в создании и отстаивании императивов. Речь, созидаящая будущее, предшествует всему и все определяет, так как без опыта, обращенного к нам слова, мы не в состоянии начать что-то новое в своей жизни. В противоположность императивной речи, которая ориентирует нас во «внешнем пространстве», субъективная речь обращает человека к самому себе, ориентируя его во «внутреннем пространстве» своего «я», которое возникает в ответ на призыв (зов), приказ «внешнего мира». Именно в поле субъективной речи возникает и развивается самосознание и личная ответственность за то, как человек от-

¹ Rosenstock E. Soziologie I: Die Kräfte der Gemeinschaft. Berlin-Leipzig, 1925, S. 150.

² Розеншток-Хюсси О. «Идет дождь», или язык стоит на голове // Розеншток-Хюсси О. Бог заставляет нас говорить / Сост.; пер. с нем. и англ.; послесл. и коммент. А.И. Пигалева. М., 1997, с. 38.

³ Розеншток-Хюсси О. Речь и действительность / Пер. с нем.; предисл. К. Гарднера; послесл. В. Махлина. М., 1994, с.153.

вечает на вопросы, поставленные самой жизнью или в процессе обучения. Эта действительность открывается в живой, непосредственной речи, в наших подлинных голосах. И если в императивной речевой форме все «другие» – это те, кто обращается к нам как «ты», то в субъективной речи человек сам начинает говорить, но слушателем, «другим» выступает преимущественно его собственное «я». Каждый человек способен к познанию, что «заставляет» его высказаться и передать знание другому человеку (в книгах, письмах, разговорах).

Так, в «говорении» присутствует способность, которая заставляет старшее поколение передать знание младшему поколению. Говорить значит создавать социальные отношения и действия во времени и пространстве, которые кроме того передают накопленные общественные знания. «Необходимо исходить из того, – пишет Розеншток-Хюсси, – что «язык является озвученной общей волей, то есть человек, говорящий на языке, всегда должен восприниматься не как индивидуум, а как представитель сообщества»¹. Говорением мы пытаемся передать пережитый опыт «своим собратьям в человечестве»; слушая, читая, познавая, мы пытаемся, таким образом, овладеть их опытом.

Поэтому образование – это один из значимых институтов общества, помогающий в выживании человека в мире. В борьбе с забвением исторического опыта и бедствиями общества всегда нужны «другие» (учитель, отец, друзья), обладающие знанием. Любой учитель, прежде всего, представляет не только своё личное знание, но и знания предыдущих поколений, такая передача традиций и знаний служит человечеству в качестве временных порталов в прошлое. Ученик в учебном диалоге также выступает особенным субъектом: получая образование, он обретает ответственность за свое будущее и будущее своего поколения.

Следует отметить, что учебный диалог и время имеют сложную структуру взаимодействия между собой, в которой учитель, знающий, что он старше ученика, защищает истину от забвения, передавая знания ученику. Таким образом, истина, которая могла умереть вместе с учителем, обретает жизнь в мыслях ученика. В такой ситуации истина всегда будет двигаться дальше во времени, она не будет забыта

¹ Rosenstock E. Soziologie I: Die Kräfte der Gemeinschaft, S. 155.

человечеством. Так и ученик благодаря познавательному диалогу может отправиться мысленно во время, в котором он никогда не был. Кроме того образование как часть общества даёт возможность возвыситься человеку над природой, так как только в учебном диалоге люди могут участвовать независимо от своих природных качеств, здесь они свободны. Данное преимущество существует благодаря тому, что человек – это социальное существо. Из этого следует, что «язык – это система общественных отношений», а грамматика или грамматический метод – это научно-познавательный процесс, посредством которого мы осознаем эту систему социальных связей. Поэтому первоначальное воплощение грамматики, по Розенштоку-Хюсси, нужно искать в педагогике. Опыт, накопленный человечеством, передается через учителя, от старшего поколения к младшему, обеспечивая тем самым связь прошлого и будущего во времени. И поэтому так важна роль учителя в познавательном процессе, его ответственность за будущее. Учитель (преподаватель), особенно в социальных и гуманитарных науках (дисциплинах), выступает в качестве посредника, интерпретатора текста действительности, истории, биографии личности во времени и пространстве. Обучение, таким образом, выступает как герменевтический процесс, а герменевтика как практика обучения молодого поколения.

Монастырская И.А. Герменевтика как практика обучения «человека способного». В статье рассматривается эволюция герменевтики с целью демонстрации возможности и необходимости использования принципов герменевтики в педагогике. Анализ феномена языка в методологии П. Рикёра, О. Розенштока-Хюсси приводит к выводам: главная проблемная ситуация понимания развивается в диалоге учителя и ученика.

Ключевые слова: герменевтика, текст, диалог, язык, понимание, человек способный, образование, грамматический метод.

Monastyrskaya I.A. Hermeneutics as the practice of teaching «person capable of». The paper describes the evolution of hermeneutics in order to demonstrate the feasibility and necessity of using the principles of hermeneutics in the pedagogy. The analysis of the phenomenon of language in the methodology of P. Ricoeur and E. Rosentock-Huessy leads to the conclusion: the major problem understanding the situation unfolds in the dialogue of teacher and student.

Keywords: hermeneutics, text, dialogue, language, understanding, «person capable of», education, the grammatical method.

Н.Р. САБАНИНА
*магистр, старший преподаватель
кафедры педагогики Института «Высшая школа
образования» МПГУ, кафедры теологии Института
филологии, ведущий специалист УНЦ
междисциплинарных проблем образования и
когнитивистики Института ВШО МПГУ**

Образование человеческого и социального капиталов

Эра человеческого капитала. В связи с меняющимся взглядом на роль человека в обществе и характер его деятельности можно определить историческую динамику содержания понятия «человеческий капитал» в зависимости от изменения отношения к качествам человека, необходимым для «осуществления блага» на том или ином этапе развития культуры.

Очевидная зависимость экономического развития общества от качества образования привлекла внимание экономистов, отсюда система образования была включена в производственный цикл как компонент, обеспечивающий доходность экономического производства. Первоначально вложения в образование с целью формирования человеческого капитала считались затратными, но позже была доказана эффективность вложений в образование как фактор, обеспечивающий высокий человеческий капитал граждан.

Со временем, эффективность вложений в человеческий капитал возрастала, впрочем, как и его объёмы в рыночных циклах общества. Это связано с увеличением интеллектуальной и гуманистической составляющих различных видов производств.

Анализ человеческого капитала выявил, что управление им в современном обществе возможно в системе образования.

Выяснение соотношения человеческого с другими видами капитала (физический, финансовый и др.) показало, что

* Сабанина Наталия Рафаэлевна, e-mail: myzeinatali@mail.ru

в развитых странах мира его доля достигает 80-90% национального дохода.

Постепенно сложилось понимание, что факторы, влияющие на формирование человеческого капитала, определяются совокупностью освоенных обществом форм представления культуры – цивилизационным кольцом общества.

Трансверсность отношения человеческого капитала и экономики задаётся парадоксом «духовного развития человека»¹. В итоге социально-экономический уклад определяет уровень человеческого капитала граждан и социальный капитал страны. И, наоборот, от эффективности вложений в человеческий капитал зависят цивилизационно-культурное развитие страны и её положение в мировой экономике.

Характер и качество человеческого капитала неоднородны. Его возрастание неравномерно и определяется общим культурным развитием каждого отдельного человека и цивилизационным развитием общества в целом.

Исходя из вышеизложенного, трактовка человеческого потенциала/капитала (М.Б. Зыкова и Н.Р. Сабаниной), представляющего собой системную совокупность шести основных компонентов: трех видов здоровья (физическое, психическое и социальное), двух видов интеллекта (критическое смысловое мышление и творческая интуиция) и совести, подтверждается исследованиями учёных и научно оправданно. Совесть, как главный компонент человеческого капитала, полностью определяется системой ценностей, проявленных в культуре, таких как жизнь, вера, надежда, любовь, справедливость, искренность, гармония, красота, гуманность и др.².

Человеческий капитал является неотъемлемой, неотчуждаемой собственностью человека, которая, однако, не тождественна качествам личности человека. Проблема «отчуждения» и «отчуждаемости» состоит в том, что нарушается связь между тем, кто производит продукт, и самим продуктом.

¹ Под духовным развитием мы понимаем освоение человеком всеобщих ценностей, проявленных в культуре. Парадокс «духовного развития человека» заключается в том, что действие в соответствии с этими ценностями имеет непосредственную значимость не столько для единичного субъекта на коротком промежутке его жизни, сколько для выживания его рода, народа и человечества.

² Сабанина Н.Р. Формирование и развитие человеческого капитала средствами социально-культурной деятельности в условиях музея: Магистерская квалификационная работа по направлению "социально-культурная деятельность". М., 2016, с. 26.

Человеческий капитал, являясь продуктом, получаемым человеком в процессе капитализации как «своим», парадоксальным образом становится достоянием другого – «чужим». При этом он приумножается и как свой. Это явление можно трактовать как установление двойной связи – вовне, которая может быть «снята», и внутренней, которая «обогащает» человека изнутри. Именно этот парадокс указывает на существование перехода от вещественного к информационному ресурсу посредством сознательной деятельности человека.

В рассмотрении формирования и развития человеческого капитала недостаточно остановиться только на рассмотрении качеств субъекта. В соответствии с постнеклассической тринитарной информационной моделью мира и методологией (ТИММим), разработанной профессором, доктором философских наук В.С. Меськовым, описание процесса образования человека включает в себя три необходимых и достаточных компонента: субъект, среду и контент (содержание образования). Причём, пара среда и контент совместно задают деятельность, в силу чего субъект и деятельность определяют особенности субъектно-деятельностного подхода¹.

Наиболее полной моделью, определяющей виды деятельности субъекта в различных формах культуры, по мнению автора, является модель Универсума, положенная в основу постнеклассической концепции культуры.

Отсюда мы можем сделать определённые выводы для системы образования.

Формирование и развитие человеческого капитала является адекватной целью процесса образования человека и реализуется исходя из следующих шести позиций:

- формирование физической культуры обучающихся;
- охранение, коррекция и формирование психического здоровья (памяти, внимания, мышления, воображения, восприятия, речи) субъектов образовательного процесса, в частности, используя новейшие технологии в педагогическом процессе;
- формирование социального здоровья;
- становление культуры мышления: развитие компетенций рассуждения и критического мышления, получения

¹ См.: Меськов В.С., Мамченко А.А. Образование для обществ знания: когнитивно-компетентностная парадигма образовательных процессов // Ценности и смыслы, 2010, №3(6), с. 46-58.

знаний в области аргументации, принятия решений, формирования убеждений и обеспечение соответствующих форм деятельности;

— создание сред и содержания образования, предполагающих востребованность осуществления познания и творчества субъектами образовательного процесса, преодоление когнитивных и креативных провалов;

— создание сред и содержания образования, обеспечивающих культурную самоидентификацию и преодоление ценностных провалов субъектов образовательного процесса.

При этом основами дидактики и матетики¹ человеческого капитала являются: диагностика задатков; коррекция и развитие способностей; формирование готовности и мотивации к познанию и творчеству.

В процессе капитализации потенциала происходит получение двух видов результатов. Внутренний представляет собой максимальное развитие качеств человека, его компетенций и талантов (в пределе гения). Внешний результат – это продукт, востребованный другими людьми в различной временной перспективе.

На основании человеческого капитала формируется социальный капитал сообщества (школы, района, региона, народа, страны, человечества). Важно, что объём социального капитала определяется не математическим сложением человеческих капиталов, но характером сформированности сред и системой управления процессами капитализации накопленных потенциалов (подробнее о социальном капитале см. ниже).

Развитие человеческого капитала задаётся средой и содержанием образования в процессе образовательной деятельности (понимаемой автором как познание). **Необходимым компонентом такого типа образования является создание интегрированных социально-культурных образовательных сред**, в том числе применение цивилизационно-культурного принципа в построении системы инфраструктурных кластеров. Законы распространения информации, положенные в основу развития институтов форм культуры, лежащие в основе «кластерного подхода», дают

¹ О термине «матетика» как ученичестве или «науке о познании», см.: Сабанина Н.Р. Философия образования: "альтруистический" сценарий глобального развития // Социально-гуманитарные знания, 2018, №1, с. 85.

возможность осуществлять максимально быструю передачу информации, определяющую содержание и среду деятельности акторов культуры.

Институциональные характеристики каждой из форм культуры, освоенных или только зарождающихся в данных обществах, являются неотъемлемыми компонентами инфраструктуры подобных научно-образовательных кластеров, интегрированных в цивилизационную среду.

Механизмы управления процессами развития в таких системах включают использование программно-проектного метода (ППМ), дающего возможность гибкого реагирования на применение результатов моделирования, и предусматривают многообразие способов коррекции программ и проектов на основании «обратной связи», в частности на основании использования технологий искусственного интеллекта и многоагентных систем.

Инфраструктурные кластеры предполагают осуществление образовательного процесса в тесном соотношении с реальными задачами региона, страны. **Образовательная среда при таком подходе описывается сложностной многофакторной моделью культуры.** Гибкость, самонастраиваемость и открытость образовательной среды зависят от качества образования субъекта, осваиваемого человеком уровня взаимодействия: 1) народ, 2) род, 3) семья, 4) человек, 5) сообщество, 6) государство, 7) человечество, 8) космос... и эффективности деятельности на каждом из них в различных формах культуры. Термин **«взаимосодействие»** используется автором как объединяющий по отношению к терминам «сознание» и «взаимопонимание» для характеристики совместной деятельности субъектов в многоуровневых средах. В отличие от взаимодействия, когда результат не определён с точки зрения достижения блага, взаимосодействие принципиально ценностно детерминировано.

Принятие решений в образовании при подобном подходе включает использование следующих критериев: уровня образования; уровня взаимодействия; индивидуального цивилизационно-культурного профиля субъекта управления.

Принцип «естественного лидерства» и реализация миссии «необходимого учительства» дают возможность осуществления субъекта на следующем уровне. Тем самым успешность собственного образования создаёт позитивную

«цепную реакцию» совершенствования общества. Одновременно такой сложностный подход даёт возможность наиболее полного рассмотрения рисков развития целостной системы образования.

Высшую школу при этом необходимо рассматривать как «институт цивилизационно-культурного развития общества», который вносит вклад в социально-экономическую и культурную модернизацию РФ, реализацию идеи образования как общественного достояния и повышение глобальной конкурентоспособности страны. В результате – обеспечение самореализации и востребованности обществом каждого участника образовательного процесса за счёт формирования его высокого человеческого капитала.

Система образования социального капитала. Неравномерность социально-экономического, цивилизационного развития стран, недостаточность системы «социальных лифтов» приводят к непониманию и неспособности сообществ и народов вырабатывать единую, научно обоснованную точку зрения на решение общественных и глобальных проблем. Более того, социальный капитал в современном мире является критическим фактором распределения мирового богатства между народами, а, следовательно, возможным предметом конкурентных отношений и возникновения конфликтов.

Традиционная трактовка понятия «социальный капитал» заключается в понимании его как ресурса, возникающего при условии эффективного взаимодействия субъектов деятельности (П. Бурдье). Исходя из этого, закономерно предположить необходимость формирования соответствующих компетенций в системе образования. Основываясь на постнеклассической концепции культуры, любая деятельность субъектов в различных формах культуры, освоенная обществом, влечёт за собой создание общественных институтов и морально-правовое регулирование этой деятельности. Таким образом, очевидно, что «слагаемыми» социального капитала являются как человеческий капитал, так и задействованные финансовый и физический капиталы. Однако идея социального капитала постнеклассична по своей природе, поэтому в ней заложена не детерминистическая суммируемость, но принципиальная многоуровневость и многофакторность понимания «человекообразных» процессов. Это означает, что можно достаточно определённо выявить уровни взаимодействия субъектов, а

также построить соотнесения с различными этапами цивилизационного развития государства¹.

Наряду с социологическим и культурологическим (цивилизационным) описанием феномена и ноумена «социальный капитал» мы неизменно обращаемся к его философскому пониманию и связываем его возникновение с осмыслением сознательной деятельности субъектов на разных этапах существования и целостности.

Задатки человека позволяют взаимодействовать на любом из уровней организации человеческой цивилизации. При этом его возможности, проявляемые как способность, готовность и мотивация, являются предметом образования и формируются благодаря осознанным усилиям человека и социума. Тем не менее современная культура всё же не позволяет за период жизни одного человека естественным путём освоить все уровни взаимодействия субъектов. Решение данной проблемы требует принципиально нового содержания образования и институциональных решений, в частности в рамках концептов «дополнительного и информального образования».

Характеристики взаимодействия субъектов в средах можно рассматривать с точки зрения развития обществ ступенями цивилизационно-экономических формаций и на основании освоенных субъектом форм представления культуры (т. е. общего культурного развития). Именно оно определяет уровень человеческого капитала, ценностную самоидентификацию актора культуры и лежит в основе эффективности деятельности субъекта на разных уровнях. Освоение каждого из видов деятельности человека в соотнесении с цивилизационным развитием обществ является необходимым для объяснения механизмов формирования элементов социального капитала во взаимосвязи с человеческим.

Онтологические основания взаимодействия субъектов в средах будем рассматривать с точки зрения оперирования субъектом энергией, веществом и информацией (ЭВИ) в пространственно-временном измерении. Термин **«оперирование»** включает операции добывания, фиксации, перераспределения, использования и наследования ЭВИ.

¹ См.: Зыков М.Б., Сабанина Н.Р. Прологомены общей теории культуры // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф. № 8(51), Новосибирск, 2015, с. 5-20.

В соответствии со способами оперирования ЭВИ человеком и обществом мы предлагаем выделить пять групп (пакетов) форм представления культуры (см. табл.).

Таблица

Группы (пакеты) форм представления культуры в соответствии со способом оперирования ЭВИ

	Добывание ЭВИ	Фиксация ЭВИ	Перераспределение ЭВИ	Использование ЭВИ	Наследование ЭВИ
Б	<i>Язык</i>	<i>Труд (Освоение)</i>	<i>Обмен (Рынок)</i>	<i>Религия</i>	<i>Любовь</i>
I	Философия	Управление	Право, Мораль, АЖП ¹	Быт, Мир, Хозяйство	Творчество
II	Наука, Искусство, Познание	Техника, Обучение, Воспитание	Экономика, Образование	Образ жизни, Возраст, Детство	Семья
III	Логика, Эстетика	Тектология	Политика, Война	Здоровье, Экология	Род, Гендер
IV	Счастье, Любовь	Творчество	Синергетика, Этика	Гражданство, СМИ, ИКТ	Пол, Счастье
V	Информация	Материя	Пространство	Движение	Время

В каждой из этих групп выделяется базовый элемент **Б** – соответствующий «универсальным константам человеческой культуры²», а также элементы первого (I), второго (II), третьего (III), четвёртого (IV) и пятого (V) порядков – совершенствования культуры. Пятый порядок – «сквозной», транзитивный базовому (**Б**), отражает целостность ЭВИ-мира. Такая классификация определяет область исследования принципов взаимодействия субъектов в системе «Человек – Вселенная».

¹ АЖП – активная жизненная позиция.

² Гипотетически соотносимым с фундаментальными физическими и математическими постоянными. См.: Жог В.И. Научное знание и фундаментальные постоянные // Личность. Познание. Культура. К 70-летию Л.А. Микешинной. М., 2002.

Аксиологическими основаниями модели образования социального капитала будем называть характеристики взаимодействия субъектов с точки зрения освоения ими ценностей. Человек осваивает ценности разных порядков в различных видах деятельности. Ценность может являться «индикатором», определяющим возможности субъекта на каждом из перечисленных выше уровней взаимодействия.

Таким образом, идея образования социального капитала содержит в себе принципиальную многоуровневость и многофакторность понимания «человекоразмерных» процессов. Применение постнеклассической модели образования социального капитала может выявить подходы к нахождению ответов на глобальные вызовы человечеству.

Очевидно, что для реализации подобного подхода необходимо создание новой **парадигмы образования**, предполагающей формирование адекватных способов мышления (когнитивный аспект) и освоение различных принципов взаимодействия, основанных на ценностях культуры (ценностный аспект) в многоуровневых средах. Характер образовательных целей в данной (когнитивно-ценностной) парадигме задаётся складывающимися современными моделями мира и методологиями. Эти цели следующие:

- информационные – формирование знаний, смыслов, идей, ценностей (в соответствии с моделями ТИММиМ¹);
- вещественные – создание внешнего и внутреннего продуктов взаимодействия акторов культуры (в соответствии с теорией и практикой образования человеческого и социального капиталов и ПНКК²);
- энергоинформационные – формирование духовно-нравственной культуры человека и человечества (например, в соответствии с ЭВИ-моделью мира и методологией).

Выводы

1. Для осуществления вышеописанной когнитивно-ценностной парадигмы образования в России необходим современ-

¹ ТИММиМ – Тринитарная информационная модель мира и методология. См.: Меськов В.С. Методология тринитарности // Вопросы философии, 2013, №11, с. 67.

² ПНКК – Постнеклассическая концепция культуры. См.: Мягкая сила. Культура. Образование. (Видео-практикум «Установление отношений творения посредством мягкой силы», 2017 г. [Информационный ресурс], Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=oScIKOpDmaA>, 19.09.2017)

менный закон об образовании, чётко описывающий структуру, функции и содержательные перспективы развития высшего и непрерывного образования. В его отсутствие субъектам образовательного процесса нет возможности планировать и совершенствовать свою деятельность. В этом же законе явным образом должны быть зафиксированы права и обязанности обучающихся.

2. Необходимо предусмотреть целостную систему мер, позволяющих на практике применять положения данного закона и модифицировать его необходимым образом. А именно: важно обеспечить соотнесение данного документа с ключевыми законодательными актами и правовыми аспектами деятельности основных общественных институтов на предмет непротиворечия и дополнительности. Так, создание инфраструктурных кластеров предполагает гибкую систему правового и управленческого сопровождения данного процесса. Принятие необходимых решений в области социально-экономического и научно-технического развития требует участия в планировании высших государственных органов. Обеспечение национальной безопасности также требует содержательных как цивилизационно-культурных, так и административно-правовых преобразований.

3. Возможным решением для осуществления необходимого реформирования может стать сеть «Точек цивилизационного роста» в каждом из субъектов РФ для создания общей базы данных и базы знаний, в частности фиксирующих характер развития человеческого и социального капиталов. Следует включить данную тематику в программы развития территорий в качестве главного критерия определения успешности их развития.

4. Кроме того построение системы образования человеческого и социального капиталов позволит существенно усовершенствовать общественную и глобальную системы права и более гибко рассматривать права человека с позиции его готовности к деятельности на различных уровнях.

Сабанина Н.Р. Образование человеческого и социального капиталов. Управление формированием и развитием человеческого капитала есть прерогатива системы образования. Социальный капитал, в свою очередь, является необходимым элементом концепции образования «для всех и в течение всей жизни», даю-

щим возможность каждому человеку включаться в общественные процессы на любом из уровней взаимодействия.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный капитал, уровень взаимодействия, постнеклассическая концепция культуры.

Sabanina N.R. Education of human and social capital. Managing the formation and development of human capital is the prerogative of the education system. Social capital, in turn, is an essential element of the concept of education "for all and throughout life", enabling each person to join social processes at any level of interaction.

Keywords: human capital, social capital, level of interaction, post-non-classical concept of culture.

У.В. БОЛОТОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, права Института сервиса, туризма и дизайна (филиал СКФУ в г. Пятигорске)

Н.Г. БОНДАРЕНКО

доктор философских наук, профессор кафедры истории философии, права Института сервиса, туризма и дизайна (филиал СКФУ в г. Пятигорске)

И.А. ВАСИЛЬЕВА

*кандидат социологических наук, доцент кафедры истории философии, права Института сервиса, туризма и дизайна (филиал СКФУ в г. Пятигорске)**

Истоки и влияние философии модерна

Начало модернистской философии совпадает с началом особого этапа в истории европейской философии – философии Нового времени. Философия Нового времени существенно отличается от античной и средневековой и по своему содержанию, и по методологическим принципам, и по характеру тех проблем, которые оказываются в центре внимания. Это, разумеется, не значит, что философия совсем теряет связь с прежней традицией, но она по-своему интерпретирует эту традицию, расставляя новые акценты. Рождение философии Нового времени относят к концу XVI-XVII вв., эпохе Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Рождение нового типа сознания связано с процессом секуляризации, с движением Реформации и затем Контрреформации, с бурным развитием городов, открытием Нового Света, возрастанием роли денежного хозяйства и предпринимательства, т. е. со становлением капитализма, а также с созданием нового типа науки – экспериментально-математического естествознания.

* Болотова Ульяна Владимировна, Бондаренко Наталья Григорьевна, Васильева Инна Анатольевна, e-mail: klv.13734747@mail.ru

Процесс секуляризации начинается в Европе примерно в XV в., а в XVI-XVII вв. углубляется и расширяется. Все большую самостоятельность по отношению к церкви и религии приобретает не только социально-политическая и экономическая, но и духовная жизнь – философия, наука, искусство. Философия осознает себя автономным, независимым от Откровения знанием о Боге, мире и человеке. Происходит смена мировоззренческих ориентиров.

Становление новоевропейской культуры отмечено рождением того феномена, который впоследствии получит название «дух капитализма» и первые ростки которого, связанные прежде всего с увеличением денежного запаса, историки политэкономии обнаруживают уже в XIV-XV вв. В Италии, в частности в богатой Флоренции, где в XIV в. деньги стали играть большую роль в хозяйстве и натуральный обмен все больше вытеснялся денежным, постепенно входят в быт важнейшие элементы капиталистического хозяйства – счет, отчетность, а также бухгалтерский учет – неотъемлемая часть европейской рациональной экономики. Благодаря этому человек, по словам В. Зомбарта, «приучается к чисто количественному воззрению на мир»¹.

Отмеченные процессы сопровождаются появлением нового типа человека – человека с развитым и рефлексированным индивидуальным сознанием. Сознание собственной силы и таланта, гордость, честолюбие, самоутверждение отличают человека на заре Нового времени. В этот период как никогда прежде возрос интерес к человеческому существу во всем многообразии его проявлений. Выше всего гуманисты ценят уникальность и своеобразие человеческого индивидуума.

Исключительно важную роль в формировании философии и науки Нового времени сыграла Реформация, которая внесла существенные перемены в общую духовную атмосферу и хозяйственную жизнь Западной Европы, протестантизм выступил с критикой католической церкви с характерным для нее принципом иерархии. В кальвинизме, особенно у его английских последователей, борьба против иерархического принципа, господствовавшего в средневековом мирозерцании, велась наиболее ожесточенно. Не признавая

¹ Зомбарт В. Этюды по истории развития современного экономического человека. М., 2004, с. 238.

необходимости в посредниках между человеком и Богом и тем самым отвергая иерархию церковной власти, протестанты подчеркивали, что Бог непосредственно обращается к каждому человеку и столь же непосредственно правит Вселенной, не нуждаясь в сонме небесных чинов – ангелов и архангелов, проводников божественной воли в мире.

Поскольку космическая иерархия в средние века осмыслялась с помощью философии и физики Аристотеля, то именно Аристотель стал предметом ожесточенной критики со стороны протестантских богословов. На него особенно обрушивались пиетисты, считавшие учение греческого философа источником католической неблагочестивости. И Лютер, и Кальвин, критикуя схоластику, видели в Аристотеле главного виновника того интеллектуализма, который, по их мнению, едва ли не вытеснил веру в католической церкви.

Так, Лютер, требуя перестроить университетское образование, обличает язычество, насаждаемое в университетах с помощью прежде всего аристотелевской философии. В университетах, пишет он, «царит распущенность, священному писанию и христианской вере уделяется мало внимания; в них единолично властвует – затмевая Христа – слепой языческий наставник Аристотель. И я советовал бы полностью изъять книги Аристотеля: *Physicorum*, *Metaphysika*, *De Anima*, *Ethicorum*, которые до сих пор считались лучшими, вместе со всеми другими, славословящими естественные вещи, хотя на основании их нельзя изучить ни естественные, ни духовные предметы... Я осмеливаюсь сказать, что (любой) гончар имеет более глубокие знания о естественных вещах, чем можно почерпнуть из книг Аристотеля. Мое сердце скорбит, что проклятый, высокомерный, лукавый язычник своими лживыми словами совратил и одурачил столь много истинных христиан»¹.

Противопоставление веры и знания, характерное для протестантизма, привело к сознательному стремлению ограничить сферу применения разума миром «земных вещей», поскольку трансцендентный Бог, по убеждению протестантских богословов, есть исключительно предмет веры, а не знания. Под «земными вещами» понималось, прежде всего, практически ориентированное познание природы.

¹ Лютер М. Время молчания прошло // Избранные произведения 1520-1526. Харьков, 1984, с. 68.

Разум стал ориентироваться на сферу практической деятельности: ремесла, хозяйства, политики. Применение разума в практической деятельности тем более поощрялось, что сама эта сфера, с точки зрения реформаторов, приобретает особо важное значение: труд теперь выступает как своего рода мирская аскеза. Этим фактом обуславливается признание особой ценности технических и научных изобретений, которые способствуют облегчению труда и стимулируют материальный прогресс.

Именно в этих условиях возникает экспериментально-математическое естествознание, у истоков которого стояли Кеплер, Галилей, Кавальери и др. Новая наука оттеснила метафизику на задний план, создав особый – сциентистский – способ мышления и жизненной ориентации, по сей день определяющий характер европейской культуры и индустриально-технической цивилизации, ставшей теперь всемирной. По словам немецкого философа Г. Ромбаха, «точная наука есть философия Нового времени»¹.

В период зарождения модерна именно наука главным образом определяла как общественное сознание, так и общий облик новоевропейской цивилизации. Этот факт становится особенно очевидным в контексте еще одной особенности этой цивилизации, вызванной к жизни именно развитием науки. Речь идет о технике, по своему характеру отличающейся от той, которая была в восточных обществах, в Античности и в Средневековье. Возникшая в союзе с экспериментально-математическим естествознанием, техника больше всего повлияла на особенности того типа цивилизации, которую принято называть индустриальной. «Современная техника, – пишет немецкий философ С. Мозер, – это автономное образование истории Нового времени, так же как наука и искусство. Она не есть просто сумма отдельных методов. Скорее, последние суть проявления этого автономного и универсального процесса»².

Связь между экспериментально-математическим естествознанием и техникой – глубинная, органическая: само рождение механики невозможно для преодоления непереходимого для античности и средних веков рубежа между естество-

¹ Там же, с. 69.

² Moser S. Kritik der traditionellen Technikphilosophie // *Technik, Technik, Technologie*. Pülpoch die München, 1973, S. 35-38.

венным, с одной стороны, и техническим, искусственным – с другой. В виде эксперимента техника глубоко проникает в саму науку. В этой связи реальность, изучаемая новым естествознанием, – это не просто природная, но конструируемая реальность, создаваемая в значительной мере с помощью технической аппаратуры. Как отмечает академик В.С. Степин, техническая аппаратура – приборные установки – входят в качестве конститутивного момента в ту систему объектов, которые изучаются наукой. «В разных формах эксперимента такого рода объекты изготавливаются искусственно. К ним относятся в первую очередь приборные установки, с помощью которых проводится экспериментальное исследование... Вполне правомерно рассматривать объекты природы, включенные в экспериментальную ситуацию, как «квази-приборные» устройства независимо от того, получены они искусственным путем или естественно возникли в природе независимо от деятельности человека... В эксперименте взаимодействующие фрагменты природы всегда выступают в функции приборных подсистем¹. В свою очередь полученные таким образом достижения науки открывают неограниченные возможности для развития техники.

Все эти особенности новоевропейской культуры вызвали к жизни и новую ориентацию философии. Если в средние века она выступала в союзе с теологией, а в эпоху Возрождения – с искусством и гуманитарным знанием, то начиная с XVII в., она опирается главным образом на науку. Поэтому для понимания проблем, которые стояли перед философской мыслью рассматриваемой эпохи, надо принять во внимание специфику нового типа науки о природе, особенности которой закладывались именно в этот период и которая существенно отличается от естествознания античности и средних веков. И поскольку наука занимает ведущее место в мировоззрении новоевропейской эпохи, то и в философии на первый план выходят проблемы теории познания – гносеологии, хотя первоначально гносеология еще обосновывается с помощью онтологических предпосылок.

В теории знания модернизм означает новую концепцию философии и науки. Классическая философия стремилась стать теорией бытия. Модерн совпал с разочарованием в ее претензиях на умозрительное постижение принципов мироз-

¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М., 2000, с. 151-152.

дания. Модернистская философия – это теория познания, а не бытия. Бэкон, Декарт, Кант и другие видные философы модерна утверждают новый объект исследования: принципы и методы достижения знания, оставляя познание мира и человека частным наукам (физике, медицине и т.п.)

Особое значение в модернистской мысли приобретает идея поступательного развития, т.е. прогресса. Это и прогресс в области знаний (научный прогресс), и прогресс в области умений (технический прогресс).

Идея эволюции оказала колоссальное влияние на мировоззрение модерна. Декарт и Лейбниц, Кант и Лаплас стремятся показать, как образуется и эволюционирует Вселенная. Ламарк и Дарвин развивают идеи эволюции в области биологии. Природа определяется как эволюционирующий феномен, развивающийся от хаоса к порядку через последовательность незначительных изменений, происходящих естественным путем. Такая модель позволяет обойтись без допущения грандиозного и сверхъестественного вмешательства, что делает эволюционизм предпочтительнее креационизма. Идея эволюции предполагает: 1) движение от простого к сложному в природе (в физике, химии, биологии и космологии); 2) движение человека и общества от природы к свободе (от мира необходимости к царству свободы или от материального к духовному). Принятие данной идеи радикально изменило антропологическую доктрину. Оба прежних подхода – теологический (человек есть творение) и метафизический (человек есть разумное существо) – подвергаются существенному переосмыслению. Человек остается творением, но не личного Бога христианской религии, а безличной природы и, в известном смысле, творцом самого себя. Ведь эволюция человека – плод коллективных усилий рода *homo sapiens*. Креационизм подменяется естественнонаучным пантеизмом. Природа с ее разумностью наделяется творческой энергией лишь метафорически. Да и сам человек допускается в соавторы самого себя наряду с естественным порядком и закономерностями развития общества.

Человек по-прежнему понимается как разумное существо, но его разум представляется развитием таких естественных органов, как мозг и нервная система. Этими органами наделяются и «неразумные» животные. Биологи создают объяснения того, как из физиологических рефлексов возникает простейшая психическая активность, которая

затем усложняется, создавая мысль. Разум и его законы ориентируют человека в мире, позволяют ему адаптироваться и эффективно действовать.

Однако сегодня философы, продолжая традицию Франкфуртской школы, главными представителями которой являются М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе, Ю. Хабермас, все чаще приравнивают проект модерна к идеалу воплощения в действительность достижений научного знания о природе, истории, человеке – к идеалу *ratio* эпохи Просвещения. Начиная с XVIII в. в европейской интеллектуальной культуре господствует логоцентристское убеждение, что значимость предмета определяется не его самобытностью, а лишь отношением к разуму с точки зрения «разумности» его существования. Таким образом, можно говорить о том, что эпоху модерна породил не один, а множество проектов будущего – это Реформация, Контрреформация, барокко, Просвещение, идея эмансипации в немецкой классической философии и марксизме.

Проблема модерности появилась как ответ на идею бесконечности, неисчерпаемости и необратимости прогресса. Своего апогея достигает отождествление культуры, знания с идеей прогресса экономики, хозяйственных связей и отношений; это приводит к их фактической идентификации. Концептуальным стержнем идеи современности становится универсалистское представление о законах истории, детерминистское видение законов развития. Как отмечает А. Турен, «идея модерна в своей наиболее амбициозной форме заключается в утверждении о том, что человек есть то, что он из себя делает; в утверждении о существовании тесной связи между производством, становящимся все более эффективным благодаря использованию науки, технологии управления, организацией общества, опирающейся на закон, и жизнью индивида, руководствующегося интересом и желанием освободиться от всяких ограничений. А такое соответствие между научной культурой, упорядоченным обществом и свободными индивидами должно базироваться на разуме»¹.

Человечество, действующее в соответствии с законами разума, стремилось к достижению всеобщего процветания

¹ Турен А. Критика модерна // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия. Реферативный журнал, 1999, № 1, с. 21.

и счастья. Идея модерна – это идея всеобщей рационализации и секуляризации жизни. В новом обществе разум должен был стать естественным принципом управления людьми и вещами, существовавшими в согласии с естественным порядком природы. «Естественное право», провозглашенное Б. Спинозой, понималось как право на жизнь любого живого существа, которое стремится к самосохранению. Подчинение естественному ходу природы было правилом естественной морали, позволявшей человеку наслаждаться существованием, которое соответствовало его собственной природной сущности.

«Главной целью такой этики и эстетики, – как полагает А. Турен, – не является создание какого-то образа человека. Она заключается в устранении всяких образов человека, в том, чтобы избегать всякого соотношения с божественным законом и с душой, то есть всех ссылок на присутствие Бога в каждом индивидуе, как этому учит христианство. Главное в том, чтобы освободиться от всякого дуалистического мышления и утвердить натуралистическое видение человека»¹.

Революции и войны, в которые втягивается весь мир, не препятствуют экспериментам и поискам нового. Происходит пересмотр прежних представлений о красоте, цвете и пространстве. Париж становится местом паломничества для художников со всего мира. Вкус к резкой, разрушительной деформации оказался знаменем нового века.

В XX в. полностью обнаружилось предсказанные еще О. Шпенглером кризисные явления техногенной цивилизации, возникшей на развалинах Средневековья. Культура этой цивилизации сложилась на основе новых взаимоотношений человека и природы: человек стремился вырваться из зависимости от природы, и высшими ценностями культуры признавались господство человека над природой, прогресс, обновление, наращивание технологических и научных знаний. «Развитие техники и технологии как орудий господства человека над природой стало главной целью общественного развития. В результате возникла ситуация, когда постоянное наращивание материального богатства на основе обновления техники превратило человека в простое орудие эффективной экономической деятельности»².

¹ Там же.

² История мировой культуры / Науч. ред. Г.В. Драч. Ростов-н/Д., 2000, с. 377.

Выдающиеся гуманисты и мыслители XX в. с тревогой говорили о процессе деградации культуры. Пожалуй, нет ни одного крупного мыслителя нашего времени, который бы не отдал дань этой проблеме. Ожидание грядущих катастроф, понимание неизбежности, остроты и глобальности кризиса пронизывает творчество как западных, так и российских философов, социологов, культурологов.

Сегодня уже очевидно, что процесс модернизации, начавшийся в Европе как социальный, тесно связанный с миром западного рационализма и приведший в действие функциональные законы экономики и государства, техники и науки, разделился, условно говоря, на два влиятельных процесса: собственно социальной модернизации и модернизации культурной – культурного модерна. Можно говорить о том, что проблема культурной модернизации, обусловившей сущностное содержание культурной реальности эпохи модерна, как отмечается в западной рационалистической традиции (М. Вебер¹, Э. Гуссерль², Х. Ортега-и-Гассет³, Р. Гвардини⁴ и др.), связана, прежде всего, с кризисом рационалистических и гуманистических установок.

По мнению указанных исследователей, задача заключается именно в том, чтобы преодолеть негативные явления и сохранить традиционные ценности ренессансной и просвещенческой культуры. В отличие от российской философской мысли, где значительную роль играет представление об особой роли России в преодолении кризиса культуры и религиозной ориентации в ходе этого преодоления, западные философы по-своему видят как причины возникшей кризисной ситуации, так и пути ее преодоления.

Спасение человечества видится, прежде всего, не в религиозном преображении человека, а в возвращении к традиционным рационалистическим и гуманистическим ценностям эпохи Нового времени. В данной интеллектуально-философской традиции размышляет А. Вебер. Он считает, что именно «духовное начало» должно стать столь сильным, чтобы снова определить путь общественного развития.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.

² Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век. Антология. М., 1995.

³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2002.

⁴ Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990, № 4.

Внешние материальные условия бытия не должны диктовать свою волю человечеству. Главная задача – «вернуть каждый европейский народ самому себе»¹.

М. Вебер по сути предсказал, как будет идти развитие западной цивилизации в XX в., какой облик она приобретет в результате углубления процессов модернизации. М. Вебер исходит из того, что тенденция рационализации всех сфер социальной жизни современного капиталистического общества будет нарастать. Более того, он считал, что рационализация – это судьба всего человечества, ибо вовлечение других, неевропейских цивилизаций на путь индустриального развития неизбежно приведет к появлению у них черт, сходных с «фаустовской цивилизацией» Запада. Рационализация, по Веберу, проявляется во всех сферах жизни современного общества, где мысли и поступки человека детерминируются не его чувствами и естественными потребностями, а элементарным интересом, возможностями получения выгоды, материальных или моральных дивидендов. Рационализация, считает М. Вебер, неизбежно разрушает сложившуюся систему социальных связей и отношений, ведет к обеднению духовной жизни человека, превращает социум в сообщество атомизированных индивидов.

«Конечно, – пишет М. Вебер, – этот процесс не исчерпывает понятия рационализации действия, ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации – и негативно – не только за счет разрушения нравов, но также за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения в пользу чисто рационального, при котором уже не верят в ценности»².

Однако в итоге постмодерн как альтернатива, как преодоление, как иное, нежели модерн обнаруживает отсутствие исторического измерения, утрачивает онтологическую, гносеологическую и эстетическую содержательность, растворяется в постисторическом, постиндустриальном, постэкономическом. Постмодерн превращает имитацию в основной смысл деятельности, лишая ценности классическую креативность. Результатом присутствия постмодернистского дискурса в современном обществе становится идея нового поряд-

¹ Вебер А. Кризис европейской культуры. СПб., 1999.

² Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

ка, гораздо более гибкого и многомерного. Ничто не утверждается, но все цитируется. Рождается поведенческая модель, в которой действие осуществляется не на основе линейного и логически стройного обоснования выбора одного из предлагаемых вариантов, а в соответствии с жанровыми канонами повествования, цитирования, аналогии. Ирония и солидарность становятся главными средствами принятия решения в мире случайности.

Постмодернистская мысль, органически связанная с имитацией и симуляцией, устремлена к обретению смысла, не связанного с иронией. В пространстве имитаций и симуляций исчезает не только реальный мир, но теряет смысл сам вопрос его существования. Каждый концепт связан с определенной проблемой, без которой он не имел бы смысла. Если изменяется проблема, на которую должен отвечать концепт, изменяется и порядок мышления. Замена одного концепта другим происходит через смену проблем. Таким образом, историю философии можно трактовать не как постепенное и неизбежное приближение к вечной и неизменной истине, а как бесконечное творчество и игру, не имеющие заранее намеченной цели¹.

Постмодерн создал условия для того, чтобы не считать реальность простой и сводимой к универсальным схемам и формулам. Теперь можно видеть, что окружающий нас мир составлен из гетерогенных фрагментов, соединенных в соответствии с многозначной логикой. Постмодерн как выражение «духа времени» отражает те трансформации, которые происходят в современной культуре и философии. Самоопределение философской мысли современности осуществляется в ходе пересмотра наследия классического рационализма и противопоставления ему чего-то отличного от него.

Болотова У.В., Бондаренко Н.Г., Васильева И.А. Истоки и влияние философии модерна. В статье рассматриваются особенности развития новоевропейской культуры, которые вызвали к жизни новую ориентацию философии. Особое внимание уделено науке, которая занимает ведущее место в мировоззрении новоевропейской эпохи. В теории знания модернизм означает новую

¹ Болотова У.В. Негативная и конструктивная критичность постмодернизма // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований» (Пятигорск, ПГТУ), 2010, выпуск 12.

концепцию философии и науки. Идея модерна – это идея всеобщей рационализации и секуляризации жизни.

Ключевые слова: критическое мышление, модерн, общество, ценности, европейская культура, деятельность, научно-технический прогресс, знание, истина.

Bolotova U.V., Bondarenko N.G., Vasilyeva I.A. Sources and influence of philosophy of a modernist style. In article features of the new European culture which have brought new orientation of philosophy to life are considered. Special attention is paid to science which takes the leading place in outlook of the new European era. In the theory of knowledge the modernism means the new concept of philosophy and science. The idea of modernity is the idea of universal rationalization and secularization of life.

Keywords: critical thinking, modern, society, values, European culture, activities, scientific and technological progress, knowledge, truth.

С.И. ЖЕЛЕЗНЯКОВА
*кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова**

Культура чтения в информационном обществе: смыслы, практики, противоречия

Чтение как эффективный механизм приобщения конкретного человека к культурному достоянию всего человечества уникально по своему комплексному воздействию на личность и общество. Это один из важнейших способов социализационного воздействия, когда из всего богатства культурного опыта человечества читатель берет и примеряет к себе самые разнообразные практики, относящиеся ко всему спектру жизни личной и социальной. Это способ сохранения, структурирования и передачи культурного опыта, знаний от предшествующих поколений последующим. Количественные и качественные характеристики чтения в конечном итоге являются показателями общекультурного уровня народа.

Таким образом, информирующая, социализирующая, интегрирующая, профессионализирующая и гуманизирующая роль чтения сомнению не подлежит.

Современная ситуация в глобальном масштабе характеризуется переходом от эпохи культуры книжной к культуре мультимедийной, что заставляет переформулировать многие казавшиеся очевидными тезисы о роли чтения в жизни современного человека, его целеполагании, направленности, формах, качестве и количественных характеристиках. И что, пожалуй, важнее всего, о результатах – актуальных и отдаленных – формирования новой культуры чтения в информационную эпоху, время электронной коммуникации и мультимедийной культуры.

Олицетворением электронной коммуникации в наши дни является Интернет, глобальная коммуникационная компью-

* Железнякова Светлана Ивановна, e-mail: zhelezn11@mail.ru

терная сеть, которая обеспечивает коммуникационные запросы личности и современного общества. Определение роли и значения глобальной информационно-коммуникационной сети требует и философского анализа, и социологического и культурологического осмысления таких аспектов, как организационный, управленческий, этический, правовой, психологический¹.

Есть несколько точек зрения на соотношение традиционных и новых каналов коммуникации.

Согласно первой точке зрения мультимедиа неизбежно вытеснят стремительно становящиеся архаическими книгу, журнал, печатные средства массовой информации, поскольку электронные медиа доступнее, имеют практически неограниченные возможности проникновения в любую среду, современнее, мобильнее, масштабнее, удобнее в использовании.

Согласно второй точке зрения книга и печатные источники информации сохраняют свою нишу в силу большего соответствия психофизиологическим возможностям восприятия смыслов человеком. Не менее важно и то, что книга укоренена в культуре настолько, что по большому счету культуру современной цивилизации часто именуют «книжной культурой». Культура восприятия бумажного носителя информации, собирания книг – это глубоко укорененная традиция, поэтому вопрос о ее исторических перспективах интересен и важен.

Еще один аргумент касается литературы. Литература как вид искусства является атрибутивной характеристикой человеческого социума. Именно в литературных источниках человечество находит огромный авторский опыт выработки универсалий собственно человеческой жизни и поведения, этических критериев оценки и самооценки личного и общественного. Сюжеты мировой литературы независимо от эпохи, географии и литературной формы дают ответы на наиболее сложные фундаментальные вопросы бытия.

Автор литературного произведения предлагает читателю свой рационально осмысленный эмоциональный опыт переживания и проживания жизни во всем многообразии ее проявлений. Личностный компонент творчества, мысли, сомнения, переживания автора литературного произведения об-

¹ Железнякова С.И. Противоречия процессов массовой коммуникации в современном обществе // Теории и проблемы политических исследований, 2017, т. 6, № 1А, с. 232-240.

ретают форму романа, рассказа, стихотворения, отвечающего самым глубинным потребностям души огромного количества читателей во все времена. Поэтому чтение книг – всегда востребованный способ развития личности.

Распространена и так называемая компромиссная точка зрения, согласно которой постепенно складывается некий баланс различных видов социальной коммуникации (устной, письменной, документной, электронной), поскольку у каждого есть свои преимущества и ограничения.

Если рассматривать особенности современного этапа развития процессов массовой коммуникации в обществе в глобальном масштабе, то можно выделить ряд наиболее характерных¹.

Во-первых, меняется и переосмысливается роль печатной книги, в целом печатного текста. И здесь можно отметить две взаимодополняющие тенденции в восприятии книги и печатного текста современным человеком. Традиционная печатная книга, письменное сообщение уступает по силе своего воздействия мультимедийному сообщению, поскольку в последнем задействованы не только рациональные, но и эмоциональные способы воздействия, текст дополняется аудиовизуальными эффектами, ряд авторов может быть неограниченным, есть возможность обратной связи.

По-видимому, современные технологии позволяют изменить и книжное чтение, сделав его максимально комфортным и на электронном носителе. Современная цифровая библиотека приобретает характеристики компактности, удобства использования, скорости доступа и количественной неограниченности. Это касается новых форм доступа как к литературному материалу, так и к информации в целом.

Если говорить о содержательной стороне чтения, то для современного человека поиск ресурсов саморазвития, раскрытия своего творческого потенциала принципиально важен. В ходе освоения литературного материала человек свободен для творчества и самосозидания, для свободного проектирования себя как личности в ходе осмысления написанного и прочитанного.

¹ Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М., 2015; Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. СПб., 2004.

Косвенным подтверждением потребности современного человека в самостоятельной выработке собственной мировоззренческой позиции по поводу прочитанного может служить факт книгоиздательского «бума», популярности книжных ярмарок, выставок, среди посетителей которых много молодежи. По крайней мере в данное время тезис об устаревании книги как феномена культуры не находит эмпирического подтверждения.

Отмечается противоречие между тенденцией к упрощению процесса чтения как такового, отрицанием длинных и сложных текстов, с одной стороны, и сохранением интереса определенного сегмента аудитории к сложной для восприятия исторической, философской, художественной литературе. Стереотипное представление о массовом читателе как потребителе комиксов и детективов нуждается в эмпирической проверке.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения¹, около четверти граждан отмечают, что их досуг занимает чтение книг. В другом опросе ВЦИОМ² исследователи обращают внимание на увеличение доли респондентов, выбирающих вариант ответа «люблю читать»: 60% в 2017 г. против 41% в 2014 г. Причем молодые респонденты демонстрируют более активное, чем у других возрастных категорий, читательское поведение, в среднем за 3 месяца прочитывая 6,65 книг.

Характерной особенностью нынешнего периода стала практически одинаковая востребованность книжного магазина и глобальной информационной сети в качестве источников книжной информации – эти источники называют примерно равное количество опрошенных (по 35%). Несколько возросла и популярность библиотек – с 8% до 13%.

¹ А на досуге мы танцуем буги-вуги? // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 3524 от 29.11.2017, тематический раздел «Досуг». (Инициативный телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» россиян от 18 лет, случайная стратифицированная выборка объемом 1200 респондентов, ошибка с вероятностью 95% не более 3,5%). Режим доступа: <http://www.wciom.ru>, дата обращения 01.02.2018.

² Читать или не читать? // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 3530 от 06.12.2017, тематический раздел «Литература и искусство». (Инициативный телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» россиян от 18 лет, случайная стратифицированная выборка объемом 1200 респондентов, ошибка с вероятностью 95% не более 3,5%). Режим доступа: <http://www.wciom.ru>, дата обращения 01.02.2018.

Возможно, это связано с новой складывающейся ролью библиотек как универсальных культурных центров района, местного сообщества.

Однако в отношении средств массовой информации действуют несколько иные тренды. Согласно исследованиям социологов¹ потребление печатной периодики за несколько лет существенно снизилось. В 2014 г. периодику регулярно читали 77% опрошенных, в 2017 г. – 55%. Почти каждый третий респондент от 25 до 34 лет готов полностью перейти на онлайн-контент. Особенно это характерно для молодежной аудитории и жителей мегаполисов.

Таким образом, круг чтения складывается из новостной составляющей, и здесь происходят наибольшие изменения в плане практического потребления. Это смещение интереса в сторону онлайн-источников, агрегаторов новостей, поисковых систем, активность читателя, его соавторство. И – традиционный круг чтения, чтения литературного, которое отличается большей устойчивостью, традиционной содержательной и функциональной определенностью.

Описанная выше ситуация чтения ставит перед исследователями – философами, социологами, культурологами – ряд вопросов. От ответа на эти вопросы зависит логика осмысления перспектив культурного развития человечества. Обозначим некоторые направления научного поиска.

Во-первых, это вопрос о содержательном наполнении круга чтения современного человека, о культурном ядре чтения. Культура чтения как система деятельности обычно предстает перед нами как набор рекомендаций для школьников. Перечень произведений мировой литературы, составляющий культурное ядро, является предметом дискуссий. В самом деле, как оценить «заслуги» того или иного классика, автора, как адекватно сформировать комплексное представление о национальной культуре как части мировой культуры? Особенно сложен этот вопрос применительно к современной литературе.

¹ Эпоха цифровых медиа: бумага против экрана // ВЦИОМ, пресс-выпуск № 3551 от 10.01.2018, тематический раздел «Интернет; печать; Общие проблемы СМИ». (Инициативный телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» россиян от 18 лет, случайная стратифицированная выборка объемом 1200 респондентов, ошибка с вероятностью 95% не более 3.5%). Режим доступа: <http://www.wciom.ru>, дата обращения 01.02.2018.

Важен вопрос о содержании и формах чтения в условиях массовой культуры, специфическими чертами которой считаются упрощенные характеристики интеллектуального, нравственного и эстетического потенциала ценностей культуры¹. С другой стороны, лучшие образцы массовой культуры становятся современной классикой, влияют на большие массы людей, отвечают многим жизненным потребностям человека. Поэтому актуален вопрос о критериях отнесения к культурной классике.

Коммуникационная деятельность человека, постоянно имеющего дело с мультимедийными гипертекстами и искусственным интеллектом, отлична от коммуникационного стиля человека традиционной книжной культуры. Важен вопрос о типологии отношения к чтению, о доминирующих и переходных разновидностях культурных потребностей современного человека по отношению к книжной и мультимедийной культуре.

Философско-социологический анализ ситуации должен исходить из следующих закономерностей. Во-первых, новая информационная среда, изменение досуговых предпочтений – это реальность. Сложное чтение занимает все меньше места в структуре культурно-образовательного поведения. Под чтением сегодня нередко понимают потребление всей печатной информации, включая комиксы, которые стали типичным примером искусства «плоскостного восприятия».

Вместе с тем чтение как особый тип умственного труда с определенным типом восприятия – это не только средство развития абстрактного мышления, мышления аналитического, ассоциативного, синтетического. Это и уникальный опыт развития этического начала, эмоционального интеллекта, креативности. В условиях же информационного общества, где главным ресурсом личности становится способность к инновационному развитию, ограниченность творческих ресурсов влияет и на темпы развития общества.

Поскольку чтение и в обозримом будущем будет занимать свое вполне определенное место в рамках культуры постиндустриального общества, являясь сосредоточением духовной культуры человечества и важнейшим средством саморазвития личности, важно изучать направленность,

¹ Массовая культура: Учеб. пособие / К.З. Акопян, А.В. Захаров, С.Я. Кагарлицкая и др. М., 2004.

содержание, формы и структуру чтения, его место в культурно-духовной деятельности человека, а также обусловленность чтения социокультурным контекстом, динамикой изменений в обществе.

Железнякова С.И. Культура чтения в информационном обществе: смыслы, практики, противоречия. Раскрывается смысл и значение чтения в цивилизационном аспекте в развитии культуры общества. Анализируются тенденции в развитии культуры чтения в информационном обществе, изменения в содержании и формах чтения. Показана роль чтения в развитии творческого начала в личности современного человека. Сформулированы противоречия в процессах чтения в современном обществе.

Ключевые слова: культура чтения, культура, информация, знание, информационное общество, творчество, саморазвитие, коммуникация.

Zheleznyakova S.I. The culture of reading in information society: meanings, practices, contradictions. The article considers the meaning and value of reading in civilization aspect in development of society's culture, and analyzes the tendencies in developing the culture of reading in information society, the changes in content and forms of reading. This work shows the role of reading in developing the human creativity, and forms the variety of contradictions of reading in modern society.

Keywords: reading culture, culture, information, knowledge, information society, creation, self-developing, communication.

Ю.Н. МАЛЕКА

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры государственного и
муниципального управления Академии
гражданской защиты МЧС России**

Е.П. ШИТОВА

*магистрант кафедры государственного и
муниципального управления Академии
гражданской защиты МЧС России*

Конкурсные комиссии по избранию глав муниципальных образований: масштаб и особенности применения

На данный момент система местного самоуправления Российской Федерации подвергается значительным изменениям, затрагивающим различные аспекты организации муниципальных образований. Постепенно происходит сокращение муниципалитетов в масштабах всей страны за счет их преобразования и объединения, изменяется процентное соотношение различных видов муниципальных образований, начинает активно применяться на практике новая процедура избрания их руководителей и др. Инициаторами подобных перемен обычно становятся власти субъектов РФ, уполномоченные регулировать организацию местного самоуправления на своей территории¹.

* Малека Юрий Николаевич, e-mail: rgsumaleka@yandex.ru, Шитова Евгения Павловна, e-mail: eva1899@mail.ru

¹ См.: Сушанский А.С., Шитова Е.П. Анализ практического применения механизма объединения регионов на примере муниципальных образований Московской области // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений, 2017, № 1(19). URL: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/19number/articles19/Sushanskiy_Shitova_19.pdf

Данный трансформационный процесс, направленный на решение проблем функционирования и организации муниципальных образований в рамках всей страны и отдельных субъектов РФ, получил название административной реформы местного самоуправления. Так как реформа находится непосредственно в стадии осуществления, ее результаты пока не проявлены в полной мере и, на наш взгляд, требуют осмысления, прогнозирования последствий и проведения различных исследований.

Одним из проблемных моментов данной реформы авторам статьи представляется постепенное усиление вмешательства органов государственной власти субъектов РФ в функционирование органов местного самоуправления с помощью новых административно-правовых механизмов, которое впоследствии вполне способно привести к подконтрольности и несамостоятельности муниципальных образований.

До 2015 г. в Российской Федерации существовало два законодательно закрепленных способа избрания главы муниципального образования: на муниципальных выборах или представительным органом муниципалитета из своего состава. 3 февраля 2015 г. в Федеральный закон № 131 были внесены изменения, добавляющие третий способ избрания главы муниципального образования представительным органом муниципалитета из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса¹ (Федеральный закон №4-ФЗ от 03.02.2015).

Состав данной комиссии определяется следующим образом:

- в муниципальном районе, городском округе, городском округе с внутригородским делением, во внутригородском муниципальном образовании города федерального значения половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом соответствующего муниципального образования, а другая половина – высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации (руководителем высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации).

¹ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

- в поселении, во внутригородском районе половина членов конкурсной комиссии назначается представительным органом поселения, внутригородского района, а другая половина – главой соответствующего муниципального района, городского округа с внутригородским делением.

Таким образом, местный совет депутатов может выбрать главу муниципального образования только из числа кандидатов, одобренных комиссией. Половина комиссии при этом назначается главой субъекта РФ, т. е. по сути вводится некий фильтр кандидатов со стороны государственной власти.

В составе конкурсных комиссий со стороны государственной власти региона чаще всего представлены высшее должностное лицо субъекта РФ, его заместители, министры субъекта РФ, их заместители, депутаты законодательного органа субъекта РФ, руководители департаментов правительства субъекта РФ, руководитель администрации высшего должностного лица субъекта, его заместители. Также в данные списки включают, хотя и в меньшей степени, генеральных директоров крупных региональных предприятий и организаций, представителей Торгово-промышленных палат и различных общественных организаций, почетных граждан муниципального образования, народных артистов и т.д.

Далее будем рассматривать только избрание глав городских округов и муниципальных районов, так как эти виды муниципалитетов включают в себя другие, менее масштабные – сельские, городские поселения и внутригородские территории.

Введение нового способа избрания глав муниципалитетов расширяет выбор для субъектов РФ в принятии того или иного способа, как обязательного для муниципалитетов, входящих в их состав, однако не обязывает регионы включать новый способ в свои уставы и конституции.

Проанализируем, какие на данный момент в субъектах РФ предусмотрены способы избрания глав муниципальных образований (без учета городов федерального значения). Статистика получена авторами статьи из анализа 85 законов о муниципальном устройстве субъектов РФ, актуальных на октябрь 2017 г. В каждом регионе исследуемые документы имеют собственные названия, например:

1) в Московской области – Закон «О сроке полномочий представительных органов муниципальных образований

Московской области и порядке формирования представительных органов муниципальных районов Московской области, сроке полномочий и порядке избрания глав муниципальных образований Московской области»;

2) в Алтайском крае – Закон «О порядке избрания глав муниципальных образований Алтайского края» и т.д.

Также для создания статистики по субъектам были использованы некоторые другие документы, например, Уставы субъектов РФ, Уставы муниципальных образований и другие нормативно-правовые акты.

В исследовании нами не рассматриваются города федерального значения, так как на их территории не представлены муниципалитеты в форме городских округов и муниципальных районов. Кроме того были проанализированы только 44 области по причине отсутствия в двух оставшихся областях муниципальных районов.

Всего рассматривается 7 способов избрания глав муниципальных образований, приводимых в законах субъектов РФ:

1) избрание представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией;

2) избрание представительным органом из своего состава;

3. избрание на муниципальных выборах;

4) совмещение 1 и 2 способа – или с помощью конкурсной комиссии, или из состава представительного органа;

5) совмещение 1 и 3 способа – или с помощью конкурсной комиссии, или на муниципальных выборах;

6) совмещение 2 и 3 способа – или из состава представительного органа, или на муниципальных выборах;

7) совмещение 1, 2 и 3 способа – или с помощью конкурсной комиссии, или из состава представительного органа, или на муниципальных выборах.

По результатам статистического анализа количество субъектов РФ, закрепивших в своем законодательстве те или иные способы избрания глав **муниципальных районов**, соответствует следующим значениям: в 8 республиках (36,4%), в 9 краях (100%), в 28 областях (63,6%) применяются конкурсные комиссии (в чистом виде или в разных комбинациях с другими способами). Данные проценты получены от суммы 1, 4, 5 и 7 способов. Стоит отметить, что органы государственной власти республик в наименьшей степени вмешиваются в выборы глав муниципальных районов на своей территории. Для других регионов характерно достаточно широкое распростране-

ние способа избрания руководителей муниципальных районов с помощью конкурсных комиссий.

Также авторами данной статьи было подсчитано количество субъектов РФ, использующих различные способы избрания глав городских округов. По результатам статистического анализа в 9 республиках (41%), 8 краях (88,9%) и в 31 области (67,4%) применяются конкурсные комиссии (в разных комбинациях). Так же, как и в избрании глав муниципальных районов, республики показывают наименьший процент использования конкурсных комиссий для избрания глав городских округов.

Если сравнивать порядок избрания глав муниципальных районов и городских округов, утвержденный законодательством субъектов РФ, то особой разницы у этих двух видов муниципалитетов нет. В обоих случаях лидирует избрание главы муниципального образования с участием конкурсной комиссии, на втором месте – выбор главы из состава представительного органа муниципалитета. На третьем месте муниципальные выборы – данный способ, включающий непосредственное голосование населения, по статистике используется реже всего.

Итак, если обобщить полученные данные на все субъекты РФ и вычислить процентное соотношение наличия того или иного способа избрания в любой из комбинаций, итоговые цифры будут следующими: более 58% субъектов РФ решили использовать конкурсные комиссии в процессе избрания глав муниципальных образований (59% – в муниципальных районах, 58,5% – в городских округах), выборы главы из состава представительного органа допускаются в половине субъектов России (50% в обоих случаях) и муниципальные выборы могут проводиться примерно в трети регионов страны (32,5% – в муниципальных районах, 33% – в городских округах).

Но это только уровень субъектов, и по факту муниципалитеты могут при наличии выбора закрепить в своем Уставе любой из предоставленных им способов выбора главы муниципального образования. Например, если законом субъекта предусмотрено два варианта для муниципальных образований, находящихся в его границах: избрание главы из состава совета депутатов или на муниципальных выборах, то муниципалитет сам определяет для себя лучший способ. Также в разных субъектах РФ количество муниципалитетов варьируется от пары десятков до нескольких сотен, и масштаб

применения тех или иных способов избрания глав муниципальных образований имеет разное значение.

Рассмотрим также на примере муниципальных районов и городских округов количество муниципалитетов с соответствующими способами выбора глав муниципальных образований (см. табл.).

Таблица

Количество муниципалитетов по видам избрания главы муниципального образования

	Конкурсная комиссия	Муниципальные выборы	Представительный орган
Общее количество муниципальных районов	872(49,6%)	303(17,2%)	585(33,2%)
Общее количество городских округов	344(58,1%)	85(14,4%)	163(27,5%)
Суммарно от общего количества (муниципальные районы + городские округа)	51,7%	16,5%	31,8%

Среди муниципальных районов и городских округов 51,7% руководителей муниципалитетов избираются при участии конкурсной комиссии.

Итак, за 2,5 года, прошедших с утверждения конкурсных комиссий как способа избрания глав муниципалитетов, более половины муниципальных образований (муниципальные районы и городские округа) воспользовались новым механизмом. Большинство субъектов РФ внесло изменения в свои законы об устройстве местного самоуправления в 2017 г., включив в них новый способ и, скорее всего, эта тенденция получит развитие в будущем. Исходя из полученных данных, по общему объему и масштабу применения именно конкурсные комиссии на данный момент являются главным способом отбора руководителей муниципалитетов, а не местные выборы или решение представительного органа.

Малека Ю.Н., Шитова Е.П. Конкурсные комиссии по избранию глав муниципальных образований: масштаб и особенности применения. В статье рассмотрен масштаб применения нового способа избрания глав муниципальных образований – конкурсных комиссий. Определены некоторые особенности и тенденции практической реализации этого административного механизма.

Ключевые слова: муниципальное образование, конкурсные комиссии, субъекты Российской Федерации, муниципальный район, городской округ, административная реформа, местное самоуправление.

Maleka Yu.N., Shitova E.P. Competitive commissions on the election of the heads of municipalities: the scale and features of the application. The article considers the scale of application of new ways of election of heads of municipal formations – competitive commissions. Certain features and trends in the practical implementation of this administrative mechanism are identified.

Keywords: municipality, competitive commission, the Russian Federation subjects of municipal district, urban district, administrative reform, local government.

А.Д. ВИСЛОВА

**доктор психологических наук, ведущий научный
сотрудник Института гуманитарных исследований –
филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН»***

Социокультурная адаптация в условиях парадигмального сдвига

XXI век – век кардинальных преобразований в социально-экономической и культурной жизни общества. В этих условиях обостряются проблемы социокультурной адаптации человека. Во многом они связаны с тем, что традиционная система ценностей теряет свою значимость, привычные стратегии поведения и модели отношений становятся неконструктивными. Наряду с этим формирование новых смыслов и норм взаимодействия, основанных на ином мировоззрении? происходит медленно и противоречиво. В результате наблюдается рост маргинальности и фрустрированности среди различных групп населения. Проблема социокультурной адаптации в российском обществе осложняется и тем, что резкое имущественное расслоение дополняется дифференциацией людей по признаку религиозной и этнической принадлежности. Не меньшие сложности связаны с расширением межкультурных контактов, обусловленных процессом глобализации.

Социокультурная адаптация – «это форма взаимоприспособления субъектов и социокультурной среды на основе обмена духовно-практическими возможностями и результатами деятельности в конкретных адаптивных ситуациях»¹.

Понимание категории «социокультурная адаптация» связано с осмыслением того, что представляют собой социокультурные феномены, как соотносятся «культурное» и «социальное». Ответ мы находим у классика социологии П. Сорокина, который указывает на то, что общая для всех социокультурных явлений структура включает такие компоненты, как: «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являю-

* Вислова Аминат Данияловна, e-mail: avislova@mail.ru

¹ Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация: сущность, направление, механизмы реализации: Дисс. ...д-ра социол. наук. Кемерово, 1992, с. 106.

щихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы»¹.

Предвосхищая вопросы относительно взаимосвязи компонентов феномена, он фиксирует внимание на том, что «различие между категориями «культурное» и «социальное» весьма условно и относительно: любая культура создана определенной социальной группой, объективацией которой она является; а любая социальная группа имеет свою определенную культуру. ...эти категории можно изучать раздельно и в интересах научного анализа изолировать друг от друга как разные аспекты единого и делимого «социокультурного мира»². В принципе об этом же свидетельствует утверждение Ф. Тенбрука, что любое явление состоит из двух аспектов – социального и культурного, которые связаны «бесшовным соединением»³.

Изучение проблем социокультурной адаптации, как правило, предполагает анализ культурных различий, выступающих в качестве барьеров адаптационного процесса. В данном случае интерес представляет рассуждение Ф. Бока о том, что «культура ...– это то, из-за чего ты становишься чужаком, когда покидаешь свой дом. Культура включает в себя все убеждения и все ожидания, которые высказывают и демонстрируют люди... Когда ты в своей группе, среди людей, с которыми разделяешь общую культуру, тебе не приходится обдумывать и проектировать свои слова и поступки, ибо все вы – и ты, и они – видите мир в принципе одинаково, знаете, чего ожидать друг от друга. Но, пребывая в чужом обществе, ты будешь испытывать трудности, ощущение беспомощности и дезориентированности, что можно назвать культурным шоком»⁴. Легко заметить, что

¹ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 193.

² Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000, с. 503.

³ Tenbruch F.H. Representative Kultur // Sozialsbrukt und Kultur / hrsg von H. Haferkamp. Frankfurt am Main, 1990, S. 55.

⁴ Culture Shock. A Reader in Modern Cultural Anthropology / ed. by Ph.K. Bock. N. Y., 1970, p. 14.

отличает социокультурную адаптацию от других форм адаптации. Прежде всего это проявляется в том, что взаимодействие опосредуется культурой как ядром социокультурной среды и индивидуальной культурой субъекта; изменения, происходящие в результате этой формы взаимодействия, могут иметь пролонгированный характер, поскольку приводят к трансформации обыденного мира человека и организации повседневной жизни общества; она сопровождает основные виды деятельности индивида¹.

В современной науке категория «социокультурная адаптация» рассматривается как синоним категорий «межкультурная (межэтническая) адаптация» и «аккультурация».

Известный исследователь Т.Г. Стефаненко определяет межкультурную адаптацию как «процесс вхождения личности в новую культуру, постепенное освоение ее норм, ценностей, образцов поведения. При этом подлинная адаптация предполагает достижение социальной и психологической интеграции с еще одной культурой без потери богатств собственной»². Результатом успешной межкультурной адаптации является достижение «соответствия с новой культурной средой»³, а также психическое здоровье, чувство удовлетворенности, чувство личностной и культурной идентичности, участие в социокультурной жизни новой группы и эффективное взаимодействие с представителями различных культур»⁴.

Обычно аккультурация понимается как результат непосредственного и длительного контакта групп, принадлежащих к разным культурам, и выражается в изменении паттернов культуры одной или же обеих групп⁵.

Автор популярной теории аккультурации Дж. Берри выделяет четыре стратегии адаптации в новой культурной среде. Это: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. В том случае, когда отсутствует желание поддер-

¹ *Тьерри Л.* Социокультурная адаптация: сущность и функции // Альманах современной науки и образования, 2011, № 11 (54), с. 111.

² *Стефаненко Т.* Этнопсихология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/stef/. Дата доступа: 20.02.2018.

³ *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2000, с. 280.

⁴ *Максимчук Е.Д.* Особенности межкультурной адаптации иностранных студентов и обоснование выбора методик для ее исследования. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mezhkulturnoy-adaptatsii-inostrannyh-studentov-i>. Дата доступа: 20.02.2018.

⁵ *Berry J.W.* Immigration, acculturation and adaptation // Applied Psychology: An International Review, 1997, № 46, p. 15.

живать свою культурную идентичность и человек ориентирован на взаимодействие с новой культурой, речь идет об ассимиляции. Когда же для человека особое значение имеет сохранение родной культуры и он избегает представителей иных культур, то формируется стратегия сепарации. Если существует взаимная заинтересованность людей в сохранении собственной культурной идентичности при одновременном принятии других культурных особенностей, то можно говорить об интеграции. При незначительной заинтересованности или отсутствии контактов с новой культурой реализуется стратегия маргинализации¹.

Адаптационный процесс предполагает прохождение определенных этапов, которые отражены в модели кривой адаптации, или U-образной кривой. Первый этап: человек полон энтузиазма и надежд, стремится учиться и работать, но может сталкиваться с трудностями. Второй этап: культурная среда начинает оказывать негативные воздействия, и человек испытывает симптомы культурного шока. Третий этап: человек либо преодолевает культурный шок, либо нет. Четвертый этап: у человека появляется оптимистическое настроение, он уверен в себе и любит жизнь в новой культуре. Пятый этап: человек готов адаптироваться к условиям новой культуры².

В процессе адаптации в новой культуре человек испытывает потрясения, для описания которых К. Оберг ввел понятие «культурный шок» (culture shock)³. Как правило, культурный шок ощущается как неприятный из-за неожиданности, а также потому, что он может привести к негативной оценке собственной культуры⁴.

Актуализация проблемы культурного шока связана с потрясениями, обусловленными миграцией. Тем не менее данное понятие вполне адекватно для анализа проблематики кардинальных трансформаций общества. Резкая смена социокультурной среды может обусловить дезорганиза-

¹ Бурдые П. Практический смысл. СПб., 2001, с. 102.

² Болдырев В.Е. Введение в теорию межкультурной коммуникации. М., 2010, с. 129.

³ Oberg K. Culture Shock Adjustments to New Cultural Environment // Practical anthropology. 1960, № 7, p. 187.

⁴ Furnham A., Bochner S. Culture Shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. L.-N.Y., 1986, p. 37.

цию человека, вызывая неприятие окружающего мира и превращая реальную жизнь в трудно выносимую.

В данном контексте следует упомянуть достаточно популярную футурологическую концепцию Э. Тоффлера, в которой культурный шок рассматривается как «стресс и дезориентация, которые возникают у людей, подверженных слишком большому количеству перемен за слишком короткий срок»¹. Для характеристики современных трендов развития общества он вводит термин «футурошок» (*англ.* future shock), определяемый им как «шок будущего, защитная психологическая реакция человека или общества на стремительные и радикальные изменения в его окружении, вызванные ускорением темпов технологического и социального прогресса»².

Учитывая, что термин «культурный шок» содержит признаки, обладающие негативной коннотацией, а встреча с незнакомой культурой не всегда сопровождается шоковым состоянием, Дж. Берри ввел в научный оборот понятие «стресс аккультурации». Сложности адаптации могут иметь и свои плюсы, связанные с новым опытом коммуникации, знакомством с иными ценностями, которые могут мотивировать к самоактуализации. Безусловно, термины «культурный шок» и «стресс аккультурации» не очень различаются, нередко в литературе используются как синонимы. И все-таки предпочтение отдается «стрессу», являющемуся наиболее употребительным.

К. Гуанипа приводит агрегированные показатели, свидетельствующие о шоке и стрессовом состоянии: печаль, уныние; одиночество, меланхолия, чувство потерянности; бессонница, желание спать или слишком много или слишком мало; идеализация родины и старой культуры, тоска по ним; неумение решать простые проблемы; возникновение стереотипов относительно новой культуры; озабоченность своим здоровьем; колебания темперамента, депрессия; повышенное чувство ранимости или своей беспомощности; утрата идентичности; недостаток конфиденциальности; появление навязчивых идей, связанных, в частности, с чистотой и гигиеной; аллергия; тупая и продолжительная боль; раздражительность, возбудимость;

¹ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997, с. 5.

² Тоффлер Э. Шок будущего URL: http://www.chronos.msu.ru/old /toffler_shok/toffler_shok.htm. Доступ 22.02.2018.

негодование; нежелание общаться с другими; чрезмерное стремление усвоить все новое в теперешней культуре; чувство неадекватности или небезопасности; сильное желание замкнуться в своей семье¹.

А.Н. Гуляева выделяет следующие критерии анализа особенностей социокультурной адаптации мигрантов: позитивные установки в отношении базовых правил и норм принимающего общества; преобладание частоты контактов с представителями принимающего общества над контактами с представителями страны исхода; свободное владение языком принимающего общества; распространенность «отклоняющегося» (делинквентного) поведения не выше среднего уровня принимающей страны².

В целом социокультурная адаптация в современных условиях российского общества имеет свои специфические особенности, связанные с резким изменением социально-политической, экономической, культурной жизни. Безусловно, эти процессы трансформации сопровождаются изменениями человека, его видения картины мира. Адаптация к новым условиям жизни требует отказа от неконструктивных взглядов и убеждений, выработки стратегий поведения, способствующих интеграции в социокультурную среду.

Вислова А.Д. Социокультурная адаптация в условиях парадигмального сдвига. В статье анализируется специфика социокультурной адаптации и ее отличие от других форм адаптации.

Ключевые слова: социокультурная адаптация, межкультурная адаптация, социальное, культурное, культурный шок, стресс аккультурации.

Vislova A.D. Sociocultural adaptation in conditions of paradigm shift. The article analyzes the specifics of socio-cultural adaptation and its difference from other forms of adaptation.

Keywords: sociocultural adaptation, intercultural adaptation, social, cultural, cultural shock, stress of acculturation.

¹ Guanipa C. Culture Shock, Dept. of Counseling and School Psychology, San Diego State University <http://edweb.sdsu.edu/people/cGuanipa/cultshok.htm>. Дата доступа: 02.02.2018.

² Гуляева А.Н. Социокультурная адаптация детей мигрантов // Психологическая наука и образование. 2010. №5. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2010/n5/Gulyaeva.shtml. Дата доступа: 20.02.2018.

Н.А. ОРЕХОВСКАЯ
доктор философских наук,
профессор департамента социологии
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации*

Возможность достижения социального равенства для инвалидов

В наши дни государственными органами инвалидам создаются относительно благоприятные условия. Вопрос лишь в том, готово ли общество к принятию этой категории населения в качестве своих равноправных членов. Оценку морального здоровья социума и уровня цивилизованности зачастую можно дать основываясь на отношении к наименее защищенным его слоям, а это – дети, старики и инвалиды¹.

Ограниченность познаний в истории, относительность общих знаний, особенно сформированных под воздействием убеждений, гуманитарных и общественных воззрений, убеждают в важности терпимости ко всем, кто думает или выглядит иначе. Главное, сохранив убеждения и не уступив чуждому мировоззрению, не скатиться к насилию, изоляции либо отторжению. Толерантность – это умение признавать право на различия меньшинств, действующих в рамках законодательства и не нарушающих прав окружающих. То, что членам разных социальных групп с различными интересами необходимо соблюдать определенные правила поведения, базирующиеся на компромиссах, терпимости и взаимных уступках, просто очевидно².

Однако толерантность в массовом сознании, и об этом свидетельствует практика, труднодостижима. И мешают ей как раз различия, существующие в интересах, воззрениях,

* Ореховская Наталья Анатольевна, e-mail: orehovskaya@yandex.ru

¹ Как просто. [Электронный ресурс] <http://www.kakprosto.ru/kak-885585-kak-v-obschestve-otnosyatsya-k-invalidam#xz4E5PVeWio> (время обращения 10.10.2017)

² Ореховская Н.А. Толерантность массового сознания молодежи как фактор социально-политической стабильности российского общества // Вестник Московского университета культуры и искусств, 2011, № 3, с. 145-150.

традициях, предпочтениях, амбициях людей. Нередко их носители догматически абсолютизируют собственные представления, заведомо идя на нарушение нравственных и правовых норм, признанных в мировом сообществе.

Декларация о правах инвалидов, которая в 1975 г. была принята на Генеральной Ассамблее ООН, строится именно на принципах толерантности. В ней сказано, что «инвалиды, каковы бы ни были происхождение, характер и серьезность их увечий или недостатков, имеют те же основные права, что и их сограждане того же возраста, что в первую очередь означает право на удовлетворительную жизнь, которая была бы как можно более нормальной и полнокровной»¹.

Сегодня инвалидов следовало бы разделять на две категории – медицинскую и социальную. Медицинская форма является инвалидностью, вызванной нарушениями здоровья. Основное направление деятельности в рамках этой модели связано с минимизацией нарушений путем медицинского вмешательства и реабилитации. К социальной категории инвалидности относятся люди, являющиеся инвалидами в силу существующих в социуме организационных, физических преград, стереотипов и предрассудков. Этой моделью пропагандируется равноправие всех граждан и предоставление им одинаковых возможностей, например при получении образования. Социализация и воспитание толерантности к окружающим, имеющим иные возможности, начинается еще в детстве, значит, чтобы барьеры к терпимости были устранены, необходимы соответствующие изменения в школах и образовательных учреждениях, где всем должны обеспечиваться равные возможности и права².

В сегодняшней России трудно встретить человека, который решится оспорить эти принципы. Однако данные социологических опросов утверждают, что большинство наших сограждан, а это 87% населения, убеждены, что несправедливость в отношении инвалидов в нашей стране все еще существует. Люди считают, что о создании равных условий и

¹ Декларация о правах инвалидов. [Электронный ресурс] http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (время обращения 10.10.2017)

² Инклюзивное образование: перспективы развития в России. Материалы конференции [Электронный ресурс] <https://perspektiva-inva.ru/userfiles/publication/incliuzivnoe-obrazovanie-perspektivy-razvitiia-v-rossii.pdf> (время обращения 10.11.2017).

возможностей для инвалидов у нас говорить рано. 67% респондентов (73% – обучавшиеся в вузах, 80% – жители крупных городов) уверены – с трудоустройством и образованием у граждан с инвалидностью больше проблем, чем у людей, не имеющих серьезных проблем со здоровьем. И всего 21% опрошенных придерживается иного мнения¹.

Этнические и религиозные различия не служат реальными барьерами между обычными людьми и инвалидами, но есть препятствия социальных отношений, являющиеся весьма значимыми. Бытует мнение, что не коляска делает человека инвалидом, а его окружение. Не имея внешнего выражения, социальные барьеры независимы от материальных и финансовых затрат. Однако их можно обнаружить и в системе законодательства, сложившейся на текущий момент, и в местных сообществах, и в национальной, а также региональной социальной политике, и в образовательной системе. Примеры этих барьеров можно найти в установках, существующих в родительской среде и среди педагогов общего и специального образования, в негибкой системе оценивания достижений учащихся, в несовершенной нормативно-правовой базе.

Данные опроса, проведенного Фондом общественного мнения, говорят, что 35% населения не считает детей-инвалидов достойными соучениками для мальчиков и девочек без физических отклонений, а 19% респондентов затруднились с ответом. Основным мотивом для отрицательного ответа (16% случаев) послужила жестокость сегодняшнего подрастающего поколения и высокая вероятность агрессии по отношению к инвалидам. 25% опрошенных родителей убеждены в ухудшении качества обучения при совместном посещении занятий. Каждый пятый уверен, что обычные дети будут испытывать дискомфорт, обучаясь с детьми-инвалидами².

В чём же кроются истоки детской жестокости? Приходится признать, что она закладывается самими родителями. Около половины опрошенных мам и пап готовы скорее пожертвовать свои деньги на благотворительность, отдав

¹ Ломоносов фонд. [Электронный ресурс] <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128153>(время обращения 10.11.2017)

² Как просто. [Электронный ресурс] <http://www.kakprosto.ru/kak-885585-kak-v-obschestve-otnosyatsya-k-invalidam#ixzz4E5PVeWio>(время обращения 10.06.2016)

их учреждениям, занимающимся детьми-инвалидами, чем усадить свое чадо за одну парту с ребенком с особыми потребностями и подвергнуть своего отпрыска серьезному моральному испытанию. Неудивительная позиция, если учесть, что каждый третий россиянин сознается в трудностях и замешательстве при общении с инвалидами¹. Судя по показателям, уровень толерантности в современном российском обществе и молодежной среде находится на очень низкой отметке.

Инклюзия же способна стать фундаментом для положительных изменений в обществе и в его отношении к инвалидам. Это понятие происходит от английского слова *inclusion*, означающего включение. Оно предполагает полное "растворение" людей с особыми потребностями в социуме. Этот подход подразумевает обучение инвалидов в тех же группах, где учатся люди без отклонений².

В широком смысле инклюзия затрагивает не только образовательную сферу, но и весь комплекс общественных взаимоотношений – от труда и общения до развлечений и культурной жизни. Доброжелательная атмосфера и доступность должны быть обеспечены повсеместно, а барьеры массового сознания и среды должны быть преодолены. Инклюзией не ущемляются права здоровых учеников. С ее помощью реализуется важная ступень в общественном развитии – право на достойное существование и образование для всех.

Инклюзия поощряется в Швейцарии, Италии, Норвегии, Дании, Великобритании. Пора и нам перенимать мировой опыт. Заложив принципы инклюзивного обучения в нормативно-правовую базу, можно увеличить степень доступности образования не только в отношении инвалидов, но и для таких категорий граждан как дети и подростки, живущие в семьях, находящихся за чертой бедности, мигранты, люди, оказавшиеся в трудных жизненных ситуациях, беженцы³.

¹ Ореховская Н.А. Толерантность массового сознания – путь к социокультурной интеграции современного российского общества // Этносоциум и межнациональная культура, 2011, №4(36), с. 56-65.

² Воеводина Е.В. Инклюзивное образование инвалидов: основные принципы и технологии реализации // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 5, с. 254-266.

³ Ореховская Н.А., Воеводина Е.В. Принципы толерантности в инклюзивном образовании // Социально-гуманитарные знания, №4, 2017, с. 134-142.

Инклюзивное воспитание и образование в школах и вузах имеет исключительное значение в вопросе формирования толерантности в сознании молодых людей. Таким образом вырабатываются открытость к людям и иным культурам, способность видеть ценность свободы личности, уважение к человеческому достоинству и индивидуальности. В формировании у детей и молодежи позитивного социального портрета граждан с инвалидностью заложен мощный воспитательный элемент¹. В решении этой задачи могут принимать участие как педагоги, так и СМИ, потому что воспитывать необходимо и детей, и родителей, и все общество.

Образование, которое активно ориентировано на создание толерантного сознания в подрастающем поколении, в современной педагогике называется толерантно-ориентированным. Его осмысление начинается с понимания целевых общественных ориентиров. Причем одним из важнейших результатов работы образовательной системы, посредством инклюзии воспитывающей в российских гражданах терпимость и толерантность, является усиление могущества всего государства.

Ореховская Н.А. Возможность достижения социального равенства для инвалидов. Актуальность статьи состоит в анализе причин социального неравенства по отношению к инвалидам. В основу исследования легли данные, полученные в ходе социологических опросов. В качестве основного пути преодоления социального неравенства автор рассматривает инклюзию и ее реализацию в системе образования.

Ключевые слова: инвалид, социальное неравенство, инклюзия, общественное мнение, образование.

Orekhovskaya N.A. The possibility of achieving social equality for people with disabilities. The relevance of the article is to analyze the causes of social inequality in relation to people with disabilities. The research was based on data obtained during sociological surveys. As the main way to overcome social inequality, the author considers inclusion and its implementation in the education system.

Keywords: invalid, social inequality, inclusion, public opinion, education.

¹ Ореховская Н.А. Методологические аспекты толерантности массового сознания российского общества // Этносоциум и межнациональная культура, 2012, №10(52), с. 24-30.

Д.Г. ПЕРЕДНЯ
кандидат социологических наук, доцент, доцент
кафедры теории и методологии государственного
управления Академии управления МВД России

Д.В. ЗАХАРОВ
магистрант Академии управления МВД России*

Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан

В современном российском обществе сформировалось противоречивое отношение к полиции. С одной стороны, общественность осознает социальную значимость деятельности полиции, с другой – общественное мнение относительно полиции как организации, ее сотрудников и их деятельности характеризуется недоверием и заметным негативизмом (см. табл.).

Таблица

**Сравнительные оценки вневедомственного изучения
общественного мнения о деятельности полиции в 2016 г.**

		ВЦИОМ	Левада– Центр	ФСО России
№ п/п	<i>Доверие полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности граждан</i>			
1	Доверяю	47%	24%	39%
2	Не доверяю	47%	65%	43%
3	Затруднились ответить	6%	11%	18%

Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании расширенной коллегии МВД России, которое состоялось 15 марта 2016 г., обозначил позицию относительно образа современной полиции и ее сотрудников. Он нацелил на формирование доверия у граждан к органам правопорядка. По его

* Передня Дмитрий Григорьевич, e-mail: 2975829@mail.ru; Захаров Денис Владимирович, e-mail: 6605318@rambler.ru

мнению, ключевыми характеристиками современного полицейского должны являться высокий профессионализм и заслуживающие доверия моральные качества. Но при этом отдельные полицейские демонстрируют такое поведение, которое способствует формированию негативного отношения граждан к сотрудникам полиции, к органам правопорядка и государственной власти в целом¹. В представленном утверждении обозначена взаимосвязь имиджа полиции как организации и имиджа каждого отдельного сотрудника полиции.

Концептуально имидж полиции может быть представлен на трех уровнях: мифологическом, виртуально-стереотипном, предметном (конкретном)². Цель статьи – обратить внимание читателей на имидж полиции в его воплощении на предметном уровне. Этот уровень восприятия отражает реальное взаимодействие людей с правоохранительной системой в целом и с органами внутренних дел в частности, теми ее субъектами, которые физически осуществляют ее функционирование или имеют к ней отношение: территориальные органы полиции; кто-либо из знакомых, работающих в органах; полицейские, встречающиеся на улице, участковый уполномоченный по месту жительства, и т.п.

В определенном смысле здесь предполагается вести речь об исследовании реального имиджа сотрудника полиции с точки зрения деятельностного аспекта. При этом необходимо учитывать взаимосвязь деятельности сотрудников полиции и формируемого их образа в глазах общества.

Так, В.И. Майоров отмечает, что «полиция при осуществлении своей деятельности должна обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан, тем самым формируя в общественном сознании положительный образ сотрудника полиции»³. Мы в свою очередь для анализа предметного имиджа сотрудников полиции используем данные проведенного авторского исследования, а так-

¹ См.: Вступительное слово Президента РФ на расширенном заседании коллегии МВД, 15 марта 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://78.mvd.ru/upload/site79/document_journal/3_2016_god.pdf

² См.: *Передня Д.Г., Фатхутдинов Р.Р.* Имидж органов внутренних дел как сфера применения социальных технологий // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 2, с. 259.

³ *Майоров В.И.* Повышение эффективности деятельности полиции с помощью реализации политики информационной открытости // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право, 2016, т. 1, № 3, с. 46-51.

же результаты проводимых ранее исследований, касающихся имиджа органов внутренних дел.

Исследование проводилось в Кировской области, в период с 01.07 по 31.07.2017 г. методом уличного формализованного интервью. Согласно данным Кировстата численность постоянного населения области на начало 2017 г. составляла 1291,7 тыс. человек. Для расчета объема выборочной совокупности мы использовали онлайн-калькулятор «Soconline.ru». При заданных параметрах доверительной вероятности в 95% и доверительного интервала +/- 5% с учетом объема указанной генеральной совокупности объем выборочной совокупности составил 380 человек.

Выборка квотирована по полу и возрасту. Половина респондентов от общей численности выборки (200 человек) опрашивалась в областном центре, 50 человек (13,2%) – в г. Кирово-Чепецке, 40 человек (10,5%) – в г. Слободском, 30 человек (7,9%) – в г. Котельниче и по 20 человек (5,3%) – в г. Омутнинске, Уржуме, Вятских Полянах. Сформированная выборка охватывает все категории населения по полу, возрасту и месту проживания.

Один из вопросов касался критериев оценки деятельности полиции. В качестве главных критериев оценки деятельности полиции респонденты отметили «оказание помощи населению по любым вопросам» и «обеспечение общественного порядка на улицах». В рейтинге критериев оценки деятельности полиции респондентами эти показатели заняли первое и второе места. Исходя из этого, можно сделать вывод, что население ожидает от полиции большего, чем реально входит в ее функционал. Больше половины респондентов (55,5%) отметили, что сотрудники полиции должны оказывать помощь населению по любым вопросам, а не только по вопросам правопорядка.

Рассмотрим другой показатель. При планировании исследования мы предполагали, что отношение к различным видам служб полиции у населения неодинаковое. Для проверки этого предположения в анкете был сформулирован отдельный вопрос. Наиболее отрицательное отношение населения выявлено к таким подразделениям, как патрульно-постовая служба, дорожно-патрульная служба и участковые. Эти подразделения чаще всего контактируют с населением. То есть сотрудники именно этих служб осуществляют непосредственное личное взаимодействие с гражда-

нами, его можно условно назвать «повседневным». При этом такие подразделения, как руководство МВД, подразделение экономической безопасности и противодействия коррупции, подразделения собственной безопасности, имеют более высокую положительную оценку населения. Это связано со спецификой деятельности указанных подразделений. Они дистанцированы от населения, характер взаимодействия носит специфическую ситуативную направленность. Отдельно отметим, что такое подразделение, как дежурная часть полиции, имеет более высокую оценку отношения населения к нему. На наш взгляд, это также связано с формой взаимодействия, которая опосредована и формализована инструкциями.

Определяя состояние образа современного полицейского, респонденты по-разному оценивают предлагаемые характеристики. Так, недостаточными, по мнению жителей региона, у сотрудников полиции являются: уровень образования (54,2%), культурный уровень (57,9%), профессионализм (60,8%), гуманизм (48,9%), честность (61,1%). Остальные участники опроса соответственно оценивают указанные характеристики как «приемлемо» и «вполне достаточно», т.е. дают нейтрально-положительную оценку.

Для получения более объективной и расширенной картины имиджа сотрудника полиции обратимся к вторичным данным. Так, на основании результатов исследования Ю.Н. Мазаева можно сделать следующие выводы:

1) люди, знакомые с органами внутренних дел и их сотрудниками через средства массовой информации и не имеющие личного опыта взаимодействия и общения с правоохранительными органами, более положительно относятся к полиции;

2) люди, дистанцированные от деятельности ОВД (люди предпенсионного и пенсионного возраста, домохозяйки, учащиеся и студенты, жители сельской местности), также более благосклонны к сотрудникам правопорядка;

3) функциональные качества выходят на первый план при оценке положительного образа сотрудника¹.

¹ См.: *Мазаев Ю.Н.* Роль средств массовой информации в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования, 2004, № 2, с. 106-115.

Согласно результатам социологического исследования А.В. Жернова и В.В. Глухова «Взаимодействие граждан и полиции» основными причинами неудовлетворенности граждан работой сотрудников полиции являются невнимательное и грубое отношение к обращающимся к ним гражданам, неоперативность реагирования, небескорыстное исполнение полицейскими своих обязанностей¹. По данным рассматриваемого исследования не удовлетворены работой полиции 70% граждан. При этом 46% респондентов считают, что полиция им не поможет, а треть респондентов рассматривает обращение в полицию как стрессовую ситуацию.

Обобщим полученные данные. Итак, сотрудники подразделений, осуществляющие повседневное непосредственное взаимодействие с гражданами, испытывают более негативное отношение со стороны общественности. После приобретения гражданами личного опыта общения с полицией их отношение к ней ухудшается, доверие снижается, ситуация общения воспринимается как стрессовая. При этом в сознании индивидов обнаруживаются конкретные качества сотрудников полиции, не удовлетворяющие граждан: их культурный уровень, уровень гуманизма, профессионализма и пр. Следовательно, в ходе непосредственных контактов ожидания граждан в отношении полиции часто не оправдываются.

СМИ часто внедряют в сознание граждан образы, не связанные или мало связанные с реальной жизнью правоохранительных органов. По телевидению в многочисленных сериалах показывают активность полиции: погони, стрельбу, драки, выслеживание, специальные мероприятия, сложную, часто вымышленную работу экспертов, а на деле, когда граждане сталкиваются с реальными действиями органов правопорядка, обнаруживаются волокита, расспросы, бюрократизм. Ко всему этому граждане, впервые обратившиеся в полицию, оказываются не готовы. Как следствие социальные ожидания граждан не оправдываются. Часто они не оправдываются даже в том случае, когда полиция раскрыла преступление и/или возместила ущерб.

Следует отметить, что каналов и источников распространения негативных форм отношения к сотрудникам полиции множество. Существует целый спектр причин, укорененных в

¹ См.: Жернова А.В., Глухов В.В. Взаимодействие граждан и полиции: состояние и перспективы // Социологические исследования, 2013, № 7, с. 110-114.

социальной структуре, специфике менталитета, косвенно определяющих возможность формирования негативного отношения к полиции. Мы намеренно абстрагируемся от всего этого множества, чтобы сосредоточиться на личных, непосредственных взаимодействиях граждан и полиции.

Работа сотрудников правоохранительных органов предполагает многочисленные контакты с населением, и от того, как и в какой форме протекает это взаимодействие, в существенной мере зависит, с одной стороны, эффективность деятельности стражей порядка, с другой – их имидж. Работа полиции определяется не только формальными правовыми предписаниями, но неформальными социальными ожиданиями. Исследование показало несоответствие между установленным и нормативно закрепленным функционалом полиции и социальными ожиданиями индивидов. Не оправдывающиеся социальные ожидания, связанные с контактами с полицейскими, приводят к изменению личного отношения к ним, закрепляют негативные социальные стереотипы, ухудшают общественное мнение о деятельности органов правопорядка.

«Традиционной точкой зрения (во многом принадлежащей носителям негативных оценок) является то, что данное отношение представляет собой результат непосредственной оценки действий сотрудников полиции, производимой людьми, по каким-то причинам контактировавшими с ними. Эта позиция предполагает, что в отрицательной оценке виноваты сами работники полиции»¹. Отчасти это обусловлено переносом на обычных граждан тех форм общения сотрудников полиции, которые они практикуют взаимодействуя с криминальными элементами. Это происходит по привычке, не всегда осознанно, но граждане это чувствуют, быстро дешифруют поступающие вербальные и невербальные сигналы и маркируют это обстоятельство как отягощающее социальное взаимодействие с органами внутренних дел.

Выход из этой ситуации видится следующий. Практически во всех организациях, в том числе и в ОВД, контактировать со средствами массовой информации могут только представители пресс-центра. Они на это уполномочены и

¹ Колцов С.В. Негативное отношение к сотрудникам полиции в общественном мнении: сущность, причины, направления противодействия проблеме // Человек. Общество. Инклюзия, 2015, № 4, с. 32.

умело это делают с учетом характеристик и ожиданий представителей журналистского сообщества. Фактически имидж полиции формируется на всех уровнях его существования: мифологическом, виртуально-стереотипном, предметном. Следовательно, не только представители отделов информации и связей с общественностью, руководители МВД формируют имидж, но и каждый отдельный сотрудник выступает как носителем этого имиджа, так и тем, кто его формирует. Отсюда там, где осуществляются непосредственные контакты, взаимодействовать с гражданами должны подготовленные для этого сотрудники. Например, в составе патрульно-постовых нарядов или следственно-оперативных групп должны быть сотрудники, специализирующиеся на взаимодействии с добропорядочными гражданами, понимающие их ожидания, представления, умеющие проявлять необходимую эмпатию, терпеливо объяснять необходимость формальных процедур, связанных с тем или иным происшествием. Таким образом эти сотрудники будут вносить вклад в формирование положительного имиджа полиции, улучшение общественного мнения о ней.

Подобный подход не обязателен для прослойки населения, которая характеризуется отрицательным отношением к представителям силовых структур и повышенной вероятностью нарушения правовых норм, речь идет, например, о представителях криминальной субкультуры. Потенциальная готовность к нарушению правовых норм и последующему наказанию формирует у таких индивидов ожидание конфликтного взаимодействия с сотрудниками полиции, а навыки такого взаимодействия у сотрудников полиции, как правило, имеются.

Отдельная проблема – как снизить в обществе предрасположенность к нарушению правовых норм. Ведь чем сильнее в нем тенденция формирования отрицательного отношения к сотрудникам правоохранительных органов, тем с большей вероятностью члены общества станут рассматривать конфликт «полицейские – преступники» как конфликт «мы – они», а такой вариант наименее приемлем.

Формируемый имидж на предметном (конкретном) уровне, с одной стороны, должен соответствовать прямому предназначению полиции и ее сотрудников в обществе, а с другой – обеспечивать работу полиции в условиях общественной поддержки и понимания населением сути и функций

нального предназначения современной полиции. Добиться этого игнорируя социальные ожидания граждан в отношении полиции, невозможно. Описанное направление формирования имиджа может быть в будущем включено в общую информационную стратегию МВД России. Оно создаст существенное препятствие для трансляции отрицательного опыта взаимодействия с представителями полиции, негативной субъективной оценки их деятельности и морального облика сотрудников.

Следует различать тех, кто прошел криминальные формы социализации, и тех, кто относится к законопослушной части населения и вместе с тем является представителем общества массового потребления со сформированной установкой – клиент всегда прав.

Из этого можно сделать вывод, что при формировании имиджа сотрудника полиции необходимо особое внимание обращать на поведение и характер информационно-коммуникативного взаимодействия при непосредственной работе с гражданами. Предлагаемые меры не исчерпывают все проблемы имиджа полиции ввиду комплексного характера имиджа и всего, что с ним связано, тем не менее они будут способствовать развертыванию более конструктивного социального диалога между правоохранительными органами и населением.

Передня Д.Г., Захаров Д.В. Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан. В статье рассматривается влияние на имидж органов внутренних дел непосредственных взаимодействий полиции с гражданами. В основу представлений об этих взаимодействиях положены результаты авторского эмпирического исследования, а также вторичные данные. Описана тенденция к ухудшению имиджа полиции после опыта общения граждан с правоохранительными органами, в основе которой лежат неоправдавшиеся ожидания индивидов. Преодолеть эту ситуацию возможно путем специализации сотрудников и адаптации их уровня коммуникативной подготовленности к социальным ожиданиям граждан.

Ключевые слова: имидж полиции, социальные ожидания, общественное мнение.

Perednya D.G. Zakharov D.V. Image of police officers through a set of social expectations of citizens. The article deals with the direct interaction of citizens with the police and their influence on the image of the police. Information on these interactions was obtained with the help of author's empirical research, as well as secondary data. The article describes the tendency to deteriorate the image of the police after the experience of communication of citizens with law enforcement agencies. This trend is based on the unjustified expectations of individuals. Overcoming this situation can be through the specialization of police officers and the adaptation of their level of communicative readiness to the social expectations of citizens.

Keywords: image of the police, social expectations, public opinion.

Т.Г. ЧЕСНОКОВА
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной филологии
Института гуманитарных наук и управления
Московского городского педагогического
университета**

«Диалоги» Григория Великого и пространственно-смысловая структура средневековых видений

В отличие от классической, поздняя западноевропейская патристика (VI-VIII вв.) развивалась в условиях укрепления церковной организации и была нацелена на систематизацию сложившегося вероучения в условиях, когда христианская церковь видела своих главных противников уже не в языческой мудрости и «внешних» идейных влияниях, а в слабости церковных институтов, угрозе варваризации общества и намечающемся разрыве между официальной доктриной и популярными религиозными представлениями верующих. В поддержании и организации процессов, призванных противостоять вышеназванным тенденциям, велика была роль одного из поздних отцов римской церкви – Григория I Великого¹ (Gregorius Magnus, ок. 540-604, папа римский – с 590 г.).

Деятельность Григория была весьма многогранной, а его труды имели, как правило, не только абстрактно-догматическое, но и прикладное значение. Своими толкованиями Писания (порой облекавшимися в популярную форму проповеди-

* Чеснокова Татьяна Григорьевна, e-mail: tchesno@bk.ru

¹ В православной традиции за Григорием I закрепилось прозвище «Двоеслов», славянская версия которого образована от греческого слова Διάλογος, использованного в названии одного из центральных сочинений Григория – «Диалогов о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души».

гомилии) он утвердил традицию рассматривать любой библейский текст и всю Библию в целом как многоуровневое иносказание, закрепив и развив экзегетические методы греческих и римских предшественников (Оригена и Иеронима).

Успех проповеднической деятельности папы Григория в большей степени зависел от простоты и ясности слога, чем от его риторической «украшенности». Пожертвовав литературной изысканностью ради наглядности и обобщенности содержания, Григорий сумел найти нужный тон в общении со своей многоликой и по большей части не слишком образованной паствой. Умение Двоеслова слышать голос неученого большинства и сверяться с ним как с неким духовным ориентиром сказалось и в его «Диалогах о жизни и чудесах италийских отцов и о бессмертии души» (*Dialogi de vita et miraculis patrum italicorum et de aeternitate animarum*, ок. 593)¹, развивавших традицию назидательных пастырских «бесед» и сыгравших важнейшую роль в формировании средневекового житийного канона.

Это сочинение в литературном отношении еще не являлось законченным образцом канонической житийной прозы. При четкости идеологических задач оно отличалось неоднородностью материала и неустойчивостью литературных установок. Объединенные в сборнике рассказы о благочестивых деяниях, чудесах и подвигах италийских праведников (в основном – людей церкви) в большинстве своем отличались краткостью и схематизмом, напоминая скорее первичную запись, сохранившую близость к устной традиции, чем завершенный образец канонического жития.

В истории средневековой литературы «Диалоги» способствовали становлению еще одного самостоятельного жанра – видения. Затронув в заключительных книгах вопрос о бессмертии души, Григорий, как и в рассказах о римских праведниках, не преминул обратиться к свидетельствам очевидцев, чей мистический опыт служил подтверждением истин церковного учения. Так в композицию «Диалогов» входит череда повествований, посвященных загробным путешествиям свидетелей, восставших из мертвых.

¹ См.: *Gregorius Magnus. Dialogi [De Vita et Miraculis Patrum Italicorum et de Aeternitate Animarum]* // URL: [https://la.wikisource.org/wiki/Dialogi_\(Gregorius_Magnus\)](https://la.wikisource.org/wiki/Dialogi_(Gregorius_Magnus)) (дата обращения: 19.09.2017).

Кристаллизация жанровой формы видения на почве популярных рассказов о жизни за гробом явилась следствием ряда условий. Немаловажное место здесь занимало утверждение устойчивых представлений о земном и небесном, о конечной судьбе человека и человечества, сближение богостовской и народной концепций «того» света, соединение мистического сюжета с назидательной целью.

Время Григория (на границе «темных веков») стало периодом оживления эсхатологических ожиданий, явившихся источником широкого интереса к мистическому загробному опыту. Сам папа римский с уверенностью утверждал, что «приближается конец всякой плоти» (III, 38, 2)¹, указывая на катастрофы своей эпохи как на отчетливый знак наступающего конца времен. Однако характер упомянутых ожиданий изменился в сравнении с более ранними этапами развития христианской эсхатологии. Предвкушение Царства Божия, характерное для первых лет новой эры, отодвинулось на второй план, уступив место грозным предвестиям Страшного Суда, а между земным и небесным мирами установилась прочная дистанция, сокращение которой в мистическом опыте вызывало отныне благоговейное удивление.

В свое время христианские мученики покидали мир, пребывая в уверенности, что скоро вернутся на землю вместе с воскресшим Спасителем, чтобы «воссесть» рядом с Ним в новом мире, возникающем в результате «сошествия» Царства Божия на землю. Наступление этого царства тем самым не столько отодвигалось в будущее, сколько ощущалось как зарождающееся в настоящем, словно внезапно открывшемся в вечность. Личное спасение превращалось в доказательство и символ спасения всякой твари, что, безусловно, не отменяло различий между душами спасенных и осужденных на гибель, но вдохновляло на христианский подвиг преодоления «падшей» природы. Эта нераздельность переживания индивидуальной и общей судьбы в эсхатологическом опыте уже в период расцвета святоотеческой классики сменилась более дифференцированным восприятием опыта верующих на фоне различия

¹ *Григорий Великий*. Диалоги: Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М., 2012, с. 350. Здесь и далее кроме специально оговоренных случаев все цитаты из этого сочинения приводятся по вышеуказанному изданию. Римская цифра обозначает книгу, первая арабская – главу, вторая арабская – абзац.

между *спасающей* властью небес и *спасаемой* – тварной – природой земных существ.

Ранний христианин, спасая себя, вслед за Христом «спасал» все творение, поворачивая земную историю навстречу вечности и способствуя их слиянию в «тысячелетнем царстве». Современник Иеронима и Августина в аналогичном случае отвергал историческую реальность как неспособную в полной мере «наполниться» вечностью и служащую развернутым следствием грехопадения. Даже единство верующих во Христа осознавалось теперь не столько как общая принадлежность к горнему Царству (перенесенному на ментальное «небо» и ставшему Градом Божиим), сколько как совокупность самостоятельных (единичных) связей каждого индивида с Творцом.

В картине мира западных отцов церкви IV-V вв., в отличие от первых христиан, основная граница проходила не между падшим миром и миром преображенным, но между онтологическим статусом человека (как твари) и Бога (как абсолютного Творца). Переходя в мир иной, человек, в представлении Августина, не утрачивал своей бытийной ограниченности, но лишался подпорок, помогавших ему «скомпенсировать» собственную неполноценность в условиях земного града, построенного по образу и подобию человеческой тварной природы. Напротив, освобождаясь от земных пут, индивид прекращал в окружающем мире бесплодные поиски той полноты, которую мог ему дать только Бог.

Конец времен для Августина – тот же знак ущербности всякой твари, но только явленный в масштабе всего творения. Данный масштаб не давал, таким образом, сущностного «прироста» в сравнении с частным бытием человека: бытийная целостность посюстороннего мира отвергалась классиками патристики как сугубо земная иллюзия. Мир представлялся им не органическим, а формальным единством, механической совокупностью индивидуальных существований, каждое из которых держалось на нити, протянутой к нему свыше (минуя «единство» природы).

Первичной (в онтологическом смысле) является, в понимании автора «Исповеди», связь каждого смертного с Богом, а вовсе не отношения индивидов друг с другом. Идеал духовного состояния и основная потребность всякого человека – отрицание иллюзорной видимости земного миропорядка, познание земного (природного и социального) единства как

скрытого хаоса. На этом фоне в проблеме соотношения личной и мировой судеб открывается новая грань.

В эсхатологии раннего христианства смысловой акцент приходился на истечение сроков «торжества» павшего мира и приближение его конца, что выражалось в отказе все большего числа верующих признавать этот мир как истинно существующий, в готовности претерпеть в нем муки и саму смерть. Для верующего интеллектуала IV-V вв. первичность индивидуального существования, положенного Богом, в сравнении с призрачной целостностью земного града определяет тенденцию к восприятию гибели мира как чего-то вторичного на фоне духовной смерти или спасения каждого индивида.

Мученик раннего христианства, принимая смерть за веру, в перспективе персонального опыта приближал желанную развязку всей мировой истории (победу Царства Божия). Теперь он не ждал конца света как «посторонний», но становился участником вселенской драмы – частицей растущего царства божественной истины, торжествующего над мирским злом. Отсюда то ощущение экстатической радости, которое сопровождало эсхатологические ожидания первых христиан и которое у Августина сменилось сосредоточенным самоуглублением в сочетании с ощущением неизбежности краха земного града, распадающегося вследствие призрачности своего бытия. Предвкушение истечения всех земных сроков в сознании Августина сопровождается не столько переживанием сопричастности к силе, способной одержать победу над мировым злом, сколько потребностью в укреплении воли для повседневной борьбы со своей тварной природой. Радость Августина более сдержанна и питается смиренной надеждой на избавление от земных связей, мешающих признанию собственного ничтожества перед Творцом. В этом и заключается нравственный идеал отца церкви – «любовь к Богу, дошедшая до презрения к себе» («О Граде Божиим», кн. XIV, гл. 28¹).

В контексте сказанного Августин не видит смысла (и не испытывает потребности) в каком-то особом тысячелетнем Христовом Царстве, наступающем одновременно со вторым пришествием Иисуса и длящемся до финальной мировой катастрофы. Подобным Царством для Августина является

¹ *Августин. О Граде Божиим. Минск – М., 2000, с. 703.*

церковь, возникшая после земной смерти Христа и противопоставившая ущербным мирским отношениям вновь обретенную связь всякой твари с Творцом. В своей глубинной сущности церковь является, таким образом, не просто градом спасенных праведников, но Градом Творца, в котором каждый из верующих обретает место в соответствии с мерой проявленности его личной связи с Богом.

Мир вообще мыслится в этой связи как единый в своей основе. Его единство – в сотворенности всякого существования Богом. Божественное бытие – единственно реальное в масштабе вечности. Внешняя целостность мира – иллюзия. Отношения индивидов друг с другом вне связи каждого с Творцом – хаос, прикрытый видимостью государственного порядка. Преодоление хаоса – церковь, в которой мирские связи заменены связью каждого верующего с Богом. Загробная судьба человека – показатель того, в какой степени его связь с Творцом возобладала над мирскими привязанностями и отношениями. Наконец, Царство Божие – не нисходящий на землю божественный миропорядок и не иной – «параллельный» земному мир, а бытие, которое истинно существует до времени, сохраняется в фундаменте человеческой истории и остается за ее пределами – по завершении всех «времен».

Восприятие небесного града у представителей патристической классики может различаться: у Августина его образ более интеллектуальный, лишенный признаков конкретного места. У Иеронима – более конкретный и напоминающий «параллельную реальность», что создает почву для мотивов видения, или рассказа о временном пребывании в загробном мире (в письме к Евстохии¹). Тем не менее картина этого мира остается для рассказчика проекцией незавершенной истории его собственной – индивидуальной души. Палочные удары, которые получает в видении Иероним (в качестве наказания за приверженность к суетной светской мудрости), – это не столько деталь в «объективном» изображении потустороннего мира, сколько материализованный образ той муки, которую ощущает в своей душе отец церкви из-за собственной неспособности окончательно отречься от интеллектуальной власти язычества. Элементы видений возни-

¹ *Блаженный Иероним Стридонский. Да будут одежды твои светлы: Сб. писем.* М., 2006, с. 77-79.

кают в подобном контексте лишь спорадически, не создавая устойчивой жанровой формы.

Эсхатологические представления эпохи Григория демонстрируют новые содержательные и формальные сдвиги. Христианское «двоемирие» впервые со всей отчетливостью предстает как концепция двух «параллельных» миров – телесного и загробного. Разрушение государства и гибель светской культуры становятся зримой реальностью, а не угрозой, проглядывающей сквозь оболочку внешнего благополучия. При этом христианская церковь, стоявшая до этого в оппозиции к земному граду, в условиях наступающих «темных веков» оказывается вынуждена брать на себя некоторые функции разрушенной государственности, дабы создать практическую основу для поддержания духовного стремления верующих к спасению.

Отныне речь идет не о способах выхода из-под влияния прочной системы мирских отношений, но о необходимости выстраивания новых межчеловеческих связей, опосредующих главное отношение – человека к Богу. Отсюда – акцент на развитии церковной организации и концепция церковного посредничества между верующим и Творцом – идея, которая прочно войдет в католическую догматику. Для эпохи Григория утверждение этой идеи диктовалось потребностью в практическом обеспечении августиновских идеалов на фоне разрыва общественных связей, забвения навыков книжной культуры и постоянных набегов язычников-варваров. На этом фоне задача укрепления церкви и расширения ее роли в качестве посредницы между верующими и Богом осознавалась как насущная необходимость.

Изменения затронули и саму концепцию загробного воздаяния, включая соотношение индивидуальной судьбы отдельного человека и конечных судеб мира. Для человека итог его земной жизни как и прежде определялся опытом преодоления мирских привязанностей, но сам этот опыт зависел уже не только от личной способности к восприятию благодати, но и от степени благополучия церкви. Ожидание скорого истечения сроков земного существования не только не отменяло задачи церковного строительства, но делало эту задачу вдвойне актуальной. Мысленное приближение картины Страшного Суда не стирало различий между «будущим» и «настоящим», но обостряло восприятие истекающих земных минут, дарующих христианину последнюю воз-

возможность совершить нечто важное для личного спасения. При этом на первое место вместо мгновенно преображающего душу подвига веры выдвигалось повседневное совершение «добрых дел», укрепляющих узы христианского братства и реальную силу церкви. Судьба индивидуальной души теперь зависела от совокупной мощи духовных ресурсов церкви и могла если не радикально меняться, то существенно «подправляться» в промежутке между окончанием жизни конкретного индивида и истечением «вселенских» сроков. На этой почве в эпоху Григория зарождается концепция чистилища, один из этапов становления которой нашел отражение в «Диалогах».

Представление о чистилище тесно связано с общим представлением о соотношении земного и небесного бытия. Для современников папы Григория зримый контраст между землей и небесами, временем и вечностью усиливается, но наряду с этим возникает почва для развития устойчивых параллелей между двумя «реальностями». Истинный порядок и совершенство существуют лишь в надмирном пространстве, но небеса могут стать образцом для созидательных усилий верующего, направленных на преодоление земного хаоса и распада. В результате подобного «подражания» небесам формируется зримый порядок церковной жизни, который опосредует движение каждого верующего к спасению.

Все это вместе усиливает параллелизм между земным и небесным. В земном пространстве не только «духовно», но и физически присутствует нечто близкое к вечности – церковь, иерархически упорядоченная и устойчивая, в подражание божественному порядку. На небесах же, напротив, появляется нечто временное, символизирующее переходное состояние души – чистилище. Параллельное существование обоих миров: небесного и земного – создает условия для регулярного «сообщения» между ними, а угроза конца времен побуждает небеса время от времени открываться человеку, напоминая ему о грядущем Суде над всей тварью. Эти «контакты», однако, уже не являются чем-то само собой разумеющимся: перемещение между мирами, как и любое религиозное чудо, для современников папы Григория – случай особый, прорывающий пелену повседневности. Исключительность этого случая и вместе с тем его общезначимость способствуют росту внимания к мотиву загробного странствия, на почве которого формируется

новый самостоятельный жанр (пока еще – в рамках синтетического жанра душеспасительных «диалогов»). Следующий шаг будет заключаться в том, чтобы извлечь рассказы о загробных видениях из общей рамки христианских «бесед» и отделить таким образом видения как вид христианской письменности от жанрового канона агиографии и назидательной церковной литературы.

В новом жанре отразился не только мировоззренческий сдвиг в отношении к горнему миру, но и новые – более дифференцированные представления о его внешнем облике и смысловой структуре. «Параллельное» существование обоих миров позволяло представить невыразимость «иноного» в пространственных категориях. Загробное царство при этом все чаще мыслилось как состоящее из трех частей: рая (вечной обители праведников), ада (пристанища осужденных грешников) и чистилища (места временных мук для носителей незначительных прегрешений).

Внимание первых христиан, как уже говорилось, редко фиксировалось на онтологическом и временном «зазоре» между приговором, выносимым отдельной душе после смерти тела, и последним Судом над всей тварью. Суд «грядущий» как бы присутствовал в настоящем, рождаясь в «отрадных» муках христиан и глумлении их мучителей, обрекавшем последних на вечную кару. Он совершался «скрыто» с момента воскресения Иисуса, вера в которое служила разделительным знаком между пошедшими за Ним праведниками – и грешниками, не признавшими в Нем Бога. Новая ситуация, сложившаяся в эпоху Григория, не только разрушила непосредственное единство будущего и настоящего в восприятии небесного Суда, но и актуализировала критерий моральных заслуг и падений на пути к спасению – критерий, тесно связанный с областью межчеловеческих отношений. Представление о чистилище как переходной ступени между состояниями абсолютной праведности и неискупимого греха (и «средней» областью между адом и раем) складывалось именно на этой – моральной почве.

Безоговорочно поддержав в своих «Диалогах» идею загробного очистительного огня, Григорий немало способствовал ее признанию католической церковью (хотя официальный догмат о чистилище был принят лишь в 1439 г. и окончательно закреплен Тридентским собором более чем столетие спустя). Ранее с концепцией очистительных наказаний для «неко-

торых» не безнадежно погибших душ, выдвинутой еще Климентом Александрийским и Оригеном¹, соглашался Августин – «истинный отец чистилища»², кратко высказавшийся на эту тему в трактате «О Граде Божиим» (ч. III, кн. XX)³. Для очищения души от грехов Августин, подобно Григорию, отводил «промежуток времени после смерти <...> тела», ограниченный наступлением «последнего дня осуждения и воздаяния»⁴. Однако в сравнении с «Диалогами» Двоеслова суждения Августина гадательны и абстрактны. Он не испытывает желания подтвердить гипотезу загробного очищения ссылками на рассказы о мистических видениях христиан (за исключением новозаветного «Откровения Иоанна Богослова») и не считает вопрос о месте и сроках очистительной казни догматически значимым. В этой сфере он оставляет свободу для частных суждений и с осторожностью замечает, что мнение о совпадении очистительных наказаний с «промежутком» между смертью и судным днем, «может быть, и верно»⁵.

Григорий высказывается об очистительной загробной кадре (и соответствующих ей грехах) более обстоятельно. В его трактовке чистилище предстает как область, предназначенная для посмертного искупления «малых и незначительных грехов, каковы, например, непрестанное празднословие, неумеренный смех, излишнее попечение о домашних, <...> также грех неведения о маловажных предметах» (IV, 41, 4)⁶. Поводом к ограничению загробного наказания временным искупительным огнем является также непреднамеренность греховных проступков, которые совершаются по «неведению», но «увеличивают виновность по смерти», если не были очищены «еще в сей жизни». Поэтому главным источником обнадеживающей перспективы загробного очищения Григорий считает добрые дела, совершенные человеком на земле, предупреждая, что «не получит там очищения и от малых грехов тот, кто не заслужил его добрыми делами еще

¹ См.: *Ле Гофф Ж.* Рождение чистилища // URL: http://nashaucheba.ru/v29908/%D0%BB%D0%B5_%D0%B3%D0%BE%D1%84%D1%84_%D0%B6_%D1%80%D0%BE%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%87%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%89%D0%B0?page=4 (дата обращения: 21.09.2017).

² Там же.

³ *Августин.* О Граде Божиим, с. 1125–1126, 1171–1173, 1196–1201.

⁴ Там же, с. 1199.

⁵ Там же, с. 1200.

⁶ *Григорий Великий.* Диалоги, с. 468.

в сей жизни» (IV, 41, 6)¹. Идея чистилища, таким образом, окрашивается у Григория моралистической концепцией праведности, согласно которой «не творящие чудес иногда бывают не ниже творящих» (I, 12, 5)², а «ценность жизни состоит в добрых деяниях, а не в явных чудесах» (пер. М.И. Грабарь-Пассек и Б.И. Ярхо)³. В «Диалогах» эта истина удостоверяется равенством достоинств апостолов Петра и Павла, хотя последний не совершал чудес, но «более всех потрудился» на апостольском поприще (I, 12, 5)⁴.

В то же время, хотя в «Диалогах» Григория идея чистилища обретает содержательную конкретность, соответствующая этой идее область очистительных мук еще не имеет строгой локализации. Речь идет лишь об онтологическом состоянии души (между спасением и вечной карой), а не о каком-то определенном «месте» загробного мира (что можно отнести также к раю и аду). Смысловое содержание и пространственный облик открывающейся визионеру части вселенной определяются (так же как у Иеронима) состоянием его собственной души и стоящими перед ней задачами (в первую очередь – конкретными грехами, от которых ей надо освободиться). В зависимости от этих задач физические параметры наблюдаемого пространства могут меняться, причем эпизоды и образы, выражающие идею наград и наказаний, соплагаются в рамках общей картины, увиденной глазами героя-наблюдателя. Так, в видении «одного воина» (IV, 37)⁵, иллюстрирующем посмертную кару за прегрешения плоти, функции ада сосредоточены в образе зловонной реки,

¹ Там же, с. 469.

² Там же, с. 101.

³ Памятники средневековой латинской литературы IV-VII веков. М., 1998 г., с. 384. Ср. также с текстом полного перевода 1858 г. в издании 2012 г.: «О жизни надобно судить не по внешним знамениям, а по важности подвигов» (I, 12, 4) (*Григорий Великий*. Диалоги, с. 101).

⁴ *Григорий Великий*. Диалоги, с. 102. Цитируемые слова – парафраз Первого послания ап. Павла к коринфянам (1 Кор. 15: 10): «<...> и благодать Его во мне не была тщетна, но я более всех их потрудился: не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною» (URL: http://days.pravoslavie.ru/bible/b_1-kor15.htm, дата обращения: 21.09.2017)

⁵ Там же, с. 449. В большинстве других изданий этот рассказ приводится в составе 36 главы IV книги. См.: URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Dvoeslov/dialogi-sobesedovanija-o-zhizni-italijskih-ottsov-i-o-bessmertii-dushi/#0_128 (дата обращения: 21.09.2017)

в которую «некоторые страшные люди» (IV, 37, 12)¹ увлекают грешников, а источником блаженства (и аналогом рая) являются благоухающие жилища, расположенные неподалеку от «адского» берега, но защищенные от зловония.

Такое сближение «ада» и «рая» во многом определяется назидательной целью визионерского опыта, подчеркнутой повторяющимся мотивом отсроченной кары, как в эпизоде с «некоторым монахом Петром, родом из Иберии», который, умерев, «видел адские мучения и бесчисленные места, наполненные пламенем» (IV, 37, 3) и сам готовился принять наказание за грехи, но был отпущен ангелом с поучением возвратиться в мир и «внимательнее подумать», как ему «жить после сего» (IV, 37, 4). Отраженная в «Диалогах» картина загробного мира пропущена, таким образом, сквозь дробное – субъективное восприятие пространства, выделяющее в области наблюдения ряд индивидуально значимых образов или сцен. Пространственная глубина и объем заменяются при этом плоско-линейной перспективой, напоминающей об «обратной» перспективе средневековой живописи.

Изображая блаженство праведников и муки грешников, автор несколькими штрихами характеризует «сцену» загробного воздаяния (зловонная река, мост, сияющие жилища или жилища, погруженные во мрак), но не закрепляет за ней фиксированного и уникального места в мистической вселенной. Всякая посмертная мука потенциально отождествляется с адской карой, но может быть неожиданно прервана, превращаясь тем самым в некую предварительную воспитательную меру. В этой связи закономерно, что вопрос о местоположении очистительного огня в пространстве загробного мира Григорием не ставится вовсе – утверждается лишь сам факт его существования как свидетельство милосердия Божия. Пространство загробных видений в «Диалогах» Григория Двоеслова по этой причине не является «объективным» и непрерывным, а степень детализации его «географических» и физических характеристик определяется, как было отмечено, их нравственно-религиозной значимостью для наблюдателя (а также рассказчика или потенциального читателя).

Преобладание плоскости над глубиной отличает разрозненные видения из сборника папы Григория от той разверну-

¹ Там же, с. 454. Ср. в пер. М.Е. Грабарь-Пассек и Б.И. Ярхо – «пречерные мужи» (III, 36) (Памятники средневековой латинской литературы, с. 390).

той и объемной модели мироздания, которую на излете Средневековья воплотит в «Божественной комедии» Данте – автор, сыгравший, по мнению современного православного богослова (архимандрита Симеона), решающую роль в догматическом утверждении идеи чистилища¹. В центре поэмы вместо множества кратких видений различных персонажей – одно, но универсальное по содержанию свидетельство «личного» путешествия Данте по аду, чистилищу и раю. Восприятие отдельной «персоны» остается точкой отсчета и здесь, однако герой-наблюдатель благодаря своему целенаправленному движению через вселенную получает возможность мысленно охватить весь божественный универсум, пространственные характеристики которого приобретают абсолютное значение.

Воссоздавая в мельчайших подробностях географию загробных «миров», показывая их обитателей и даже способы передвижения в разных частях того света, Данте помимо подробной детализации картин придает пространству «Комедии» качества непрерывности и постоянства. Вследствие этого каждая часть загробного мира, вписываясь в пространственное единство поэмы, сохраняет устойчивую самостоятельность на уровне «географических» характеристик и идейного содержания. Неизменной характеристикой ада становится глубина (и движение вниз, в субъективной проекции автора), символическим свойством чистилища – пространственная возвышенность (и трудный путь ввысь) и, наконец, атрибутомрая – абсолютная высота и гармония сфер (а также парение по направлению к трону Создателя).

В противоположность вышеописанной, точка зрения наблюдателя в ранних средневековых видениях не подчиняется логике единого пути, ведущего через всю вселенную к Богу. Индивидуальная траектория пространственного движения (личный путь) сохраняет здесь свою обособленность от путей других смертных. Абсолютным значением обладают лишь сами грехи и заслуги, а также возможность их практического смешения в жизни отдельного человека. Отдельные эпизоды видения (картины блаженства и вечных мук) то «приближаются» к наблюдателю-визионеру, то

¹ *Иеромонах Симеон (Томачинский)*. Влияние «Божественной комедии» Данте на формирование римо-католического догмата о чистилище // URL: <http://www.pravoslavie.ru/67148.html> (дата обращения: 21.09.2017).

отдаляются от него, сменяя друг друга в произвольном порядке. Этим определяются вышеописанные свойства художественного пространства: прерывистость, плоско-линейный характер, неустойчивость «географических» характеристик и преобладание детали над целым.

Напротив, в «Комедии» траектория индивидуального пути определяется не столько частной суммой грехов и заслуг загробного путешественника, сколько необходимостью обобщенного воззвания к смертным, чьи поступки подсудны общему нравственному закону, запечатленному в зримом облике мира. Путь Данте-героя служит для автора универсальным зеркалом принципа воздаяния, лежащего в основе всякого индивидуального бытия. Поэтому на «карте» вселенной он (этот путь) отмечает все разнообразие финальных судеб отдельных людей и всю полноту космического пространства – абсолютного и непрерывного, подобно воплощенному в нем нравственному закону. В истории жанра поэма Данте обозначает тем самым конец движения, начало которому было положено «Диалогами» св. Григория, и устанавливает предел поступательного развития жанровой формы видений в средневековой западноевропейской словесности.

Значение «Диалогов» Григория Великого в истории западной церкви, средневековой мысли и христианской литературы, бесспорно, не ограничивается ни вкладом этого сочинения в формирование догматических представлений о чистилище, ни его ролью в становлении литературной формы мистических рассказов о загробных видениях. Тем не менее и в этих аспектах назидательные «Диалоги» имели большое культурное значение и оказали заметное влияние на потомков.

Литературная и практическая деятельность Григория I в целом способствовала закреплению нового «образа» христианского двоемирия, в котором земная действительность, играя подчиненную роль, сохраняла известную самостоятельность – как ступень к небесам и несовершенное отражение надмирного порядка вещей. На этом мировоззренческом основании церковь средневекового Запада продолжила целенаправленно укреплять свое мирское здание, воздвигнутое при деятельном участии папы Григория.

Чеснокова Т.Г. «Диалоги» Григория Великого и пространственно-смысловая структура средневековых видений. В сложной жанровой структуре «Диалогов» папы Григория Великого

автор статьи выделяет элементы загробных видений и анализирует их в контексте развития богословской концепции воздаяния и популярных представлений о том свете.

Ключевые слова: поздняя патристика, «Диалоги» Григория Великого, видение, структура загробного мира, чистилище, «Божественная комедия».

Chesnokova T.G. St. Gregory's "Dialogues" and the space and meaning structure of mediaeval vision literature. In the complex genre structure of "The Dialogues" by St. Gregory the author of the article singles out the elements of vision literature and analyses them in the context of the development of theological concept of requital and the popular notions of the next world.

Keywords: late Church Fathers' writings, St. Gregory's "Dialogues", vision literature, the structure of the other world, purgatory, "The Divine Comedy".

М.А. РОДИОНОВ
*доктор военных наук, профессор,
профессор РАНХиГС при Президенте РФ,
профессор МГТУ ГА**

Т.А. ВОЛКОВА
*аспирант факультета права и национальной
безопасности РАНХиГС при Президенте РФ***

Антикризисные аспекты политического элитизма

Антикризисная проблематика в теории и практике современного государственного и общественного управления становится все более актуальной. Это обуславливается тем, что для любых стран и регионов процессы антикризисного управления являются необходимым условием развития личности, общества, государства и бизнеса во всех без исключения сферах жизнедеятельности. Ключевую роль в эффективной реализации этих процессов играют политические элиты.

В последние десятилетия мировые элиты создали механизмы предотвращения экономических кризисов (укрепление государственного регулирования, международные финансовые организации, проведение мониторинга и др.), однако цикличность развития рыночной экономики неминуемо вызывает новые кризисные явления. Циклические теории Броделя, Валлерстайна, Кондратьева, Арриги, Тоффлера, теория технологических и мирохозяйственных укладов С. Глазьева обосновывают данное положение. Это в очередной раз подтвердил современный мировой финансово-экономический кризис, первая волна которого началась в 2007 г.

Из работ Г. Коэлю, М. Гало, Р. Хикеля, Ф. Штрикштрока, Ж. Зиглера, многих отечественных ученых и политиков,

*.Родионов Михаил Александрович, e-mail: rodionovma2014@ya.ru

** Волкова Татьяна Александровна, e-mail: Volkova237@mail.ru

прогнозов таких известных ученых, как Ж. Аттали, М. Барроуз, Э. Тоффлер, и других следует, что глобальные тенденции предполагают резкое возрастание кризисных явлений во всех сферах жизнедеятельности. Особый интерес в этом плане вызывает доклад Национального разведывательного совета США «Глобальные тренды: парадоксы прогресса» (январь 2017 г.)¹.

В нем отмечается, что в ближайшем десятилетии все ведущие государства ожидает тяжелейший глобальный кризис, выход из которого может продлиться от 7 до 15 лет. Сочетание долгосрочных глобальных тенденций с действием циклического мирового экономического кризиса, при наличии острых противоречий во многих частях планеты, будет определять политическую ситуацию на ближайшие годы. Усилятся конфликты во всех регионах мира и внутри отдельных стран. Это относится и к процессам управления социумом, которые осуществляются прежде всего политическими элитами.

Страны G7 еще не восстановили экономическую ситуацию, которая была до начала первой волны мировой экономической рецессии 2007-2008 гг. Большие государственные долги, слабый экономический рост, недовольство населения процессами глобализации, коррупция, давление на занятость и заработную плату автоматизации и роботизации, закредитованность усиливают социальную напряженность. Пока бедные слои населения развитых стран, особенно социальных государств, зависящие от их дотаций и пособий, готовы терпеть социально-политические изъятия в обмен на продолжение социальной поддержки. Но перечисленные факторы ведут к невозможности улучшения, а нередко и поддержания уровня жизни бедных слоев, они же снижают возможность поддержания статус-кво среднего класса. Возникающие в результате этого кризисные явления значительно ограничивают возможности маневра для политических элит. В развивающихся странах заметно поднывающий средний класс еще радикальнее, чем бедные слои требует борьбы с коррупцией и гарантий возможности продолжения своей деятельности, сохранения сбережений.

¹ См.: *Грибин Н.П.* Аналитический обзор доклада Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса» // Аналитические доклады 2017, вып. 2(48), М., 2017.

Возникает необходимость изменения парадигмы политического управления, которая использовалась в последнюю четверть века большинством стран G20.

Положение К. Маркса о том, что целью капитализма является не справедливое распределение богатства, а его непрерывная концентрация в одних руках, полностью подтверждается все увеличивающимся разрывом между богатыми и бедными как в отдельных странах, так и по всему миру, особенно после установления глобального господства неолиберализма. При этом тезис о том, что каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, является наиболее распространенной манипуляцией, осуществляемой средствами массовой информации, системой образования, религиозными институтами и т.д. В ходе такой обработки общественного мнения идеология капитализма была обоснована и доведена до уровня не обсуждаемых аксиом. Реально ответственность за состояние социума несет элита, которая, как правило, старается переложить на население последствия своих ошибок и коррупционных действий.

В предыдущие исторические эпохи власть политических элит аккумулировалась в государственных институтах, это положение по инерции сохранится и на ближайшие десятилетия. Однако рост общественного недовольства все усиливающейся коррупцией, возрастающим дисбалансом действий правовых институтов применительно к элите и остальному населению, проблемы обеспечения общественной безопасности, в том числе из-за экономических трудностей, растущая социально-политическая поляризация социума, демографические проблемы, увеличивающийся разрыв между динамикой технологий и развитием законодательной базы ведут к эрозии существующих государственных механизмов управления.

Объективно образующийся вакуум власти все настойчивее пытаются заполнять новые акторы: крупнейшие транснациональные корпорации и наднациональные организации, глобальные религиозные и политические организации, интеграторы теневого банкинга, транснациональной преступности и неформальной занятости.

В глобальном масштабе нарушается важнейший принцип антикризисного менеджмента: необходимость опережающего развития подсистемы управления по отношению к подсистеме собственно функционирования системы, что

неминуемо ведет к качественно новым кризисным явлениям в области управления социумом.

С одной стороны, ускоряющийся научно-технический прогресс привел к тому, что развитие прорывных технологий практически не поддается управлению в национальном и международном масштабах. Так, неконтролируемое развитие биотехнологий и искусственного интеллекта может привести поистине к апокалипсическим последствиям. При этом критически важными становятся разработка и практическая реализация регулирующих стандартов развития, а также использование искусственного интеллекта в робототехнике, соответствующих нормативов в области генетики. С другой стороны, значительная часть населения планеты подвержена процессам архаизации сознания и поведения. Темпы перемен и разнонаправленная динамика этих и других критически важных факторов создают наибольшие угрозы на всех уровнях, в том числе процессам политического управления.

Основой происходящей на наших глазах цифровой революции являются криптотехнологии: распределённые реестры, блокчейн, криптовалюты, мобильный банкинг и др. Особую роль в формировании будущей структуры мира играют NBICS-технологии, использующие в качестве материалов: атом водорода – в Nano-, ген – в Bio-, бит – в Info-, синапс – в Cognотехнологиях. Политические элиты даже наиболее развитых государств, имеющие в подавляющем большинстве гуманитарный образовательный базис, недостаточно готовы к происходящим в реальном масштабе времени, а тем более к будущим поистине революционным переменам из-за отсутствия соответствующих естественнонаучных компетенций.

Уже сейчас автоматизация и искусственный интеллект способны изменять экономику быстрее, чем система управления адаптируется к этим изменениям, эта тенденция усиливается¹. Количество рабочих мест, подлежащих автоматизации, намного превышает число вновь создаваемых рабочих мест, связанных с разработкой и обслуживанием сложной техники. Кроме того автоматизация снижает зависимость развитых стран от миграционных потоков, затруд-

¹ См.: Ларина Е., Овчинский В. Разведка США: преступность, терроризм и новые технологии ближайшего будущего. Доклад Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса» // Завтра, 6 марта 2017 г. <http://zavtra.ru/blogs/authors/14599>

няет трансферт технологий и капитала для бедных стран. С другой стороны, технологии позволяют расширить круг лиц, которые смогут блокировать или обходить политические действия. Управление социумом все более усложняется, так как приходится непрерывно принимать ситуационные решения по частным вопросам, учитывая интересы неправительственных организаций, корпораций и небольших групп влияния. На роли последних следует остановиться особо.

В современных условиях особую значимость приобретают антикризисные аспекты информационной безопасности. Здесь важно учитывать, что коммуникативная природа управления социумом, на которой основывается господство властных элит, базируется на все ускоряющемся развитии информационно-коммуникационных технологий¹. В условиях возрастающей глобальной информационной конкуренции возникают качественно новые информационные угрозы, обретающие принципиально иные формы проявления². В таких условиях небольшие группы способны управлять крупномасштабными системами, связанными с глобальными сетями через киберпространство. Подобные технологии во многом развиваются без достаточной защиты интеллектуальной собственности и отдельные лица нередко могут получить их практически бесплатно. Все это значительно повышает возможности негосударственных деструктивных сил, ограничивая влияние традиционных политических элит. Повышение возможностей по сбору информации о представителях власти и развитие информационных технологий по доведению компрометирующих их сведений до населения могут непоправимо подорвать доверие к политическим элитам и вызвать катастрофические для власти, но управляемые со стороны теневого предиктора социальные конфликты. К числу примеров этого можно отнести: события в Тунисе, с которых началась «арабская весна»; коррупционный скандал в Бразилии, приведший к отстранению от власти президента страны.

Современные микросхемы, в том числе и микропроцессоры, схемы памяти, разнообразные контроллеры достаточно сложны, чтобы там хватало места на различные

¹ См.: Родионов М.А., Волкова Т.А. Политические коммуникации и властные элиты // Коммуникология, 2014, т. 6, № 4, с. 84-87.

² См.: Родионов М.А. Методологические аспекты информационного аудита в менеджменте предприятия // Научный вестник МГТУ ГА, 2010, № 156, с. 68-74.

скрытые недокументированные возможности. Ряд законов об интеллектуальной собственности запрещает анализировать особенности внутреннего устройства микросхем, а также большинства программ. Лоббисты этих законов противодействуют использованию программ с открытыми исходными текстами. Все это способствует скрытному контролю киберпространства со стороны определенных сил.

Если в первые два-три десятилетия своего развития интернет-пространство выполняло позитивные функции общения и обмена знаниями, способствовало развитию торговли и производства, то за последний аналогичный временной интервал информационная сфера все более становится местом подрыва национальных интересов и разрушения базовых ценностей общества, полем глобальной информационной войны. При этом в политику проникают современные информационные технологии рефлексивного управления¹. Сетевые компании-монополисты в погоне за аудиторией размывают общество на отдельные сегменты, подменяя реальные события виртуальным контентом. Без срочного введения законодательных мер международного и государственного уровня по обеспечению информационной безопасности все это может привести к дезорганизации существующих гражданских обществ и политических элит. Отдельные лица и группы уже сейчас могут затруднять и даже блокировать деятельность различных демократических институтов, включая само государство, дезорганизовывать деятельность политических партий. Из теории информации известно, что информационные процессы, требующие на порядки меньше ресурсов, чем физические действия, могут запускать гораздо более мощные материальные процессы. Используя это, небольшие организации посредством представления себя в виртуальной среде как влиятельной политической силы в состоянии брать затем уже в материальном пространстве под свой контроль большие сообщества. По располагаемым ресурсам такие группировки могут превосходить некоторые государства, действуя трансгранично, не заботясь о соблюдении правовых и морально-этических норм.

В ранее проведенных исследованиях рассматривались особенности формирования и развития западных элит в

¹ См.: *Родионов М.А.* Информационная безопасность политических элит // *Социально-гуманитарные знания*, 2016, № 1, с. 112-113.

ходе интеграции западноевропейского политического и экономического пространства¹. Также были проанализированы роль и место политических элит основных зарубежных стран в исторической ретроспективе мировых финансово-экономических кризисов, а также в условиях современной рецессии². Поэтому отметим лишь основные тенденции последнего времени.

Э. Мичта³ пишет, что за последние два года на скептически настроенных жителей США и европейских стран обрушился информационный поток о неизбежном крахе либерального миропорядка, сопровождающегося ростом антилиберализма и национализма.

Происходит падение западного политического авторитета, вызванное инертностью самого политического класса. Недовольство населения западных стран вызывает неспособность политической элиты найти эффективные решения проблем медленного экономического роста, деиндустриализации, иммиграции и снижения уверенности Запада в своих силах. Легитимность и, следовательно, стабильность международной системы в определенной степени зависит от способности ведущих держав управлять своими внутренними процессами. Возрастающая волатильность международной политики отчасти является побочным продуктом системной дисфункции на Западе на уровне внутренней политики. Американцы и европейцы более не готовы терпеть пассивность и бездеятельность своих правительств. В Европе неспособность политических элит контролировать массовую миграцию или разрабатывать эффективные решения для борьбы с внутренним терроризмом – два важных фактора растущего общественного недовольства. В Соединенных Штатах средний и рабочий классы десятилетиями недовольны тем, что правительство неспособно справиться с деиндустриализацией, упадком городов и

¹ См.: Родионов М.А., Волкова Т.А. Западноевропейские политические элиты: от Священной Римской империи до Евросоюза // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 3, с. 111-121.

² См.: Родионов М.А., Волкова Т.А. Политические элиты в условиях мирового финансово-экономического кризиса // Социально-гуманитарные знания, 2016, № 2, с. 90-103.

³ См.: *Michta A.* The Crisis of Elite Authority in the West // *The American Interest*, 27.09.2017. URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/09/27/crisis-elite-authority-west/>

уменьшением экономических возможностей. Американская и европейская общественность различно реагируют на эти явления. Например, путем избрания представителей антиистеблишмента – Э. Макрона во Франции и Д. Трампа в США, но в общем мотивы этого общественного выбора схожи. В целом перспективы политической элиты США сейчас достаточно неопределенны.

По итогам недавних парламентских выборов в Германии партия антиистеблишмента «Альтернатива для Германии», которая несколько лет назад вообще не существовала, теперь является третьей по величине партией в Бундестаге, поскольку социал-демократы и христианские демократы столкнулись с самым значительным падением поддержки с 1949 г. Самыми серьезными проблемами на этих выборах для немцев стали волна миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки, начавшаяся в 2015 г., и народное недовольство политикой правительства, продолжающего прием иммигрантов. Политические потрясения на выборах в Нидерландах, во Франции, в Германии характеризуют общественные настроения в Европе.

Еще больше усложняет ситуацию кажущаяся неспособность западных элит передать эстафету политического руководства молодому поколению. В Германии А. Меркель стала немецким канцлером, находящимся самый длительный срок у власти в истории Федеративной Республики, опередив Отто фон Бисмарка в эпоху империи. Даже когда происходила смена поколений (Б. Обама в США, Э. Макрон во Франции), звездность этих молодых лидеров не согласовывалась с их опытом работы в исполнительной власти, необходимым для оправдания ожиданий населения. В целом в США за последнюю четверть века наблюдается прогрессирование «династических» тенденций в политическом руководстве, а семьи Буш и Клинтон и доминируют на политическом ландшафте. Самодостаточный характер политического класса стал в центре системной дисфункции извращенных западных демократий. Последствия этого – избрание Трампа, Brexit, рост влияния «Альтернативы для Германии», возрастающая ренационализация европейской политики в целом. В то же время государственные и общественные институты на Западе все чаще характеризуются косностью в сочетании с нарастающим кризисом внутреннего политического руководства. Все это подрывает веру в

государственные институты и может делегитимизировать демократию.

Крайне важно, что современный мировой финансово-экономический кризис не является обычным циклическим кризисом капитализма. Его глубинные причины не в отдельных ошибках политиков, экономистов, не в жадности банкиров и спекулянтов. Это системный кризис аксиоматически господствующей в настоящее время в мире модели государственного и экономического устройства, требующий срочного поиска альтернатив для выхода с траектории движения человечества к апокалипсису.

Социально-политическая и экономическая турбулентность свойственна и современной России. Провал советского проекта привел к крайнему неравенству, разграблению природных ресурсов страны и выводу капиталов за рубеж, угрозе потери суверенитета и национальной идентичности. Безусловно, вектор движения страны после 2000 года кардинально изменился, Россия поднимается с колен. Но и по сей день, пока российские миллиардеры продолжают удивлять мир своими финансовыми активами в оффшорах, в стране стремительно увеличивается количество банкротств на фоне стагнации экономики, возрастания социальных проблем.

Исторический анализ показывает, что англосаксонские политические элиты всегда гроссмейстерски провоцировали кризисы в различных регионах мира и управляли ими в своих целях. Россия, как и другие страны неоднократно попадала в эти ловушки.

При этом важнейшим аспектом национальной безопасности является качество российской политической элиты. Исторически для нашей страны именно система преемственности власти является наиболее уязвимым звеном. Самые значительные достижения руководителя государства обнуляются, если он не подготовил достойного преемника или, тем более, ошибся в нем. Это является важнейшей обязанностью, невыполнение которой – не компенсируемая никакими достижениями вина.

Необходимо, чтобы наш национальный лидер, получив мандат доверия народа, создал эффективный механизм эволюционной передачи власти, позволяющий обеспечить на историческую перспективу развитие и процветание личности, общества и государства.

Родионов М.А., Волкова Т.А. Антикризисные аспекты политического элитизма. В статье проводится исследование влияния антикризисных аспектов на функционирование политических элит.

Ключевые слова: антикризисное управление, политические элиты, экономические циклы, информационная война.

Rodionov M.A., Volkova T.A. Anti-crisis aspects of political elitism. The article studies the impact of anti-crisis aspects on the functioning of political elites.

Keywords: crisis management, political elites, economic cycles, information warfare.

А.В. ТОНКОНОГОВ
доктор философских наук, профессор
РАНХиГС при Президенте РФ,
научный руководитель НОО
«Институт духовной безопасности»*

Мысли о курсе современной философии и его содержании

Философия как любомудрие, как форма познания бытия и человека на уровне научно-теоретического сознания, эволюционирует на протяжении нескольких тысячелетий. За этот период Философское знание прошло долгий путь развития, объединив в себе различные направления изучения и объяснения окружающего мира, развивающихся в нём уникальных и универсальных феноменов и процессов. Это обусловлено следующими субъективными и объективными факторами.

Сначала человек воспринимал мир и осмысливал происходящее через простейшие доступные для воспроизведения им же образы. Человек делал это на заре своего развития: рисовал себе подобных, животных, весь окружающий мир, вырезал из дерева и кости фигуры видимого бытия. Искусство стало формой познания и объяснения окружающего пространства. **Искусство** – это творческая деятельность, направленная на создание образов, отображающих объективно существующее и воображаемое в различного рода художественных произведениях.

В последующем, накапливая суеверный, ничем необъяснимый опыт и догматические знания предков для передачи всё возрастающего объёма сведений грядущим поколениям, люди стали пытаться облечь эту усложняющуюся по содержанию и структуре информацию в красивые формы не только посредством художественных образов и предметов искусства, но и различных мифов (мифологического знания). Так появилась мифология. **Мифология** – форма

* Тонконогов Александр Викторович, e-mail: alekstonkonogov@yandex.ru

познания окружающего мира посредством принятия на веру древних сказаний, легенд, былин о родовых предках, народных героях, божествах, происхождении явлений и процессов земной природы и космоса.

Уже на этом этапе развития человеческой мысли искусство и мифология как разносторонние знания начинают подразделяться на искусство и мифологию, доступные и понятные всем; а также искусство и мифологию, которые доступны и (или) толкуются посвящёнными – главами родов и племён, жрецами и провидцами. Таким образом, начинает формироваться эзотерическое (тайное) знание для избранных. **Эзотерика** (эзотерическое знание) – это особая форма познания бытия, которая основана на уникальных, доступных для изучения и анализа только избранным сведениях о происхождении, сущности и эволюции физического и духовного (тонкого) земного мира, космоса и человечества.

Искусство и мифология на каком-то этапе перестали удовлетворять всем потребностям человеческих сообществ. Эзотерика была недоступна большинству, и ещё не имела достаточного объёма знаний. Тогда человек предположил наличие *сверхъестественных сил*, наделяя сверхкачествами и природу, и некоторых животных, и небесные тела. Это недоступное для понимания сверхъестественное Человек стал называть – богом, богами, божеством, божественным. В соединении искусства, мифологии, первичного эзотерического знания появилась – религия. **Религия** – иррациональная форма познания и объяснения бытия, в основе которой вера (бездоказательная убеждённость) в наличие каких-либо сверхъестественных сил, представляемых чаще всего в виде божества (богов), являющихся объектом культового поклонения.

Однако накапливавшийся веками и тысячелетиями опыт человечества позволил, в конце концов, подойти к логическому объяснению существующего бытия через его изучение посредством эксперимента и анализа проведённых исследований. В конкуренцию с искусством, мифологией, Религией вступает наука (научное знание), доступное всем, кто хочет и способен воспринимать и преумножать открытые для осмысления знания. **Наука** – рациональная форма познания окружающего мира, в том числе космоса, человека, общества, основанная на проверенных, логически объясни-

мых фактах, реальном исследовательском опыте и повторяемых при необходимости экспериментах.

Но наряду с открытой наукой (знаниями для всех) сразу появляется и активно развивается другое направление, оккультно-мистического характера – научное эзотерическое Знание. **Научное эзотерическое знание** – отрасль рациональной исследовательской деятельности узкого круга специалистов, в которой систематизируются знания об объективно существующих физических и духовных явлениях и процессах бытия и человеческого сообщества, в том числе полученные посредством логически не объяснимых и не доказанных опытом, не проверенных повторяемыми при необходимости экспериментами.

В современном мире все эти формы познания окружающего нас сущего материального (видимого) и духовного (тонкого) бытия разрозненно изучают и самого человека, и природу, и животных, и растения, и землю, и вселенную. Поэтому человечество зашло в технико-технологический и нравственно-эстетический тупик. В период античности искусство, мифология, религия, наука, эзотерика были в определенном смысле единым знанием, которое хранили выдающиеся мыслители, любившие мудрствовать, посвящавшие поиску истины и сохранению знаний всю свою жизнь. Их справедливо называли философами. **Философия** – это форма общетеоретического мировоззрения, объединяющего в единое знание сведения об окружающем мире и человеке, полученные в процессе субъективного и объективного познания посредством искусства, мифологии, религии, науки и эзотерики, с целью выявления сущности и объяснения физического и духовного бытия, наиболее общих законов эволюции космоса, природы, общества, человека и его сознания (разума и духа).

Исторический период, когда один человек или группа людей были способны хранить, понимать и развивать знания во всех областях изучения окружающего мира был недолгим, если говорить категориями эпох, вселенской эволюции и человеческих цивилизаций. Можно точно сказать, что с закрытием в VI в. н. э. последней языческой (античной) Академии философия уже точно перестала объединять разносторонние знания об окружающем нас мире. Это положение сохраняется до сих пор. С переменным успехом в конкуренции объяснения сущего бытия лидировали: то

религия (в основном – индуизм, буддизм, иудаизм в Древнем мире; христианство, ислам – в Средние века), то искусство и во многом наука (в период эпохи Возрождения), то исключительно наука, начиная с нового времени. Философия также во все эти периоды представляла собой одно из важнейших направлений познания, даже фактически находясь в служении у Богословия с V по XV вв. н. э. единого знания, объединяющего искусство, мифологию, религию, науку и эзотерику, со времён античности у человечества нет до настоящего времени.

Вместе с тем необходимость такого знания, т. е. комплексного изучения феномена человека, земной природы, вселенной, жизненно важна. Современная цивилизация землян стремительно развивается технико-технологически, но, не понимая даже своей внутренней духовной, «тонкой» сущности, может совершить действия, угрожающие жизни как самого человечества, так и всему живому на земле. В этой ситуации люди должны искать выход из интеллектуально-нравственного и эстетического кризиса.

Современные же условия развития человечества таковы: искусство не может вырваться за пределы материальных и всё чаще примитивных форм, мифология у большинства людей вызывает интерес (и во многом справедливо воспринимается) как сугубо историческое наследие и сказочное описание прошлого; религия ортодоксально отрицает значительные знания, полученные и доказанные наукой; а наука в свою очередь отрицает всё то, что пока не поддаётся исключительно материалистическому исследованию и толкованию в пределах существующего опыта и объёма проверенных экспериментально знаний.

Если же соединить все знания, накопленные человечеством в философии, у нас есть шанс начать новый этап своего исторического развития через познание бытия как образа (через искусство), как предание (через мифологию), как сверхъестественное (через религию), как доказанное знание о материальном (видимом явном) мире (через науку – научный эксперимент), как знание о духовном (тонком скрытом) мире (через эзотерику).

Конечно, это не означает, что современный философ как в античные времена будет использовать буквально весь накопленный опыт и знания, заключающиеся в искусстве, мифологии, науке, эзотерике, это не так. Знать и понимать

всё явное и тайное, чувственное и рациональное, заключающееся в этих направлениях познания и объяснения бытия, пока ни один человек не способен. Человеческая память и развитость мозга (точнее раскрытый на данном этапе развития человечества его потенциал) не позволяют сделать подобное. Но вот что возможно и необходимо точно, так это применять все имеющиеся знания, опыт и методы для философского осмысления жизни человека и изучения окружающего нас мира.

Именно философия часто предлагала человечеству оригинальные идеи, которые в последующем отражались в искусстве и объяснялись наукой. Точно так же, как именно произведения искусства помогали любознательным и совершать научные открытия. Например, А. Эйнштейн прямо заявлял, что без творчества Ф.М. Достоевского, его произведений, которые вдохновляли учёного, им не были бы совершены великие открытия: «Достоевский дает мне больше, чем любой научный мыслитель, больше, чем Гаусс!»¹. Сам же Ф.М. Достоевский – яркий пример не просто писателя, но истинного мыслителя – русского религиозного философа.

Вместе с тем, все упомянутое выше представляет огромный массив информации, который в определённой части требует всестороннего изучения не только специалистами, но и всеми, кто претендует на получение высшего образования. Однако подобный объём знаний, в том числе эзотерического характера, который следует передать при изучении курса по научно-образовательной дисциплине «Философия», может быть действительно адекватно воспринят только людьми, уже обладающими определёнными знаниями и хотя бы минимальным жизненным опытом. Бессмысленно пытаться развить философское мировоззрение и понимание окружающего мира и бытия человека у до конца не сформировавшихся психически и физиологически молодых людей, только начинающих обучение в высших учебных заведениях, как это происходит сейчас при преподавании обобщённого курса «Философии» (по сути, истории философии и философского мировоззрения) на первом году обучения.

Поэтому автор полагает, что *в начале обучения в вузах и в конце обучения в средних специальных учебных заведе-*

¹ Цит. по: *Молостов И.* Эйнштейн и Достоевский // Человек без границ / <http://www.manwb.ru>

ниях с различным уровнем освоения и контроля знаний следует преподавать курс научно-образовательной дисциплины «История Философии». На заключительном этапе в высших учебных заведениях слушатели также должны изучать уже именно «Философию» как универсальную мировоззренческую парадигму познания окружающего мира и человека в контексте различных форм освоения объективного и субъективного бытия. Этими формами в рамках философии (как уже указал автор) являются: искусство, мифология, религия, наука, эзотерика.

В курс по дисциплине «История Философии» следует включить следующие разделы:

Раздел 1. Философия: объект, предмет, структура. 1.1. Философия: эволюция представлений о феномене. 1.2. Объект и предмет изучения философии. 1.3. Структура философии. 1.4. Основные вопросы философии.

Раздел 2. Неизвестная философия. 2.1. Эзотерическая философия. 2.2. Философия народов Африки. 2.3. Философия народов Америки. 2.4. Философия кочевых народов Евразии.

Раздел 3. Философия Древнего Востока. 3.1. Философия народов Средней Азии. 3.2. Философско-религиозные учения Китая. 3.3. Религиозная философия Японии. 3.4. Религиозная философия Индии.

Раздел 4. Античная философия. 4.1. Древнегреческая философия: общая характеристика. 4.2. Основные представители и школы древнегреческой философии. 4.3. Философия Древнего Рима: общая характеристика. 4.4. Основные представители и школы философии Древнего Рима.

Раздел 5. Философия эпохи Средневековья. 5.1. Философия как служанка богословия. 5.2. Средневековая философия католического мира. 5.3. Средневековая философия православного мира. 5.4. Средневековая философия мусульманского мира.

Раздел 6. Философия эпохи Возрождения. 6.1. Философия антропоцентризма и гуманизма. 6.2. Основные направления философии эпохи Возрождения. 6.3. Основные представители философии эпохи Возрождения. 6.4. Религиозная философия эпохи Возрождения.

Раздел 7. Философия Нового времени. 7.1. Философия как наука. 7.2. Эмпиризм философии Нового времени. 7.3. Рационализм философии Нового времени. 7.4. Социальная философия Нового времени.

Раздел 8. Философия эпохи Просвещения. 8.1. Философия, наука, религия в Европе XVIII века. 8.2. Особенности философии эпохи Просвещения. 8.3. Основные представители философии эпохи Просвещения. 8.4. Социальный утопизм философии эпохи Просвещения.

Раздел 9. Немецкая философия. 9.1. Немецкая классическая философия. 9.2. Неоклассические направления немецкой философии. 9.3. Немецкая материалистическая диалектика. 9.4. Немецкая философия жизни.

Раздел 10. Западная философия XX века. 10.1. Западная философия XX века: общая характеристика. 10.2. Европейская философия XX века. 10.3. Североамериканская философия XX века. 10.4. Философия русской эмиграции.

Раздел 11. Русская, советская философия. 11.1. Русская религиозная философия XIX-XX веков. 11.2. Русская социальная философия XIX-XX веков. 11.3. Русский марксизм и социальный анархизм. 11.4. Русская философия социального управления.

Раздел 12. Философия XXI века. 12.1. Философия как форма познания современного мира и человека. 12.2. Философия как наука и эзотерика. 12.3. Мифология и религия как элементы философии. 12.4. Искусство как элемент философии.

Курс «**Философии**» для высших учебных заведений на заключительном году обучения должен содержать следующие части:

Часть 1. Основные вопросы, отрасли, категории, методы и общая история философии. Глава 1. Основные вопросы философии. 1.1. Философия как форма познания бытия и человека. 1.1.1. Философия как форма духовной жизни. 1.1.2. Структура и функции философии. 1.2. Идеальное и материальное в философии. 1.2.1. Философия материализма: от античности до современности. 1.2.2. Философия идеализма и теология (богоцентризм). 1.3. Сознание как материально-идеальная субстанция. 1.3.1. Сознание как идеальная субстанция. 1.3.2. Сознание как энергетическая материальная субстанция. 1.4. Человек как материальная и духовная субстанция. 1.4.1. Человек как материальная (видимая) субстанция. 1.4.2. Человек как духовная (тонкая) субстанция. 1.5. Объективность и субъективность истины и бытия. 1.5.1. Объективность истины и бытия. 1.5.2. Субъективность истины и бытия. 1.6. Смысл существования бытия и человека. 1.6.1. Смысл существования бытия. 1.6.2. Смысл

существования человека. 1.7. Жизнь человека как объективный и субъективный, физический и духовный процесс. 1.7.1. Жизнь человека как объективный физический процесс. 1.7.2. Жизнь человека как субъективный духовный процесс. 1.8. Смерть человека как этап существования и энергетическое изменение состояния материи. 1.8.1. Смерть человека как этап существования. 1.8.2. Смерть человека как энергетическое изменение состояния материи. 1.9. Возможность познания бытия и человека. 1.9.1. Гносеология бытия и человека. 1.9.2. Агностицизм бытия и человека. 1.10. Этика как уникальный и универсальный феномен. 1.10.1. Нравственные императивы сотрудничества и соперничества людей и машин с искусственным интеллектом. 1.10.2. Биоэтика кибернетического общества.

Глава 2. Общая история философии. 2.1. Поиск истины в Древнем Мире. 2.1.1. Любомудрие исчезнувших цивилизаций. 2.1.2. Любомудрие в Древнем Египте. 2.2. Философия как форма познания в Древнем Мире. 2.2.1. Античная философия: Древняя Греция и Древний Рим. 2.2.2. Философско-религиозные учения Древнего Востока. 2.3. Философия Средних веков. 2.3.1. Теоцентризм средневековой философии. 2.3.2. Основные философские учения Средних веков. 2.4. Философия эпохи Возрождения. 2.4.1. Антропоцентризм и гелиоцентризм философии эпохи Возрождения. 2.4.2. Основные представители философских и религиозных учений эпохи Возрождения. 2.5. Философия Нового времени. 2.5.1. Философия рационализма и эмпиризма. 2.5.2. Социальная философия Нового времени. 2.6. Философия эпохи Просвещения. 2.6.1. Основные философские учения эпохи Просвещения. 2.6.2. Социальный утопизм эпохи Просвещения. 2.7. Немецкая философия. 2.7.1. Немецкая классическая философия. 2.7.2. Немецкий марксизм и философия жизни. 2.8. Русская, советская философия. 2.8.1. Русская религиозная, социальная и политическая философия, русский космизм. 2.8.2. Философия советского периода и современность. 2.9. Современная западная философия. 2.9.1. Западная философия XX века. 2.9.2. Западная философия XXI века. 2.10. Философия настоящего и будущего. 2.10.1. Философия как универсальный феномен настоящего и будущего. 2.10.2. Основные концепции философии настоящего и будущего.

Глава 3. Основные отрасли философии. 3.1. Онтология и метафизика. 3.1.1. Онтология как учение о фундаментальных аспектах бытия. 3.1.2. Метафизика как учение о первоначальной сущности бытия. 3.2. Гносеология и праксиология. 3.2.1. Гносеология как теория познания бытия. 3.2.2. Праксиология как учение о познании человеческой деятельности. 3.3. Логика и философия науки. 3.3.1. Логика как учение о правильных формах мышления. 3.3.2. Философия науки как общая теория и методология получения доказанных экспериментом и опытом знаний. 3.4. Этика и аксиология. 3.4.1. Этика как учение о нравственности и морали. 3.4.2. Аксиология как учение о сущности и видах ценностей. 3.5. Эстетика и философия культуры. 3.5.1. Эстетика как учение о сущности и формах прекрасного. 3.5.2. Философия культуры как общая теория получения знаний посредством совершенствующих разум форм искусства, литературы и народного творчества. 3.6. Антропософия и философия сознания. 3.6.1. Антропософия как общетеоретическое учение о сущности и эволюции человека. 3.6.2. Философия сознания как учение о сущности и соотношении сознания с физической реальностью. 3.7. Социальная философия и философия истории. 3.7.1. Социальная философия как учение о сущности и эволюции человека и общества в их взаимодействии. 3.7.2. Философия истории как учение о сущности, закономерностях и духовном смысле исторического процесса. 3.8. Философия политики и права. 3.8.1. Философия права как учение о сущности, смысле и роли общепринятых норм и правил в социальной жизни. 3.8.2. Философия политики как учение о сущности и специфике политической действительности и политической этики. 3.9. Философия экономики и техники. 3.9.1. Философия экономики как учение о сущности и особенностях экономической деятельности и хозяйственной этики. 3.9.2. Философия техники как учение о сущности, эволюции и первопричине появления орудий и средств производства. 3.10. Философия природы и космоса. 3.10.1. Философия природы (натурфилософия) как учение о сущности и фундаментальных законах развития природных явлений и процессов. 3.10.2. Философия космоса (космизм) как учение об экспансии человечества во Вселенной без биологических ограничений разума.

Глава 4. Основные категории философии. 4.1. Идея, материя: субстанция. 4.1.1. Материя как субстанция. 4.1.2. Идея

как субстанция. 4.2. Сознание: дух, разум. 4.2.1. Разум как элемент сознания. 4.2.2. Дух как элемент сознания. 4.3. Истина и суждение. 4.3.1. Истинное суждение. 4.3.2. Ложное суждение. 4.4. Время и пространство (пространство-время). 4.4.1. Время как элемент пространства-времени. 4.4.2. Пространство как элемент времени-пространства. 4.5. Часть и целое. 4.5.1. Часть как элемент целого. 4.5.2. Целое как система составляющих частей. 4.6. Единство и множество. 4.6.1. Единство: идеалистическое и материалистическое понимание. 4.6.2. Множество: эволюция понятия и свойства. 4.7. Качество и количество. 4.7.1. Качество как видовое отличие предмета и объекта. 4.7.2. Количество как величина измерения предмета и объекта. 4.8. Причина и следствие. 4.8.1. Причина и следствие: эволюция понятий и сущность. 4.8.2. Причинно-следственные связи. 4.9. Необходимость и случайность. 4.9.1. Необходимость как предсказуемое явление и процесс. 4.9.2. Случайность как непредвиденное явление и процесс. 4.10. Возможность и действительность. 4.10.1. Действительность как объективное состояние элементов Бытия. 4.10.2. Возможность как потенциальная тенденция изменения действительности.

Глава 5. Основные философские методы познания. 5.1. Философская методология. 5.1.1. Философские методы как универсальный способ познания и общетеоретического исследования. 5.1.2. Философская методология: история и современность. 5.2. Философское наблюдение. 5.2.1. Сущность наблюдения на уровне обыденного сознания. 5.2.2. Философское наблюдение как метод общетеоретического исследования реальных предметов и объектов. 5.3. Философский анализ и синтез. 5.3.1. Философский анализ как метод общетеоретического исследования отдельных составных частей предмета и объекта. 5.3.2. Философский синтез как метод общетеоретического исследования предмета и объекта в целостности их частей. 5.4. Диалектика: идеалистическая и материалистическая. 5.4.1. Материалистическая диалектика как метод познания всеобщих законов движения и развития природы, общества и мышления. 5.4.2. Идеалистическая диалектика как метод познания всеобщих законов движения и развития природы, общества и мышления. 5.5. Майевтика Сократа. 5.5.1. Сократ как методолог. 5.5.2. Майевтика как метод получения знаний с помощью наводящих вопросов. 5.6. Пифагористика. 5.6.1.

Пифагор как философ и мистик. 5.6.2. Пифагореизм как метод познания Бытия на основе опыта и доказательств. 5.7. Софистика и эклектика. 5.7.1. Софистика как метод доказательного преднамеренно нарушающего правила логики рассуждения. 5.7.2. Эклектика как метод рассуждения на основе соединения разнородных положений (идей). 5.8. Схоластика и догматизм. 5.8.1. Схоластика как метод не проверяемого опытом рассуждения. 5.8.2. Догматизм как метод рассуждения на основе принимаемых на веру положений (догм). 5.9. Философский структурализм и герменевтика. 5.9.1. Философский структурализм как метод получения знаний посредством построения теоретических моделей социальных структур. 5.9.2. Герменевтика как метод получения знаний посредством толкования текстов. 5.10. Философское моделирование. 5.10.1. Моделирование в науке. 5.10.2. Философское моделирование как общетеоретический метод создания универсальных и уникальных систем.

Часть 2. Основные элементы философии. Глава 1. Искусство как элемент философии. 1.1. Искусство в контексте философии. 1.1.1. Искусство: понятие и сущность. 1.1.2. История эволюции искусства. 1.2. Искусство как форма философского знания. 1.2.1. Искусство: от частного к общему. 1.2.2. Искусство: от общего к частному. 1.3. Основные вопросы философии в искусстве. 1.3.1. Основные вопросы философии в изобразительном искусстве. 1.3.2. Основные вопросы философии в народном, элитарном и массовом искусстве. 1.4. Искусство как форма познания бытия и человека. 1.4.1. Искусство как форма познания бытия. 1.4.2. Искусство как форма познания человека. 1.5. Человек в искусстве. 1.5.1. Человек как физический объект искусства. 1.5.2. Человек как духовный объект искусства. 1.6. Земной мир в искусстве. 1.6.1. Живая природа в искусстве. 1.6.2. Неживая природа в искусстве. 1.7. Вселенная в искусстве. 1.7.1. Солнечная система как объект искусства. 1.7.2. Космос как объект искусства. 1.8. Сверхъестественное в искусстве. 1.8.1. Сверхъестественное: понятие и сущность. 1.8.2. Сверхъестественное в народном, элитарном и массовом искусстве. 1.9. Машинный с искусственным интеллектом в искусстве. 1.9.1. Искусственный интеллект: понятие и сущность. 1.9.2. Искусственный интеллект в народном, элитарном и массовом искусстве. 1.10. Футурология в искусстве. 1.10.1. Футурология:

понятие и сущность. 1.10.2. Футурология в народном, элитарном и массовом искусстве.

Глава 2. Мифология как элемент философии. 2.1. Мифология в контексте философии. 2.1.1. Мифология: понятие и сущность. 2.1.2. Мифология: история и современность. 2.2. Мифология как форма философского знания. 2.2.1. Мифология: от частного к общему. 2.2.2. Мифология: от общего к частному. 2.3. Основные вопросы философии в мифологии. 2.3.1. Жизнь и смерть в мифологии. 2.3.2. Идеальное и материальное в мифологии. 2.4. Мифология как форма познания бытия и человека. 2.4.1. Мифология как форма познания бытия. 2.4.2. Мифология как форма познания человека. 2.5. Человек в мифологии. 2.5.1. Человек как физический объект мифологии. 2.5.2. Человек как духовный объект мифологии. 2.6. Земной мир в мифологии. 2.6.1. Живая природа в мифологии. 2.6.2. Неживая природа в мифологии. 2.7. Вселенная в мифологии. 2.7.1. Солнечная система как объект мифологии. 2.7.2. Космос как объект мифологии. 2.8. Сверхъестественное в мифологии. 2.8.1. Сверхъестественное в древней мифологии. 2.8.2. Сверхъестественное в современной мифологии. 2.9. Техника и технологии в мифологии. 2.9.1. Техника в мифологии. 2.9.2. Технологии в мифологии. 2.10. Футурология в мифологии. 2.10.1. Футурология в древней мифологии. 2.10.2. Футурология в современной мифологии.

Глава 3. Религия как элемент философии. 3.1. Религия в контексте философии. 3.1.1. Религия: понятие и сущность. 3.1.2. Религия: история и современность. 3.2. Религиозная вера. 3.2.1. Религиозная вера: догматизм и ортодоксальность. 3.2.2. Религиозная вера и философское знание. 3.3. Теология как форма философского знания. 3.3.1. Теология: бытие Бога. 3.3.2. Теология: бытие человека. 3.4. Основные вопросы Философии в контексте религии. 3.4.1. Божественное откровение и божественное проведение. 3.4.2. Бог, человек, бытие, истина, жизнь и смерть в религии. 3.5. Религия как социальный институт. 3.5.1. Религия и научный прогресс. 3.5.2. Религия как политическая и экономическая система. 3.6. Человек в мировых религиях и нетрадиционных религиозных учениях. 3.6.1. Человек в мировых религиях. 3.6.2. Человек в нетрадиционных религиозных учениях. 3.7. Земное бытие в мировых религиях и нетрадиционных религиозных учениях. 3.7.1. Земное бытие в мировых религиях. 3.7.2. Земное бытие в нетрадиционных религиозных учениях. 3.8.

Вселенная в религии. 3.8.1. Космос как божественное творение. 3.8.2. Солнечная система: история религиозных заблуждений. 3.9. Освоение Вселенной в контексте религиозного знания. 3.9.1. Освоение Вселенной в контексте мировых религий. 3.9.2. Освоение Вселенной в контексте нетрадиционных религиозных учений. 3.10. Футурология в религии. 3.10.1. Футурология в мировых религиях. 3.10.2. Футурология в нетрадиционных религиозных учениях.

Глава 4. Философия как наука. 4.1. Научное знание. 4.1.1. Наука: понятие и сущность. 4.1.2. Современная наука. 4.2. Философия как форма научного познания бытия и человека. 4.2.1. Философия как форма научного познания бытия. 4.2.2. Философия как форма научного познания человека. 4.3. Основные вопросы философии в контексте современных научных знаний. 4.3.1. Основные вопросы философии о сущности бытия в контексте современных научных знаний. 4.3.2. Основные вопросы философии о человеке в контексте современных научных знаний. 4.4. Космос в контексте философского и научного знания. 4.4.1. Философские концепции космологии: история и современность. 4.4.2. Научные космологические концепции: история и современность. 4.5. Человек в контексте философского и научного знания. 4.5.1. Человек в контексте философского знания: история и современность. 4.5.2. Человек в контексте научного знания: история и современность. 4.6. Сверхъестественное: научное и философское объяснение. 4.6.1. Научное объяснение сверхъестественного. 4.6.2. Философское объяснение сверхъестественного. 4.7. Научная и философская футурология. 4.7.1. Научная футурология: история и современность. 4.7.2. Философская футурология: история и современность. 4.8. Научные методы в философии. 4.8.1. Научный метод: понятие и сущность. 4.8.2. Современные научные методы в философии. 4.9. Жизнь и смерть в контексте научного и философского знания. 4.9.1. Жизнь и смерть в контексте научного знания. 4.9.2. Жизнь и смерть в контексте философского знания. 4.10. Философия и наука: гомогенность и гетерогенность форм познания. 4.10.1. Гомогенность науки и философии. 4.10.2. Гетерогенность науки и философии.

Глава 5. Эзотерика как элемент философии. 5.1. Эзотерика как тайное знание. 5.1.1. Эзотерика: понятие и сущность. 5.1.2. Тайное знание: от искусства до науки. 5.2. Эзотерика: история и современность. 5.2.1. Историческая эво-

люция эзотерики. 5.2.2. Эзотерика в современном Мире. 5.3. Эзотерика тайных обществ. 5.3.1. Тайные общества: история и современность. 5.3.2. Основные школы Эзотерики тайных обществ. 5.4. Эзотерика как форма философского знания. 5.4.1. Тайное в философском знании. 5.4.2. Философская эзотерика. 5.5. Философский камень. 5.5.1. Великий магистерий: эволюция представлений о феномене. 5.5.2. Философский камень как инструмент познания бытия и человека. 5.6. Жизнь и смерть в контексте эзотерики. 5.6.1. Жизнь в контексте эзотерики. 5.6.2. Смерть в контексте эзотерики. 5.7. Материальное и духовное бытие в контексте эзотерики. 5.7.1. Материальное бытие в контексте эзотерики. 5.7.2. Духовное бытие в контексте эзотерики. 5.8. Человек в контексте эзотерики. 5.8.1. Человек с позиции естественных и гуманитарных наук. 5.8.2. Человек в контексте тайных знаний. 5.9. Земля и космос в контексте эзотерики. 5.9.1. Космос в контексте эзотерики. 5.9.2. Земля в контексте эзотерики. 5.10. Настоящее и будущее бытия и человечества в контексте эзотерики. 5.10.1. Настоящее бытия и человечества в контексте эзотерики. 5.10.2. Будущее бытия и человечества в контексте эзотерики.

Обобщая всё вышеизложенное, автор считает необходимым особо обратить внимание не только на ценность философского знания с исторической точки зрения, но и на его футуристическое значение. В отличие от научных, мифологических и религиозных представлений об окружающем нас мире и человеке, философия может предложить ответы, с одной стороны, не противоречащие логике и просто здравому смыслу; но, с другой стороны, философия способна выдвигать гипотезы и создавать общие теории без обязательного подтверждения их истинности через проведение конкретных исследовательских экспериментов. Таким образом, философия остаётся той формой познания, которая может и должна пытаться дать ответы на основные вопросы сущего бытия и всего человечества. Эти «вечные» вопросы во многом остаются неизменными на протяжении тысячелетий, но также к ним относятся вопросы, связанные со вновь возникающими проблемами эволюции мироздания и человечества.

Основные вопросы Философии, по мнению автора, следующие.

1. Кто такой человек: единственное разумное существо во Вселенной, случайный продукт биоэволюции или органическая модель, кем-то специально созданная?
2. Как и откуда появились люди на Земле?
3. Является ли земная материальная жизнь лишь этапом человеческого существования или это единственная форма жизни?
4. Физическая (телесная) смерть человека – это завершающий этап существования или энергетическое изменение состояния земной материи?
5. В чём смысл человеческой жизни: духовном совершенствовании и продолжении эволюции или земное существование бессмысленный процесс физического развития и деградации?
6. Как и почему сформировались различные расы и народы землян?
7. Существовал ли когда-то единый праязык всего человечества и в чём причина появления множества языков?
8. Бесконечная борьба за ресурсы ради физического выживания – это объективный и нормальный закон существования людей в земных условиях или аномалия?
9. Есть ли у людей и некоторых высокоорганизованных животных общие эволюционно обусловленные предки?
10. Есть ли у людей душа как орган; и дух как его естественная составляющая, привносимая кем-то или чем-то извне, и образующая в соединении с разумом, функционирующем в мозге, феномен сознания?
11. Что представляет собой феномен сознания и мышления: психический процесс или явление, материальную или идеальную субстанцию?
12. Что и каким образом появилось раньше: идеи, дух, разум, сознание (условно не материальное) или известные формы материи?
13. Что представляет собой материя в различных её проявлениях – это абсолютно разные субстанции или проявления единой энергии, которую мы можем не видеть как мысль или слово, но она реально физически существует?
14. Можно ли считать идеальное (как и материальное) проявлением многоаспектного феномена – энергии, существующей (способной преобразовываться) в разные формы и виды?

15. В чём существенное отличие известных нам в земных условиях материи и энергии от тёмной материи и тёмной энергии¹?

16. В чём смысл существования бытия – окружающего нас видимого и тонкого мира?

17. Что представляет собой Вселенная – ограниченное чем-либо или бесконечное многомерное пространство множественности Вселенных (Универсарииум)?

18. Каким образом образовалась Вселенная – весь окружающий нас мир?

19. Привнесена ли жизнь на Землю из космоса или она продукт эволюции материи в случайно сформировавшихся благоприятных условиях?

20. Что представляет собой внутреннее строение Земли и других планет?

21. Существуют ли другие формы жизни на Земле и во Вселенной или во множественности Вселенных?

22. Есть ли некое высшее сверхсущество или сила, которую справедливо можно называть Богом (Божеством)?

23. Возможно ли выявить и сформулировать единые законы эволюции Вселенной, живой и неживой природы и человеческого общества?

24. Познаваем ли мир, может ли человек как субъект познания изучить и понять окружающее бытие и самого себя?

25. Являются ли все люди представителями одной эволюционно развивающейся цивилизации или они направлены на землю с других планет разными видами разумных существ для конкурентного выяснения вопроса естественного и (или) искусственного селекционного отбора?

26. Чувства людей – это просто химические реакции или сложный психологический процесс невозможный без душевно-духовных (идеалистических) переживаний?

27. В чём сущность любви, ненависти, страха и других чувств как психоэмоциональных актов, связанных с опре-

¹ Академик РАН Р.А. Сюняев указывает: «Давно привычные для нас атомы составляют лишь 6% массы Вселенной. Остальная часть материи Вселенной – темное вещество (24%) и темная энергия (70%). Темное вещество в отличие от атомов проявляет себя лишь гравитацией, пока никто не знает, что оно собой представляет» / Цит. по: Халиуллин Ю. Вселенная академика Сюняева // Независимая газета: НГ-Наука, 25.06.2008 г., с. 22.

делёнными состояниями сознания (духа и разума): бессознательного и сверхсознания, неосмысленности и мышления?

28. Свободно ли человечество и конкретные люди в своих действиях или существует некоторая кем-то или чем-то заданная предопределённость для всего объективно и субъективно существующего?

29. Что есть добро и зло: созидание, рождение и разрушение, уничтожение – кого и чего?

30. Каковы основные законы биоэтики: имеют ли право люди вмешиваться в процесс рождения человека и других живых существ, выращивания и регенерации человеческих органов, искусственного продления и прекращения жизни?

31. В чём сущность кибернетического сознания, образующегося в процессе взаимодействия искусственного интеллекта и человеческого разума?

32. Какие принципы, нормы, правила должны стать императивами кибернетической этики: моральных основ взаимодействия людей и робототехники, обладающей искусственным интеллектом?

33. Как будет в дальнейшем формироваться кибернетическое общество, в которое стремительно трансформируется постиндустриальное информационное общество?

Следует указать на то, что по сути любая из существующих или возможных теоретически фундаментальных проблем бытия и человека может стать объектом исследования философии, одним из её основных вопросов. В современных условиях, как раскрыто выше, к уже общеизвестным вопросам философии следует добавить вопросы формирующегося кибернетического сознания и киберобщества в целом.

В заключение, основываясь на вышеизложенном, можно сделать следующий категорический вывод. Несмотря на продолжающуюся в современных условиях специализацию естественных, гуманитарных, общественных и точных наук остаётся неизменной актуальность Философского познания объективного Мира – сущего (реального) и тонкого (идеального, духовного) Бытия; а также идеально-материального субъективного Бытия – Человека и субъектно-объективного Бытия всего Человечества.

Тонконогов А.В. Мысли о курсе современной философии и его содержании. В статье обосновывается, что современная философия должна стать всеобъемлющим знанием,

объединяющим различные направления изучения и объяснения сущности и эволюции бытия и человека: искусство, мифологию, религию, науку и эзотерику.

Ключевые слова: философия, основные вопросы философии, человечество, бытие, искусство, мифология, религия, наука, эзотерика, кибернетическое общество.

Tonkonogov A.V. Thoughts about the course of contemporary philosophy and its contents. The article substantiates that modern philosophy should become a comprehensive knowledge uniting different directions of studying and explaining the essence and evolution of being and man: art, mythology, religion, science and esoterics.

Keywords: philosophy, the main issues of philosophy, mankind, being, art, mythology, religion, science, esoterics, cybernetic society.

Д.В. КОТУСОВ
*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева**

Интерсубъективность и проблемы аутентичности человеческого существования

XX век во многом стал поворотным этапом в развитии философии. Анализируя сущность этого поворота, М. Мамардашвили видит его, прежде всего, в отходе от главной установки классической философии, предполагающей существование трансцендентного мира, соразмерного человеку и содержащего в себе некий высший смысл, «провиденциальный» план на эмпирический мир и человека в нем¹. Это высший, более осмысленный мир, скрытый за материей видимого и придающий ей особую, скрытую гармонию. Лишенный случайностей и глупости обыденной действительности, он воплощает в себе чистое бытие, при этом удивительным образом расположенное к человеческому разуму, который может адекватно воспроизвести все его элементы и взаимосвязь между ними. И если олицетворением этого мира является Бог (разумеется, в философском плане), то человек, мысля правильно, способен как бы встать на его сторону, смотреть на мир глазами творца, т. е. с позиции абсолютного субъекта. В этом смысле «человечным», как ни странно, делает человека его приобщенность к нечеловеческому – божественному. Чем менее человек мыслит, чем менее приобщен к позиции абсолютного субъекта, тем более он «природен» и похож на животное.

* Котусов Дмитрий Вячеславович, e-mail: dentor@yandex.ru

¹ См.: Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. СПб., 2012.

Подобный взгляд на вещи породил ряд интересных для темы нашей статьи следствий. Главное из них – полная прозрачность человеческого существа. Позиция абсолютного субъекта не предполагает инаковости. Люди, конечно, отличаются друг от друга на эмпирическом (психологическом) уровне, но по сути, в «глубине», в сущностном аспекте одинаковы. Познаешь основы бытия, познаешь и человека, и смысл его существования. За редким исключением, человек так и не стал действительной проблемой для классической философии. Как проблема, пишет М. Бубер, человек возникает лишь в той степени, в какой осознается человеческое одиночество, его «бездомность», тогда как для классической мысли на протяжении веков человек всегда был «дома» (т. е. не случайным или ошибочным, а скорее даже необходимым звеном провиденциального плана трансцендентного мира). Даже занимая уникальное положение, он никогда не терял своего единства с миром, выступая хоть и важной, но не более чем частью мирового порядка. Человек и человеческое являлись предметом изучения космологии – как и любая другая вещь мироздания¹.

Как следствие – идея «опекаемого» человека. Коль скоро человеку доступна тропинка к абсолютному знанию, те, кто подошел к последнему наиболее близко, имеют моральное право учить других жить, даже насильно, даже навязывая свою волю. Разумеется, невежество, подстрекаемое животными страстями, будет этому сопротивляться. Так вот, пусть силой, но его необходимо победить. Эти страсти привязывают человека к материальным вещам, но поскольку их ограниченное количество, люди будут неизбежно сталкиваться друг с другом за их обладание. Только направленная разумом страсть к бесконечному трансцендентному миру может разорвать этот замкнутый круг. Воспитанный, разумный человек не будет притеснять других – у него просто не останется для этого повода.

Не случайно, как отмечает Мамардашвили, первый акт нового философского мышления начинается не только с ницшеанского провозглашения смерти Бога, но и с, казалось бы, невинного на первый взгляд вопроса К. Маркса: «А кто воспитывает воспитателей?». Это вопрос, который «ставит под сомнение само право, которое раньше само со-

¹ См.: Бубер М. Проблема человека // Два образа веры. М., 1995, с. 158-174.

бой разумелось, право кого-то говорить от лица истины, от лица знания истинного положения дела, истинной структуры общества, истинной структуры мира, истинных тенденций исторического развития»¹. Нет Бога, нет гарантированной реальности, придающей всему происходящему высший смысл и, следовательно, нет того, кто мог бы говорить от имени этого смысла. То, что выхватывает философия начала XX в. – это состояние одиночества и ужаса перед реальностью, которая ни на чем не основана.

Вернее, ее единственное основание – это человеческая субъективность, но именно поэтому подобная «реальность» и не вызывает доверия. Все, что в данной мне действительности имеет значение и смысл – имеет его благодаря мне же. Это значение и смысл *для меня*. Экзистенциальная философия начинается с понимания того, что речь никогда не может идти о мире вообще или бытии вообще, только о *моем* мире, о бытии, которое *мое*. Что это значит? То, что есть некие предметы (сущее) и есть смысл этих предметов, который не существует сам по себе, а только благодаря моему усилию (бытию). В определенной степени человек и есть воплощенное усилие по приданию сущему смысла. Из этого понимания и рождается специфически экзистенциалистское определение человека: будучи усилием, он всегда устремлен вперед и никогда не равен самому себе, он, по меткому выражению Ж.П. Сартра, «не есть то, что он есть, и есть то, что он не есть». Каких бы философов-экзистенциалистов мы ни взяли, их всегда среди прочего будет объединять тема принципиальной неопределимости человека, его незавершенности.

Итак, мы имеем набор объектов внешнего мира и человеческое усилие, объединяющее их в смысловое единство «мира». Вне этого усилия «мир» распадается на бессвязную массу вещей и событий. Одно из принципиальных требований экзистенциалистски ориентированной мысли человеку – осознать свою ответственность за существование «мира». Последний более не фундирован божественным бытием, отсюда и невольный ужас. Не перед чем-то конкретным, а перед «миром», зависшим в пустоте. А раз он завис в пустоте, значит, держится исключительно на человеческом напряжении и поэтому человек полностью за

¹ Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии, с. 59.

него ответственен. Не на кого переложить эту ответственность. «Мир» таков, каким я его создал. Поэтому он и не вызывает доверия, настолько, насколько не вызываю доверия и я сам. Ведь, как пишет все тот же Сартр, мы всегда боимся не прийти к назначенному самому себе свиданию. «Мир» нуждается в человеческой «заботе», но способен ли человек заботиться о нем постоянно? Ведь, например, чтобы в таком «мире» была справедливость, необходимо, чтобы *я сам* ежесекундно творил эту самую справедливость. Не кто-то, а я сам. И если уж кому-то умирать за эту справедливость, то опять же только мне.

В этом, на наш взгляд, и состоит своеобразный поворот экзистенциалистской философии: не мир довлеет над человеком, а, скорее, человек над «миром». Это залог его свободы. Но это же и его несчастье, поскольку он часто оказывается не в состоянии выдержать ответственности за эту свободу. Отсюда и мотив бегства. Человек бежит от своей свободы. Как? Пытаясь представить «мир» чуждым себе, существующим по своим собственным законам, основанным на чем-то другом. Пусть даже этот мир и несправедлив, но он несправедлив по своей воле, не по моей. Пусть даже я в этом мире и ничтожество, но это мир сделал меня ничтожеством, не я. Бегство от свободы оказывается бегством («падением») в повседневность, где все идет *само*, своим чередом, будто так раз и навсегда и должно быть. Окружающая человеческая масса этому только способствует, затемняя вопрос о «мире» и его бытии тем, что М. Хайдеггер называет «толками, любопытством и двусмысленностью». И если человек все же ставит себе задачу обретения свободы, то в первую очередь это обретение связывается с необходимостью избавления от иллюзии чуждости «мира» и, следовательно, взятия на себя ответственности за его существование.

Как мы видим, первоначальный пафос экзистенциалистской мысли проходит как бы мимо темы Другого – озабоченность аутентичностью собственного существования не предполагает озабоченности чем-то иным по отношению к этому существованию. Не случайно «люди» выступают для Хайдеггера таким же экзистенциалом, как, например, «забота», т. е. не выходят за границы его «мира», являясь не более чем его частью. Понятно, почему экзистенциализм многими воспринимался как философия одиночки, противопоставляю-

щего себя обществу, массе. И первоначально это противопоставление действительно имеет смысл, только так человек способен избавиться от власти растворяющего его в себе мира, от гнета идеологии и повседневной действительности. Но является ли это противопоставление конечной точкой развития экзистенциальной мысли? Разумеется, нет.

Вспомним, что определение человека в экзистенциальной мысли исходит из его, человека, принципиальной неопределенности и незавершенности. Как отмечает К. Ясперс, к исследованию человека можно подходить с научной точки зрения как к «предмету» (т. е. так, как его изучают биология, психология, социология и т.д.), а можно с какой-то иной, принципиально другой точки зрения – как к свободе. Так вот, в качестве свободы человек всегда шире любых своих определений и знаний о нем. Он как бы всегда стоит немного в стороне от того, что мы непосредственно изучаем. На наш взгляд, сущность человеческой свободы и состоит в «стоянии в стороне». В этом смысле человеческая свобода отличается от произвола. Произвол – это действия, совершаемые полностью «в себе», когда я делаю нечто, полностью сводя себя к «предмету», к какой-то своей абсолютной определенности. Когда я ассоциирую себя с желаниями этого «предмета» и его «мира». Свобода же суть всегда движение впереди себя, как бы парадоксально это ни звучало, она не находится в нашей власти. Это не то, что я делаю, это то, что со мной случается. Все, что я могу – это подготавливать почву для того, чтобы это случилось почаще.

Может сложиться впечатление, что первоначально экзистенциализм воспевал именно произвол. Уйти от безличного мира к «миру», бытие которого – «мое» бытие, в котором, соответственно, ничто не может определять меня к действию, кроме меня самого. Да, я ответственен за этот «мир», но перед кем? Перед собой, опять же. Пусть даже это «собой» гораздо глубже сознания и кроется в неких безличных структурах бытия (Хайдеггер) или дорефлексивного *soûito* (Сартр). В конце концов, и «Я», и «мир» суть продолжение какого-то одного «меня». Однако если мы исходим из того, что человеческая природа никогда не равна себе полностью, то и проект подобной единственности заранее обречен на поражение.

Пожалуй, самой яркой иллюстрацией подобного поражения служит трактат Сартра «Бытие и ничто». Анализируя

феномен бытия, автор выводит два его главных «вида»: для-себя (сознание) и в-себе (сущее). Определяя для-себя как ничто, как чистую свободу, вытекающую из возможности уничтожить влияние сущего, Сартр выводит первое и главное стремление для-себя – стать своим собственным основанием. Поскольку его «мир» основан только на нем, т. е. на ничто, для-себя стремится обрести крепкий фундамент для этого «мира» или, иными словами, стать не «ничем», но всем – Богом, бытием в-себе-для-себя. Разумеется, появление Другого никак не может способствовать этой задаче, ведь он одним своим взглядом может уничтожить «мир», основанием которого так жаждет стать для-себя. Даже более того, Другой может разрушить саму свободу для-себя, превращая сознание в объект. Неудивительно, что отношения с Другим разворачиваются в контексте конфликта. Для-себя будет пытаться либо признать свободу Другого и как-то использовать ее, ассимилировать (установки *любви* и *мазохизма*), либо окончательно разрушить ее и устранить как препятствие для своей единственности (*садизм*, *ненависть*, *безразличие*). В любом случае каждая из этих программ бесперспективна: свобода Другого оказывается неподвластна для-себя. И это логично: если бы она была «подвластна», то это была бы уже не свобода.

Кажется, перспективы общения с Другим безрадостные и можно смело согласиться с известной фразой Сартра о том, что «ад – это Другие». Однако это так только в том случае, если стремление стать Богом действительно правильно, аутентично и не является неким самообманом. Но так ли это? Данный вопрос становится одним из центральных в дальнейшей эволюции взглядов Сартра. После «Бытия и ничто» в 1944-1946 гг. выходит ряд работ, продолжающих наметившийся в конце трактата поворот к переосмыслению главенства ценности бытия-в-себе-для-себя, который, по мнению Сартра, должен привести к новой этике («Экзистенциализм – это гуманизм», «Размышления о еврейском вопросе», «Что такое литература?»). Наконец, в 1947-1948 гг. появляется корпус текстов, изданных только после смерти Сартра и получивших название «Заметки об этике» (или, как их назвали издатели, «Тетради о морали»). Большинство исследователей его творчества сходятся на том, что эти тексты являются во многом предварительными, но в них Сартр напрямую исследует возможные пути

избежать самообмана и вырастающих из него конфликтных отношений с Другим через обращение к идее аутентичного существования человека. Теперь Сартр уже прямо заявляет, что чистая рефлексия заменяет главенство ценности бытия-в-себе-для-себя (продукта «нечистой» рефлексии, первичной, онтологической установки человека) ценностью свободы. Быть свободным – не значит быть своим собственным основанием, следовательно, ценность бытия-в-себе-для-себя ложна.

Итак, если классическая философия находила человеческое в человеке через его приобщенность к божественному, возможность как бы встать на место божества, то экзистенциализм уже весьма скептически настроен на стремление к такого рода «вставанию». Став на место Бога, абсолютного субъекта, человек становится равным самому себе, что, в конечном счете, ведет к чистому произволу. Ослепленный увиденной «истиной», он не видит ни Другого, ни других «истин». Остальные люди выступают лишь как часть его «мира», не более того. И даже если во главу этого «мира» положен моральный закон, то последний остается до странности равнодушен к судьбе другого человека; ценными признаются скорее сам закон и «святость» его исполнителя, нежели действительные переживания страдающей стороны, защита которой, возможно, требовала бы отказа от этой святости. Как мы уже отметили, с точки зрения экзистенциализма подобный произвол и «божественность» не аутентичны для человека, свобода которого предполагает неравность самому себе. Человек «человечен» тогда, когда понимает собственную ограниченность и конечность, когда он устремлен за собственные пределы и ограничения. Подобный пассаж, на наш взгляд, и приводит экзистенциалистскую мысль к теме Другого.

В статье Д.У. Орлова «Лицо и феномен: опыт фациализации вещей» можно прочитать примечательную фразу: «Нет ничего бесчеловечнее, чем человек, равный себе и не пытающийся прыгнуть выше своей головы»¹. Автор употребляет ее в контексте исследования философии Э. Левинаса, но этот контекст прямо коррелирует с пафосом экзистенциалистского гуманизма: «прыгнуть выше своей головы» – это значит транс-

¹ Эммануэль Левинас: путь к Другому. Сб. статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса. СПб., 2006, с. 85.

цендировать, подлинная же трансценденция возможна только перед лицом Другого как трансценденция к Иному. Человечность человека осуществляется через устремленность к свободе Другого и позволение свершиться его инаковости. В силу этого она коммуникативна. Речь, разумеется, идет не о любой коммуникации, но о коммуникации интимной и глубоко личностной, признающей инаковость собеседника. Животное не способно к коммуникации, так как его деятельность почти полностью определяется инстинктами, ему нечего «сказать». Абсолют (совершенное бытие) также к ней не способен, потому что ему нечего «услышать», ведь услышать – значит изменить себя, открыть для себя что-то новое. Но и человек, ориентированный на Абсолют, оказывается вне коммуникации. У него могут быть друзья, может быть другой человек, которого он любит, но в объектах его чувств и в самих этих чувствах он познает исключительно себя, они – продолжение его бытия, а не собственное бытие. Общение, любовь, дружба в данном случае выступают как средство перехода от ложных Я к единственному истинному, от множества ложных свобод к «истинной свободе» (не своей или другого, а свободе Абсолюта). Онтология такого общения (любви, дружбы) некоммуникативна, потому что нивелирует любые различия и трансформирует любое общение в общение с самим собой, самосозерцание.

Избавиться от подобной болезненной одержимости самим собой позволяет только присутствие Другого, только он способен совершить «чудо» и отвлечь индивида – лишь бы, как пишет Г. Марсель, «было дано согласие на него, лишь бы его не расценивали как простое вторжение извне – по отношению к самому себе, – но принимали как реальность. Ничего нет более поистине свободного, чем это согласие». И далее: «... для того, чтобы наш ответ был свободным, совсем не обязательно, чтобы он предполагал ясное осознание возможного отказа; я бы сказал, что он становится свободным, когда освобождает»¹. От чего освобождает? От груза прошлого, всех тех неудач и ошибок, которые, как кажется, уже не изменить. Они неизменны, пока человек остается равным себе, т. е. тому, кто их совершил. Именно присутствие Другого позволяет человеку встать выше «мира» и освободиться от его влияния: идей, обстоятельств,

¹ Марсель Г. Опыт конкретной философии. М., 2004, с. 41-42.

собственной природы. Поэтому, как утверждает Марсель, «открытость другому и творческий потенциал суть близкие понятия». Избавившись от гнета «мира», человек получает возможность обновления, создания чего-то принципиально нового. Так и только так он от ложного произвола переходит к аутентичной свободе.

Таким образом, поиск аутентичности человеческого существования, его свободы сначала приводит экзистенциалистскую мысль к необходимости освобождения от плена обыденности и довлеющего внешнего мира, а после – от плена своей собственной природы, «болезненной одержимости» собой. На наш взгляд, наиболее ярко этот последний аспект освобождения выразил Э. Левинас, который подобную одержимость собой и своим «миром» обозначил термином «тотальность». Тотальное мышление разрушительно для человека, только Другой, который в «мире» субъекта всегда появляется как Чужестранец, способен исцелить от этого «недуга». Поэтому человеческая свобода и не произвольна. Для своей сохранности она должна уметь сохранить и Другого. Другой выступает странным средоточием власти над человеческой свободой. Примечательно, что даже Бог выступает для Левинаса не как абсолютный субъект, но как Другой Другой. Только в общении с Другим можно обрести Бога. Как отмечает З.А. Сокулер, «Левинас... отказывается от идей постижения Бога, слияния с ним или его обретения в непосредственном внутреннем опыте или в посмертном блаженстве. И тогда главным содержанием религиозности оказывается чаяние социальной справедливости»¹. Без «чаяния социальной справедливости» нет ни Бога, ни человеческой свободы.

Котусов Д.В. Интерсубъективность и проблемы аутентичности человеческого существования. В статье анализируется общая логика развития экзистенциалистской мысли, главный пафос которой обнаруживает себя в поисках аутентичного существования человека. По мнению автора, связывая искомую аутентичность со свободой, экзистенциалистская мысль неизбежно приходит к тематике Другого, к необходимости заботы о Другом.

¹ Сокулер З.А. Герман Коген и философия диалога. М., 2008, с. 293.

Ключевые слова: экзистенциализм, Другой, этика, свобода, Сартр, Марсель, Левинас.

Kotusov D.V. Intersubjectivity and the problems of authenticity of human existence. The article examines the general logic of development of existentialist thought, which main pathos discovers itself in search of an authentic human existence. According to the author, linking the desired authenticity with freedom, existentialist thought inevitably comes to the subject of the Other, to the need to care for one another.

Keywords: existentialism, the Other, ethics, freedom, Sartre, Marcel, Levinas.

М.М. СИМОНОВА
*кандидат социологических наук, доцент
кафедры управления персоналом и психологии
Финансового университета при Правительстве
Российской Федерации **

Особенности формирования русской цивилизации до настоящего времени

В X в. христианство пришло на Русь из Византии. Это был его восточный вариант – православие. Для него характерны сохранение религиозных приоритетов, нацеленность на духовность. Первые русские христиане жили как в осаде в языческом мире с его обычаями и правилами восточных народов.

Русь, в отличие от западных народов, находилась на самом краю европейского мира и была в постоянном культурном диалоге с ближними восточными народами. Эти связи были более тесными, чем с дальними странами Западной Европы. В культурном плане вплоть до Смутного времени Восток оказывал большее влияние на Россию, чем Запад. Орда, несомненно, оказала влияние на Россию, особенно в политическом плане. Все без исключения русские князья бывали в Орде, жили долгое время. Русские князья перенимали монгольский стиль политической жизни, основанный на абсолютном подчинении всех – от раба до старшего мурзы, ибо все были рабы, которым хан даровал жизнь. Сказалось влияние орды и на язык: в современном русском языке много слов тюркского происхождения: «ямщик», «кабак», «деньги», «башка», «изюм» и др. В фамилиях знатных родов присутствуют восточные корни. Русская цивилизация по сути евразийская, поскольку Восток был близок к России. Это дало право А.И. Герцену назвать русское самодержавие «византийско-монгольским».

Не только Россия, но и западные славяне оказались в мусульманской неволе. В XVI в. турки взяли Будапешт, захватили Балканские страны и штурмовали Вену. По-разному

* Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru,

сложилась судьба русских и западных славян. Турки поселились прямо среди местного населения и сразу началась исламизация народов через систему экономических привилегий. Мусульманскими стали Албания, Македония, Косовский край. Западные славяне оказались разорванными между тремя конфессиями. Этнического единства здесь не состоялось.

России повезло и в том, что монголы не тронули церковь. Более того, они выдавали монастырям охранные грамоты. Турки же на Балканах разрушали православные храмы и насаждали мусульманство. Ордынцы считали русских священников колдунами. По инициативе Александра Невского в Сарай-Бату, а потом и в Сарай-Берке возникла епископия, русские священники вели службу для десятков тысяч пленников из России. Именно церковь сохраняла национальную идентичность, верность традициям Киевской Руси.

По этим традициям русские князья брали в жены половецких княжон, дочерей ордынских мурз. И в Андрее Боголюбском, и в в Александре Невском была половецкая кровь. Да и сам Иван Грозный был одним из потомков Мамаю. В XV в. ордынский царевич со своей ордой перешел на службу к московскому великому князю. Возникло удельное Касимовское царство. Касимовская конница участвовала в походах Ивана III на Новгород. Так проходила постепенная ассимиляция тюркских народов и усиливалось их влияние на уклад жизни на Руси.

После объединения русских княжеств и нескольких военных поражений от них Орда медленно распадалась на отдельные ханства и десятки мурз появлялись при московском дворе. После взятия Казани сотни знатных ордынцев стали подданными русского царя. Обрусевшие татары, бывшие ордынские пленники становились толмачами. Даже дипломатические связи между Московским государством и Востоком были установлены на 40 лет раньше, чем с Западом в связи с тем, что в стране имелись знатоки восточных языков, но отсутствовали знатоки западных языков. Несомненно влияние Востока и на политическую культуру. Все это говорит о том, что уже в Средние века шло постоянное проникновение восточного миропорядка в русскую действительность.

В период Московского царства в Кремле звучала татарская речь, причем московская элита понимала татарский

язык, так как многие вельможи были потомками татарских мурз и ханов. Но самое главное – постепенное заселение русскими земель Казанского ханства, миграция русских крестьян в традиционные земли мордвы, чувашей, башкир и других народов Поволжья, обмен навыками труда, смешанные браки, – все это влияло на русскую культуру в целом. Россия в течение столетий имела очень тесный контакт с Востоком как пограничная культура: мордовская земля начинается в 40 км от Арзамаса.

Во время мирной крестьянской колонизации Сибири «браки русских с инородцами совершались во множестве. В результате получалось широкое и повсеместное смешение русских со всевозможными инородческими племенами. В Тобольской губернии русские старожилы напоминали остяков своими скуластыми лицами, узким разрезом глаз, многие инородцы значительно обрусели благодаря смешанным бракам с русскими. В Северном Алтае русские заимствовали от инородцев многие части одежды, отчасти пищу и способ ее приготовления»¹. Русские принесли навыки строительства бревенчатых изб северным народам. Такого близкого соседства Западная Европа не знала. Сейчас Восток находится внутри Европы, при этом европейцы воспринимают выходцев с Востока как пришельцев. А в России ситуация складывается по-другому: армянские поселения в Москве известны с XIV в., татарские – с XVI в., в XIX в. идет завоевание Кавказа и Средней Азии. Но башкиры, буряты, чуваша, татары, якуты и иные народы живут в России на своей исконной родной земле, сохраняют свои национальные традиции, и в этом наше коренное отличие от Западной Европы. Россия – единственная европейская многонациональная страна со 140 коренными народами, национальностями, этническими группами.

До начала массовой миграции безработных из Средней Азии неприязни к людям из ближайшего зарубежья не было. Россия многонациональна несколько столетий, но общественное сознание никак это не освоит на психологическом уровне. В России колонии никогда не были заморскими территориями. Знатные люди ханств включаются в русское дворянство, их дети и внуки вальсировали на балах Москвы и Петербурга, плененный Шамиль жил в Калуге, его

¹ Нестеров Ф. Связь времен. М., 1987, с. 54.

сыновья были приняты в Пажеский корпус – военное учебное заведение для детей аристократов. Много известных людей России носят фамилии восточного происхождения: Юсупов, Карамзин (Кара-Мурза), Бахрушин (основатель музыкального театра в Москве родом из касимовских татар).

Можно предположить, что отличие русской культуры от западной состоит в значительной доле «восточной крови», как восточноевропейской, так азиатской в русском менталитете. «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный. Россия – христианский Восток, но в течение нескольких столетий подвергалась сильному влиянию Запада. Противоречивость русской души определилась сложностью русской исторической судьбы, столкновением и противоборством восточного и западного элемента»¹. А значит, и в духовной культуре русских должно быть что-то восточное, впрочем, как и немецкое и французское и т.д. Любая национальная культура развивается в веках в непрерывном диалоге с другими культурами. Каждая культура заимствует то, что у других лучше. Нет стерильно чистой русской культуры, чего, к сожалению, не могут понять националисты. Актуально сейчас такое наблюдение Н.А. Бердяева: «Отрицание России и идолопоклонство перед Европой – явление чисто русское, с примесью «азиатчины». Русское западничество и есть явление азиатской души»².

По существу политический строй России на протяжении многих столетий был и остается ближе к странам Востока, чем к Западной Европе. Признак Запада – верховенство закона, признак Востока – верховенство власти. В каждом гражданине России существует двойственное сознание: есть законы, и есть реальная жизнь, т.е. есть силы могущественнее любых законов. Основное противоречие русской культуры – европейская христианская культура и восточный тип власти.

Западноевропейские страны, такие как Бельгия, Франция, Германия, Италия, были и есть гораздо ближе друг к другу, чем восточноевропейские страны. На Востоке Европы общая история – это историческая симпатия в православных странах, обмен культурными ценностями и общим

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма», М., 1997, с. 8.

² Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. Царство Духа и царство Кесаря, М., 1997, с. 276.

православным укладом жизни. Судьба России – одиночество и миссионерская тяга к братским народам и ученическое отношение к Западу. У России есть тяжелое «подбрюшье» тюркских народов к востоку от Казани, большое влияние Средней Азии, а теперь и Китая.

В России, как и в Западной Европе существуют проблемы, связанные с иммиграцией, которые объясняются несходством культурных стереотипов. И восточный акцент в управленческой элите будет всегда потому, что «Россия стоит в центре Востока и Запада»¹. Россия – то догоняющая, то обгоняющая цивилизация, которая развивается толчками, то с ускорением, то с замедлением. Можно насчитать несколько таких ускорений:

- принятие Русью христианства;
- нашествие Батыя и распад Древнерусского государства; духовный подъем после Куликовской битвы и спад во время 25-летней междоусобной войны;
- политический подъем в конце XV в. (за 30 лет возникло большое и мощное государство);
- разрушение государства в начале XVII в. и его возрождение как результат мощного патриотического подъема 1612 г.;
- расцвет искусства и экономики при царе Алексее Михайловиче;
- новый мощный подъем страны при Петре I, появление европейской мощной державы;
- патриотический подъем во время войны 1812 г.;
- реформы Александра II;
- подъем экономики России в конце XIX в.;
- подъем экономики России в 1930-е гг.

На примере реформ Петра I можно видеть, что ускоренно принимая западное мировоззрение, Россия развивалась негармонично. После Петра I осталось крепостное право, т.е. средневековые экономические отношения, что привело к торможению в развитии при его преемниках. Отечественная война 1812 г. вызвала прилив патриотизма, произошло духовное освобождение дворянства от французской культуры, после войны общество увлеклось историей своей страны. Это было время духовного и культур-

¹ Там же, с. 331.

ного подъема, который потом назовут «золотым веком». Но постепенно атмосфера сгущалась во времена Николая I: всеобщий сыск, неприятие инакомыслия, зажатые в тиски университеты. Поражение в Крымской войне стало концом упадка и началом нового подъема России. Отмена крепостного права привела к появлению десятков новых городов, жизнь им дали фабрики, на которых работали вчерашние крепостные. Реформы Александра II стали, вероятно, самые гармоничными и успешными реформами в России за все время ее существования. Можно сделать вывод, что смертельная для нации опасность мобилизует народные силы и приводит к ускоренному развитию страны. Самые мощные подъемы следуют за народными трагедиями. В русской истории (как в средневековой, так и в новейшей) можно найти множество подтверждений этому.

В начале XX в., до 1914 г., идет успешное экономическое развитие России, отмечается бурное развитие промышленности и сельского хозяйства. В конечном счете это должно было привести к улучшению жизни населения. Затем Россия, полная социальных противоречий, вступает в губительную для себя войну, и это вызывает разрушение старой России и подъем окровавленной, изможденной новой России. «Россия два раза в своей исторической судьбе делала сильный рывок, и оба раза их начинали выдающиеся личности»¹. Масштаб личности Петра I можно сравнить с масштабом Ленина. Обе революции – это грубость, насилие, та же прерывность органического развития, гипертрофия государства, то же создание привилегированного слоя, тот же центризм и желание резко и радикально изменить тип цивилизации. И в действиях Петра, и в действиях Ленина просматривается восточный тип государственности. В России в течение веков сохраняется восточный стержень, спянный с западным.

История России XX в. у нас перед глазами – мы ее пережили и прочувствовали. Вступая в новую экономическую формацию, страна попыталась перескочить целую культурную эпоху. Духовная культура обладает большой инерцией, она не меняется в течение одного или двух поколений. После трех-четырех поколений, живших при Советской власти, государства Средней Азии переживают

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма, с. 12.

феодализм с неизжитой первобытной клановостью, а в России появился феодально-бюрократический госкапитализм и олигархический капитализм. Весь XX век Россия догоняла и училась. И сейчас продолжает учиться. России хотят привить правила и законы, которые возникли в другой цивилизации, с другой историей духовной культуры. Это должно служить предостережением на будущее, учитывая печальный опыт привития идей русского социализма в Прибалтике, странах Восточной Европы и Средней Азии.

Куда нам плыть? К демократии западного образца? Она сейчас находится в глубоком кризисе – механизм демократии превратился в искусство манипуляции общественным сознанием. Может быть, Россия откроет миру новую эру более справедливых социальных отношений, новую модель народного самоуправления не расшатывая национальных устоев и сглаживая все противоречия?

Современный экономический кризис – не эпизод, а обострение хронической старческой болезни. В масштабе планеты капитализм показал нерациональное хозяйствование, разрушительное влияние на природу и закабаление человека.

Чтобы разобраться, что же с нами происходит, необходимо вспомнить диалектику. Прежде всего, каждое время – это неразрывная связь старого и нового. Это единство есть в каждом из нас. Наше сознание сейчас – буржуазно-советское с различными переливами. Мы, наследники монизма, никак не можем привыкнуть, что правд много. Но единственная правда о нашем времени откроется через несколько столетий. Гегель говорил, что сова вылетает в сумерки. Мудрость придет, когда умрут все страсти вместе с их носителями.

Существуют две правды, составляющие главный нерв современной жизни: правда власти и правда ее оппонентов. Сейчас главное для страны – сохранить государство и стабильность в обществе. Но без демократизации государства страна обречена на застой. Движение к свободе является общим планетарным вектором развития.

Потребность в свободе и потребность в соучастии в управлении обществом должны стать первейшими потребностями человека. Только демократия как всеобщий контроль за всеми звеньями власти сможет победить коррупцию. Единство социальных сил является важным фактором развития любой страны, особенно такой огромной, как Россия.

Сорок тысяч лет истории человечества убедительно доказывают, что приход нового неизбежен. Но каким оно будет, можно прогнозировать только линейно. Мы лишь можем сказать, что оно будет единством хорошего и плохого, что новое усложнит социальную жизнь, потребует от человека большего напряжения сил, что новое принесет кому-то радость, а кому-то страдания, одним – наслаждение, а другим – мучения. Все будет так, как во все века человеческой истории. Нам предстоит мужественно встречать ход истории и усвоить, по Ф.М. Достоевскому, что «правда – выше вашей боли»¹.

Симонова М.М. Особенности формирования русской цивилизации до настоящего времени. В статье предлагается объяснение особенностей формирования русского характера и русской цивилизации. Русские всегда ощущали свою особость в семье европейских народов. Современное состояние России невозможно измерить европейской меркой, поскольку наша жизнь и своеобразие национального характера связаны с нашим прошлым, нашей историей.

Ключевые слова: нравственность, мораль, ценности, культура, искусство, религия.

Simonova M.M. Features of the formation of Russian civilization to the present day.The article offers an explanation of the features of the formation of the Russian character and Russian civilization. Russians always felt their peculiarity in the family of European nations. The current state of Russia cannot be measured by a European measure, since our life and originality of a national character are related to our past, our history.

Keywords: morality, morals, values, culture, art, religion.

¹ Дневник писателя (1873) – Достоевский Ф.М. М., 2017, с. 10.

В.Д. ГАВРИШ
*кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

П.А. ЗАКЛИНСКИЙ
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культурологии
Московского педагогического государственного
университета**

К истокам методологии ситуационного анализа социального бытия (историко-философский обзор)

Даже поверхностный ретроспективный взгляд на историю человечества и динамику современной социальной жизни убедительно и неопровержимо свидетельствует о ее исторической фрагментарности и пространственной (территориальной) локализации всего событийного ряда, которым наполнены всемирная история и текущее социальное бытие. В онтологическом плане все эти фрагменты жизни, их рефлексивные образы в сознании социальных субъектов и психические состояния последних реализуются и проявляются в той или иной социальной ситуации.

Понятие «социальная ситуация» (далее – «ситуация») употребляется как общесоциологическая категория, подчеркивающая тем самым социальную природу и социальный характер любой ситуации в жизни человека и общества. В целом внимание к настоящей проблеме отличается некоторой импульсивностью. Своеобразный всплеск научного интереса четко обозначился в 60-80-х гг. XX в. и нашел свое отражение в научной литературе этого периода. Ситуативный анализ тогда сводился преимущественно к проблемам поис-

* Гавриш Виктор Дмитриевич, e-mail: Victor.gavrish@inbox.ru; Заклинский Петр Александрович, e-mail: zaklinsky@yandex.ru

ка управленческих решений по преодолению складывающихся нестандартных ситуаций с элементами психологического напряжения. Появились и вызвали заслуженный интерес работы Дж. Томпсона¹, П. Анохина², В. Мильнер³, Р. Акоффа⁴. Но в этих трудах авторы лишь вскользь затрагивали собственно философско-методологическую проблематику социальных ситуаций и концентрировали свое внимание на исторических, политических и особенно экономических ситуациях с некоторым психологическим аспектом.

Вполне объяснимо, что в СССР в исторической науке достаточно глубоко и всесторонне оказалась рассмотренной революционная ситуация на основе ленинских положений в философии. В это же время одну из первых попыток формализованного препарирования социальной ситуации средствами формальной логики предпринимает Н. Кондаков⁵. Однако предложенное им определение ситуации не раскрывает сущности данного феномена, а лишь описывает его в содержательном аспекте.

В отечественной литературе встречаются и другие попытки толкования ситуации, например «совокупность обстоятельств, условий, создающих те или иные отношения, обстановку или положение»⁶. Удивительно, что принципиальной разницы с определением, содержащимся в другом словаре, и данным 40 лет спустя, практически нет: «сочетание условий и обстоятельств, создающих определенную обстановку, положение»⁷. Примерно на таких же позициях стоят представители военной науки того времени. Они понимают «ситуацию» как «обстановку» и определяют ее как «совокупность факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение операции (боя)»⁸. Тавтологичность понятий «ситуация» и «обстановка», определяемых через условия, факторы и обстоятельства, налицо.

Разрыв же порочного круга тавтологии возможен лишь, как справедливо замечает В. Ляшенко, посредством привне-

¹ *Tompson J.D. Organization in Action. N.-Y., 1967.*

² *Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М., 1968.*

³ *Мильнер В.З. Организация программно-целевого управления. М., 1980.*

⁴ *Акофф Р. Искусство решения проблем. М., 1982.*

⁵ *Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1975.*

⁶ *Толковый словарь русского языка. М., 1940.*

⁷ *Советский энциклопедический словарь. М., 1981.*

⁸ *Военный энциклопедический словарь. М., 1983.*

сения в понимание ситуации «аксиологического аспекта»¹, т.е. фиксации в качестве существенного признака определенной значимости для субъекта деятельности.

Весомый вклад в развитие данного понятия со стороны психологии через внутреннюю установку в сознании субъекта *действительности* внесли работы известных советских психологов Н. Узнадзе, Б. Ананьева, А. Леонтьева, А. Асмолова и др.

В отечественной военной психологии отдельные вопросы, выводящие на непосредственный анализ различных психологических ситуаций, первоначально нашли отражение в ряде исследований, связанных с выявлением лишь отдельных особенностей психологически напряженных ситуаций в боевой обстановке. Эти вопросы рассматривались в трудах военных психологов Т. Егорова и Г. Лукова.

В то же время анализ более поздних работ, выполненных в общей и военной психологии и посвященных анализу данной проблемы, показывает, что их авторы вкладывают различный смысл в понятие «ситуация».

Так, Б. Ананьев отмечает, что «взаимодействие человека с этими (социальными. – *Авт.*) обстоятельствами жизни составляет ту или иную ситуацию развития личности»². У М. Дьяченко ситуация, «с одной стороны, есть внешнее воздействие, а с другой стороны, такое воздействие, которое резко и прямо влияет на внутренние условия деятельности»³. Отмеченные позиции авторов вполне правомерны, но лишь при условии, что рассматривается какая-то сторона, аспект ситуации, но при этом остается нерешенной проблема сущностного определения ситуации как философского понятия и социального феномена.

Определенное развитие понятие «ситуация» получило в связи с разработкой интеракционистского подхода к психологии личности. Этому посвящены работы Ф. Бартлит⁴ и К. Боверс⁵.

¹ Ляшенко В.П. Воинская деятельность мирного времени: специфика, система и пути оптимизации. М., 1994.

² Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М., 1980, т. 1, с. 127.

³ Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976, с. 62.

⁴ См.: Bartlett F.C. Remembering. Cambridge, 1982.

⁵ См.: Bowers R. Situationism in Psychology // Psychology Review, 1973, vol. 80, p. 328-331.

Одни интеракционисты понимают ситуацию как среду в ее физических и социальных измерениях, другие рассматривают ее как «психологическую среду», считая, что важна не реальная ситуация, а ее перцептивный образ. Поэтому получается, что ситуация – функция субъекта, т.е. то, что адсорбируется на его когнитивных фильтрах. Интересно и то, что отождествление ситуации с ее восприятием характерно для психологов, находящихся под влиянием феноменологии, непосредственно или опосредованно через психологию личности.

Достаточно широко рассмотрено понятие «ситуация» в экономической науке и особенно в прикладном, управленческом аспекте. Вводятся производные от него, такие как «управленческая ситуация» и «ситуационное управление». Так, Ю. Екатеринославский определяет управленческую ситуацию: «Это характеристика сложившегося состояния производственной организации и ее звеньев, которое с точки зрения субъекта управления может быть удовлетворительным или неудовлетворительным»¹.

Что касается «ситуационного управления», то американский ученый Р. Моклер² был одним из первых, кто ввел это понятие в научный оборот. Особая заслуга в этом принадлежит Д. Поспелову³, который в 80-х гг. прошлого столетия эффективно развивал ситуационный подход в управлении применительно к организационно-экономическим системам.

Характерными особенностями ряда американских концепций ситуационного анализа и управления было то, что в них, во-первых, собственно ситуационный анализ ограничен исключительно производственной сферой с позиций теорий классического и постклассического менеджмента. Во-вторых, сведение практико-методического аспекта к узким конкретно-экономическим проблемам объединяет их в так называемую эмпирическую концепцию. Но при этом не уделяется внимание целому ряду проблем и вопросов, не имеющих сиюминутного значения.

¹ *Екатеринославский Ю.Ю.* Управленческие ситуации: анализ и решения. М., 1988, с. 15.

² См.: *Mokler R.J.* Situational Theory of Management // *Harvard Business Review*, 1971, N3.

³ См.: *Поспелов Д.А.* Ситуационное управление: теория и практика. М., 1986.

Примечательно, что упоминаемый выше Р. Моклер внес вклад в раскрытие динамического аспекта ситуационного анализа, что позволило определить содержание и последовательность практического выхода из реальных экономических ситуаций. Но это лишь часть проблемы, так как опять остается вне научного исследования вопрос методологии анализа ситуации в ее генетическом, онтологическом, гносеологическом и функциональном аспектах.

В дальнейшем Ф. Каст и Дж. Розенцвейг более конкретно подошли к использованию ситуационного подхода в решении задач управления: «Ситуационный подход стремится понять взаимосвязь внутри и между подсистемами, так же как и между организацией и ее средой, и определить типы отношений и конфигурации перемен. Ситуационный подход четко направлен на то, чтобы предложить проекты организаций и систем управления, наиболее соответствующих специфическим ситуациям»¹.

Характерная черта (при всем положительном) этих и ряда других концепций ситуационного анализа и управления – крайний эмпиризм, проявляющийся в обнаружении и описании социальных ситуаций в экономической сфере.

Г. Кунц и С. О'Даниэл в своей книге² представляют подробный анализ проблем ситуационного управления. Однако отсутствует классификация ситуаций, не анализируются этапы и закономерности их развития, выпадает из поля зрения методологическая проблематика и вопросы формирования управленческих процедур разрешения типических и частных ситуаций.

Таким образом, системный и ситуационный подход к решению трудностей в управленческой деятельности оказываются не связанными между собой, а в ряде случаев противостоят друг другу. Все это сводит решение проблемы лишь к «ручному» приобретению управленческими звеньями (менеджером-одиночкой или некой группой) сугубо узкой сиюминутной информации для принятия решения. С другой стороны, к приобретению и накоплению индивидуального опыта разрешения частных ситуаций безотносительно к

¹ *Kast F., Rozenzweig J. General Systems Theory: Application for Organization and Management // Academy of Management Journal, 1972, December, p. 460.*

² См.: *Кунц Г. О'Даниэл С. Управление: системный и ситуационный анализ управленческих функций. М., 1981, т. 1, с. 61-97.*

проблеме в целом и опыту коллективному. При таком подходе теряется и не используется возможность идентификации ситуации по существенным признакам в базе накопленного коллективно-исторического опыта и ее разрешение осуществляется с «нулевого цикла». Более того, управленческое звено лишается возможности философско-методологического основания и конкретного системного научно-теоретического обеспечения на базе накопленного опыта.

Отмеченное выше отражает ряд упущений и недостатков в решении проблемы ситуационного анализа, что обусловлено односторонностью взгляда (узкопрофессиональный) на данный социальный феномен, недостаточной разработкой методологических основ и отсутствием исчерпывающей типологии и классификации ситуационного богатства социально-исторического бытия человечества. Именно это и выдвинуло на передний план и поставило в 80-90-х гг. XX в. перед исследователями, прежде всего философами, три актуальные задачи: а) выявление философско-категориальной сущности понятия «ситуация»; б) разработка философско-методологических основ анализа и разрешения типовых и конкретных социальных ситуаций с особым упором на нестандартные, напряженные и угрожающие; в) осуществление систематизации накопленного опыта с последующей их типологией и классификацией; г) научно-прогностическое моделирование возможных социальных ситуаций. Все это стало предметом исследований в последующие десятилетия и привлекает внимание философов, экономистов, психологов в настоящее время.

Гавриш В.Д., Заклинский П.А. К истокам методологии ситуационного анализа социального бытия (историко-философский обзор). В статье, исходя из признания реальной ситуативно-онтологической самореализации социального бытия, рассмотрены объективная потребность и научная целесообразность внимания к социальной ситуации как феномену бытия и науки. Выделены ключевые аспекты исходного научно-исторического и философско-методологического анализа, обусловившие внимание к проблеме представителей различных отраслей научного знания.

Ключевые слова: социум, общество, человек, субъект, социальное бытие, социальная ситуация, ситуационная среда, ситуационный анализ.

Gavriush V.D., Zaklinsky P.A. To the origins of the methodology of social being situational analysis (historical and philosophical review). In the article, recognizing a real situational ontological self-actualization of social existence are considered an objective necessity and expediency of attention to the social situation as a phenomenon of being and science. Highlighted the key aspects of the original scientific-historical and philosophical-methodological analysis, which caused attention of the representatives of the various branches of scientific knowledge.

Keywords: society, community, human, subject, social existence, social situation, situational environment, situational analysis.

Н.Е. ОСИПОВ

**доктор философских наук, профессор
кафедры философии и методологии
науки Чувашского государственного
университета им. И.Н. Ульянова***

Общественно-экономическая формация как мегасоциальная ТЕХНОЛОГИЯ

В социальной философии обычно решительно проводят грань между категориями «культура», «цивилизация», нередко противопоставляя их друг другу. В этот ряд мы ставим и категорию «формация». По нашему мнению, все названные категории имеют определенный социально-технологический смысл (аспект). Они характеризуют различную степень и уровни организации общества. Так, в экономике система господствующих отношений собственности, образующих базис общества, *детерминирует* главный принцип самоорганизации социума не только в сфере материального производства, но и в других сферах бытия человека. Эти отношения определяют сущность взаимодействия между работодателем и работником – главными контрагентами процесса производства. Поэтому базис – это своего рода *социальная технология организации* экономической жизни общества; это *мегасоциальная технология*.

Отношения базиса являются *мегасоциальной технологией*, потому что определяют не только принципы организации в экономике. Здесь их воздействие непосредственное. Однако их влияние на другие сферы жизни общества также существенно, хотя и косвенно. Их влияние весьма ощутимо в политической и культурной сферах. Поэтому влияние базиса можно считать *парадигмальным*. Специфика определенной сферы общества накладывает свой отпечаток на социальные технологии в ее границах. В ней складывается своя система технологий, правда, при этом специфика определенной сферы социума имеет свою собственную технологическую

* Осипов Николай Евдокимович, e-mail: osipovne48@yandex.ru

реализацию. Так, к примеру, в политике центральную систему технологий задает *государство*. Его основная и непосредственная функция – поддержание своими средствами и методами «*статус-кво*» в экономике, воспроизводство базисных отношений. Тем не менее это не исключает необходимости исполнять любым государственным аппаратом общесоциальные функции регулирования отношений между различными общностями и индивидами в целях сохранения относительной целостности и устойчивости общества.

В культуре также проявляют себя отношения собственности, но происходит это опосредованно в силу своеобразия данного феномена, зависящего в значительной степени от *духовного содержания* человеческой деятельности. При всем своеобразии этой деятельности она реально осуществляется через систему определенных средств и методов, т.е. технологично. В результате общество в процессе исторического развития вырабатывает сложно организованную совокупность социальных технологий, подчиняющихся *иерархическому принципу*. Поэтому мы вправе рассматривать социум как многоуровневое социально-технологическое целое, что соответствует формационному его пониманию. В качестве примера сущности социально-технологического аспекта формации рассмотрим капитализм (буржуазное общество). Капитализм как система экономических отношений согласно марксизму образует базис основания буржуазного общества (мы здесь абстрагируемся от проблемы условий его генезиса и этапов эволюции).

Капиталистические отношения собственности *задают* весь строй материального производства, а также весь спектр функционирования различных секторов экономики и организации остальных подсистем буржуазного общества. Эти отношения определяют товарно-денежный характер жизни в буржуазном обществе, обуславливая функционирование *механизма его самоорганизации*¹. Сущностью такого механизма является капиталистический рынок. Роль государства, которое хотя и выполняет некоторые общезначимые функции, ограничена. Реализация принципов воспроизводства жизни в таком обществе предполагает наличие соответствующей системы средств и методов – своего рода социальной технологии, ядром которой

¹ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. М., 2015, т. 2, с. 306-388.

является *наемный труд* как основа эксплуатации работника. Средства и методы этой эксплуатации разнообразны. Среди них, например, манипуляция со стороны предпринимателя продолжительностью рабочего времени, внедрение в процесс труда более совершенной и производительной техники при сохранении прежней продолжительности рабочего дня, сокращении размера оплаты труда, ухудшении его условий и т.д. Все это, в конечном счете, есть следствие главного мотива собственника средств деятельности (не только средств материального производства). Главным из мотивов для капиталиста (предпринимателя) выступает *получение максимальной прибыли*. Оно является основной целью активности предпринимателя, придающей смысл функционированию системы, одухотворяющей применение всех элементов технологии капиталистического производства¹.

Стоит отметить, что оплата наемного труда, на первый взгляд, может создавать видимость справедливой его оценки. Так было до момента, пока, по словам Ф. Энгельса, К. Маркс не раскрыл «тайну» капиталистической эксплуатации пролетариата. Эта «тайна», долгое время не осознаваемая эксплуатируемым рабочим эпохи индустриализма, служит характерной чертой капиталистической технологии эксплуатации работника. Она отличает последнюю от других форм социального гнета предшествующих общественно-экономических формаций: рабовладельческой и феодальной, где социальное подавление труженика носило более *открытый*, так сказать, *грубый характер*. Нельзя забывать и еще об одном аспекте социальной технологии капитализма, имеющем общесоциальное, а не только экономическое значение – это *«резервная армия работников» (безработица)*. Она выполняет роль «невидимой руки с кнутом», нависшей над наемным работником и подгоняющей его в гонке за средства существования.

Из рассмотренного примера мы видим, что относить формационные характеристики общества к мегасоциальной технологии не является большим преувеличением. Такое

¹ См.: *Осипов Н.Е.* Ещё раз о социальных технологиях // *Философия и общество*, 2017, № 5, с. 5-28.

понимание социальной технологии соответствует ее самому общему смыслу¹.

Было время, когда в отечественной обществоведческой литературе нередко содержание технологии по определению сводили к технике или же выводили его непосредственно из инструментального оснащения трудового процесса, предмета и разделения труда. Автор этих строк придерживается иной точки зрения, согласно которой социально-философский подход требует более развернутого понимания содержания социальной технологии. Только в этом случае она может претендовать на статус социально-философской категории².

Как это ни парадоксально, но даже простой здравый смысл подсказывает нам самое общее понимание технологии и социальной технологии в частности. *Технология – это совокупность (система) материальных и духовных (идеальных) средств и методов деятельности субъекта, позволяющих ему с достаточной надежностью получить желаемый результат, достигая поставленной цели*³.

Технологию отличает от других видов деятельности и разнообразных практик ряд специфических признаков, среди них такие как целенаправленность, экономичность, воспроизводимость, результативность, конкретность и др. Но самая общая (родовая) атрибутивная характеристика технологии, интегрирующая большинство ее признаков, – это *эффективность*.

Любая социальная технология представляет собой весьма сложное гетерогенное образование, включающее разнообразные элементы: материальные и идеальные, телесные и духовные, объективные и субъективные, искусственные и естественные, рациональные и иррациональные и т.д. Все они дополняют друг друга лишь интегрально, дают предполагаемый результат. Интегральную функцию выполняет такой компонент технологии, как *целеполагание*. Выдвижение цели придает исходный направляющий импульс деятельности субъекта, определяет ее общий смысл. Нагляд-

¹ См.: Осипов Н.Е. Содержание и методологическая роль категории «социальная технология» в осмыслении целостности общества // Вопросы философии, 2011, № 6, с. 16-22.

² См.: Осипов Н.Е. Об эволюции содержания понятия «социальная технология» // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 4, с. 235-245.

³ См. там же.

ным примером такой социальной технологии является процесс воспитания и образования в обществе.

Созданные человеком в результате его социального творчества, служащие обществу технологии имеют для него большую ценность и являются феноменом культуры.

Культуру обычно определяют как *систему ценностей*. Именно ценности культуры в процессе их усвоения человеком (социализации) в конечном счете влияют на процесс формирования целей и, следовательно, смыслов социальной активности людей. Поэтому не будет большим преувеличением считать ценности культуры самым «*верхним*» *экзистенциальным* уровнем социальных технологий. Одним словом, культура в значительной степени реализуется через *великое множество социальных технологий*¹. Однако не следует полностью отождествлять понятия «культура» и «социальные технологии». Первое понятие по своему содержанию шире и охватывает все многообразие человеческой деятельности, *все, что создано ею*. Термин «антикультура» имеет относительный смысл: хотя также создается людьми, но противопоставляется культуре как нечто антигуманное (например, война). Технологии же тоже дело рук и духа человека, следовательно, относятся к культуре, но их главное социальное назначение – быть эффективными способами реализации ценностей культуры. Поэтому они больше выражают содержание цивилизации, т.е. *цивилизация есть система сложившихся в обществе социальных технологий*.

Однако оговоримся: когда еще не было государства, и, следовательно, не возникла сама цивилизация, согласно общепринятой точке зрения социальные технологии уже сложились в первобытном обществе. Как известно, родоплеменная организация обладала большой устойчивостью и целостностью, что позволяло такому обществу просуществовать десятки тысяч лет. Роль социальных технологий в нем выполняли религиозно-мифологические представления, традиции и главное – отношения собственности, которые, исходя из вышесказанного, можно отнести к формационной мегасоциальной технологии.

¹ См.: Осипов Н.Е., Михайлова Р.В. Ценность справедливости и её социально-технологическая реализация в истории // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 5, с. 149-161.

Отношения собственности, определяя экономическое основание каждой общественной формации, *детерминируют* систему главных мотивов деятельности властвующей элиты, которая «навязывается» всем слоям общества «сверху донизу». Для этого господствующая элита прибегает не только к экономическим средствам воздействия на население, но использует методы и средства политического воздействия и интеллектуально-психологического манипулирования сознанием людей. Эту функцию технологически реализуют государственные институты, общественные организации, партии и СМИ, явно или неявно подконтрольные власть предержащим. Существо дела не меняется в буржуазных странах, где под лозунгом демократии камуфлируется истинное положение вещей. Сейчас и в России, где декларируется становление «гражданского общества» и «цивилизованного капитализма», «оттачиваются» технологии удержания власти олигархами и крупными чиновниками.

Говоря о факторах генезиса и утверждения мегасоциальных технологий, надо отметить следующее: отношения собственности, хотя и имеют базисное значение, но они не единственные в этом историческом процессе. Он – *результат синтеза* многих явлений социальной действительности, истоки которых надо искать в культуре.

Культура, как известно, содержит в себе материальные и духовные элементы, взаимодействие которых, на первый взгляд, может показаться случайным. Но на достаточно длительной временной дистанции массовидный характер этих взаимодействий может послужить статистическим основанием для *действия закономерностей нового вектора* развития общества.

Нечто подобное происходило с возникновением капитализма и буржуазной формации. К. Маркс в гениальном и огромном по объему «Капитале» проанализировал преимущественно экономические (материальные аспекты) генезиса и развития капитализма.

Другой мыслитель – М. Вебер полвека спустя в небольшой, но не менее гениальной работе «Протестантская этика и дух капитализма» показал роль религиозного мировоззрения в становлении исторически новой общественной формации. Именно *симбиоз* экономических и мировоззренческих компонентов сделал возможным зарождение буржуазного общества. Оба этих компонента – проявление культуры в

широком смысле. Наряду с вышеотмеченными к числу благоприятствовавших культуре относятся научно-технический и социально-политический компоненты. Даже при наличии таких «внекультурных факторов», как естественный (умеренность и разнообразие природно-климатических условий) и демографическая ситуация в Западной Европе кануна Нового времени).

Соотнося культуру и социальные технологии, необходимо признать, что *исходными* в формировании последних являются ценности культуры. Именно в них коренятся духовные импульсы социального творчества, создающие новые идеи, которые затем становятся определяющими принципами организации социальной жизни. *Ценности обладают значительной устойчивостью*, они формируют систему мотивов деятельности, а те, в свою очередь, реализуются через конкретные цели. Последние же, образуя начальное звено социальной технологии, придают ей смысловое содержание, *рациональную легитимацию*. В этой многоуровневой структуре социальной технологии ценности культуры, образуя самый верхний ее уровень, обладают трансцендентальным характером и пока «далеки» от своего воплощения в системе конкретных средств и способов.

По мере своего «приземления» ценности культуры реализуются в технологиях, принося желаемый результат. Но раз сложившись, технологии со временем обретают схематизм и консерватизм. Тогда они могут вступать в противоречия с изменившимися условиями, что требует их модернизации или полной замены на инновационные.

Инновации возникают часто случайно. Но пока они не получают смыслового обоснования в ценностях культуры, новые технологии остаются втуне, не достигая широкого распространения в обществе. И все же реальным источником инноваций, в конечном счете преобразующих все в обществе, является человеческая деятельность на уровне *Повседневности*, в «Жизненном мире», по выражению представителей феноменологии.

Из предыдущего изложения, по нашему мнению, можно видеть, что марковского теория формации содержит в себе и социально-технологический аспект. В основу такого понимания формации как мегасоциальной технологии положен *экономоцентристский подход*. Структурообразующей категорией такого подхода является категория способа

производства. В рамках последнего человеческая деятельность в сфере производительных сил динамизирует все общество. В свою очередь, поскольку в обществе установился определенный тип производственных отношений, он генерирует и свои *критерии оценки* производительной деятельности. Так, для капитала в условиях капиталистической формации производительным является лишь труд, создающий прибавочную стоимость и приносящий максимальную прибыль предпринимателю.

В коммунистической формации согласно марксизму ценность труда имеет несколько иной характер: наряду с производительностью, необходимой обществу, труд должен являться одним из важнейших средств *всестороннего развития личности* человека. В этой идее заключен гуманистический смысл теории Маркса. Он же показал в «Экономико-философских рукописях», что в соответствии с сущностью господства капитала труд носит отчужденный характер, т. е. выступает средством эксплуатации работника.

Впервые в истории попытка практической реализации идей К. Маркса была предпринята СССР и его союзниками в XX в. Однако в очередной раз подтвердилось в глобальном масштабе философское положение о том, что хотя *идея (цель)* и является направляющим импульсом практики, она не всегда совпадает с реальным результатом. «Сущим проклятием» для советских обществоведов, особенно экономистов-теоретиков, был вопрос о производительности труда.

Согласно теории «научного коммунизма» формация, следующая в истории после капиталистической, как более прогрессивная, должна иметь и более высокую производительность труда. Однако этого не происходило. Да и сейчас, в современной России, «самым сильным» аргументом в пользу доказательства отсталости нашей страны приводится тезис о более низкой производительности труда по сравнению с США и Западной Европой.

Во всем этом опять-таки наглядно проявляет себя *«прямолинейный»*, можно сказать, *«вульгарный» экономизм*. Он берет за критерий оценки состояния общества и человека в нем исключительно материальные, в лучшем случае научно-технические показатели. Человек в таком обществе действительно приобретает статус «гомозоомикуса», который вовсе не лучше «гомосоветикуса», осмеянного в публикациях либеральных авторов в постсоветский период.

С точки зрения более *разностороннего*, чем сугубо экономический подхода (а именно таковым должен быть социально-философский подход), состояние общества и человека в нем определяется не только размером прибыли или дохода, но и многими другими факторами и условиями жизни. Для их учета и осмысления *недостаточен* только *формационный анализ* социальной реальности. *Необходим и цивилизационный подход*.

Мы не согласны с утверждением, нередко высказываемым в отечественной литературе, о том, что формационный и цивилизационный подходы в изучении общества несоместимы. Такое мнение стало возможно, видимо, на волне критики марксизма, который, как известно, страдал определенным догматизмом в советское время. Но это свидетельствует о другом, а именно о *«легковесном», поверхностном* отношении к его содержанию, от которого так легко можно отказаться и *«безболезненно»* перейти на иные социально-философские позиции.

Так, в конце XX в. в контексте разочарования в результатах *«ускорения»* и *«перестройки»* эпохи СССР нарастал пессимизм в оценке методологической и теоретико-познавательной роли формационного учения. Как часто случалось в истории, вновь проявился *«эффект маятника»* в среде отечественных обществоведов, что сказалось на формационной теории марксизма. Вместо нее все настойчивее стала навязываться цивилизационная модель развития общества. При этом формационная теория часто объявлялась противоречащей реальному историческому процессу из-за своей *«чрезмерной»* схематичности и прямолинейности.

Наиболее рьяные оппоненты формационной теории не гнушались и прямой фальсификацией ее идей, представляя основные ее положения в искаженном, огрубленном виде. Вот что писал один из советников Б.Н. Ельцина А.И. Ракилов: *«Способ производства, согласно известному всем клише, есть единство производительных сил, охватывающих аппаратную часть, производителя, непосредственно оперирующего инструментальной составляющей, и производственных отношений, охватывающих собственность, распределение, и так называемый обмен деятельностью. Здесь даже не подразумевается менталитет, информационные ресурсы, ноу-хау, и все, что свидетельствует о человеческом*

сознании, разумности человеческой деятельности и ее целеориентированности. Это не простая дань постулату вторичности сознания, но в значительной степени выражение полувековых попыток универсальной тоталитарной системы сделать труд безмозглым, бессмысленным, лишенным проблемска интеллектуальности»¹.

Столь пространная цитата свидетельствует о многом и весьма показательна. Вряд ли процитированный здесь автор хуже нас с вами ориентируется в содержании социальной теории марксизма. На протяжении десятилетий он, пожалуй, как и многие другие, являлся правоверным адептом критикуемой здесь жестко теории. Может быть, он стал, опять-таки как и многие, жертвой легковерия, попав под очарование «сладкозвучных сирен» сначала «перестройки», а затем и «демократов-реформаторов». Думаю, что и это не основная причина столь яростных нападков на социальную философию марксизма.

Дело здесь, пожалуй, в другом. На новом витке истории и в иных конкретных социальных условиях мы можем наблюдать извечное явление, характерное не только для нашего времени, но и для прошлых веков, и для недавнего советского периода отечественной истории – это чрезвычайно слабая «укорененность» философии в социальной реальности. Склоняешься к тому, что философия скорее является не формой общественного сознания, не «квинтэссенцией» и не самосознанием эпохи, а продуктом умствования различных мыслящих субъектов, зависящих от многих условий и даже обстоятельств своей жизни. Вот почему философию очень часто так легко превращали в официоз, теоретически оправдывающий существующий социально-экономический и политический порядок вещей в обществе. В этом смысле философию можно уподобить даже облаку, парящему над землей и гонимому над ней по воле разных ветров, будь то ветры западные или восточные.

Любые перекосы, в том числе и в теории, вредны, ибо искажают познание действительности, лучше держаться середины. Цивилизационные учения также имеют длительную разработку в социальной философии и даже более длительную, чем формационное. Ее приверженцами были, напри-

¹ *Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии, 1992, № 5, с. 5.

мер, такие мыслители, как Ш. Монтескье, М. Вебер, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, Ф. Бродель и др.

Да и классики марксизма нередко обращались к некоторым положениям цивилизационного учения, поэтому было бы грубой ошибкой игнорировать его теоретический потенциал. Назрела необходимость синтеза формационного и цивилизационного учений. Осознание этого все увереннее утверждается в среде отечественных обществоведов. К числу последних относится и автор этих строк. Он показал, что «синтетический подход к всемирно-историческому процессу отражает реальный факт, что в нем неразрывно связаны и взаимообуславливают друг друга, и при этом одновременно, цивилизационные и формационные преобразования. История движется «двойной тягой» – взаимодействием формационных и цивилизационных изменений»¹. Феномен «двойной тяги» в данном случае действует на протяжении человеческой истории, отличаясь в конкретно-исторические периоды только разной своей интенсивностью (темпами и силой).

В заключение отметим следующее: исходной категорией понимания социальной реальности является «культура». Своим содержанием она охватывает всё, что создано человеком. Но ценности культуры с необходимостью реализуются через многообразие социальных технологий, что и придаёт обществу целостность и устойчивость. Последнее воплощается в формационной и цивилизационной определённости организации жизни общества. При этом формацию и цивилизацию можно понимать в качестве мегасоциальных технологий, а ценности культуры образуют самый «верхний» уровень социальных технологий, выражая в них экзистенциально-смысловую легитимацию.

В решении проблемы движущих причин исторического развития общества, как показали дискуссии в социальной философии, недостаточен только формационный взгляд или только цивилизационный подход в их отрыве друг от друга. Лишь их методологический синтез позволяет дать удовлетворительную картину всемирно-исторического процесса.

¹ *Осипов Н.Е.* О формационно-цивилизационной корреляции во всемирной истории // *Философия и общество*, 2007, № 2, с. 153-154.

Осипов Н.Е. Общественно-экономическая формация как мегасоциальная технология. В статье анализируется содержание категорий «культура», «формация» и «цивилизация» под социально-технологическим углом зрения. При этом понятию «социальная технология» даётся самое общее, а именно социально-философское определение. Оно позволяет представить формацию и цивилизацию уровнями мегасоциальных технологий, а культуру – экзистенциальным, «верхним» уровнем социальных технологий. Последние являются средством реализации ценностей культуры.

Ключевые слова: базис, Запад, культура, менталитет, общество, отношения собственности, цивилизация, формация, социальная технология.

Osipov N.E. The socio-economic formation as megasocial technology. The article contains analysis of such categories as «culture», «formation» and «civilization» from the socio-technological point of view. The author gives the most general, namely, socio-philosophical definition to the concept of «social technology». Such definition allows us to present the formation and civilization as levels of megasocial technologies, and to see culture as existential, «upper» level of social technologies. The latter are the means of realisation of cultural values.

Keywords: basis, West, culture, mentality, society, property relations, civilization, formation, social technology.

М.И. ИВЛЕВА
*кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова**

Социально-коммуникативное пространство и ЭКОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

Социально-коммуникативное пространство представляет собой сложную организованную систему, состоящую из уровней разного порядка, от индивидуального до уровня социума в целом. Социально-коммуникативное пространство является одним из важнейших факторов существования и функционирования человеческого общества, и в последние десятилетия наблюдается пристальное внимание философов к проблемам его онтологии, организации и специфики его детерминации. Эти вопросы являются предметом активного изучения и рассмотрения не в последнюю очередь в связи с особым интересом философов к процессам, происходящим в обществе на макро- и микроуровнях, в отношениях между людьми как участниками общественных отношений, в жизни социальных групп, а также между участниками отношений в более широкой системе «общество – природа».

Начало серьезному изучению социально-коммуникативного пространства как целого положили труды известного французского социолога П. Бурдьё¹, который проследил взаимное влияние традиций, социальных норм и привычек и пространственного фактора в системе общественных связей. В дальнейшем вопросы социально-коммуникативного пространства нашли отражение в трудах известного социолога А. Гидденса в 80-х гг. XX столетия, а также в работах Дж. Сиарла и А. Джеффри.

Социально-коммуникативное пространство является неотъемлемым элементом социального пространства в це-

* Ивлева Марина Ивановна, e-mail: stm602@yandex.ru

¹ См.: Bourdieu P. Outline of a theory of practice. Cambridge University Press, 1977; Bourdieu P. The logic of practice. Stanford, CA, 1984.

лом, которое в принципе не может существовать без коммуникации, без живого общения между индивидами, равно как и без активного вербального общения, зафиксированного во внешних носителях – письменных источниках, масс-медиа, сети Интернет и т.д. Соответственно к вопросам о том, что собой представляет социально-коммуникативное пространство, какова специфика его функционирования, поддержания его существования и развития, его роль в жизни общества и социальных групп, появился пристальный интерес исследователей из разных областей знаний. Многие из этих исследований основываются на положениях теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, сформулированных им в одноименном двухтомном труде. Так, С. Кеммис и П. Гротенбоер изучают коммуникативную среду как условие построения практики межличностного общения, А. Беван исследует особенности коммуникативной среды как совокупности действий при общении, которое развивает интеллектуальные способности социальных акторов, С. Эдвард-Гроувз изучает место коммуникативной среды в профессиональном общении, а К. Роннеман и П. Сало рассматривают роль коммуникативной среды в педагогических процессах.

Современное информационное общество, бурное развитие компьютерных технологий, превращение информации и знаний в товар, в стратегический ресурс, возрастание роли информации в обществе в целом, изучение информации как объекта философского исследования, – все эти факторы детерминируют особенности современного социально-коммуникативного пространства. Сегодня оно все более определяется ростом интенсивности различных информационных и коммуникативных потоков и связей. В нем взаимодействуют многообразные типы разномасштабных коммуникаций, происходит качественное изменение его структуры, которое осваивается в научных программах и технологиях современной управленческой деятельности, и вследствие значительного влияния этих процессов на существование и функционирование информационного общества в этой ситуации его устойчивое развитие немислимо при отсутствии экологии информации.

Ранее различные направления социальной философии акцентировали внимание на социуме, который либо противопоставлялся природе, либо взаимодействовал с ней, используя ее лишь как ресурс. В современных условиях ак-

туальным становится холистический информационно-экологический подход, который глубже и более разносторонне по сравнению с предшествовавшими концепциями социальной философии исследует общество, трактуя последнее как целостную, детерминированную содержательной информацией систему, которая глубоко и всесторонне связана с природой. Экология социально-коммуникативной среды становится важным условием развития здоровой антропосистемы как сложного взаимодействия между отдельными индивидами, а также группами индивидов¹.

Экологический подход, обращая особое внимание на взаимоотношения между человеком и экосистемой в целом, неотъемлемым элементом которой является информационное общество, исходя из принципов системности и холизма, раскрывает новые аспекты как общества, так и человека как субъекта.

Одним из мыслителей, труды которого внесли серьезный вклад в развитие экологии коммуникации как важнейшей составляющей социально-коммуникативного пространства, был американский философ Нил Постман (1931-2003). На протяжении более чем трех десятилетий он исследовал онтологию и эпистемологию экологии коммуникаций, его труды разошлись большими тиражами и переиздаются по сей день.

По мнению Постмана, понятие «экология» с необходимостью включает в себя изучение среды, ее структуры, содержания и влияния на людей. Соответственно в экологии коммуникации среда выступает как сложная система сообщений, которая воздействует на образ мышления, восприятия и поведения личности. Эта среда предписывает личности социальные роли и определяет условия их исполнения чаще неявным, а в условиях деловой коммуникации явным и даже формальным способом.

Неявным, по мнению Постмана, является воздействие на личность среды, формируемой средствами массовой информации, такими, как печатная продукция, радио, кино, телевидение. Это происходит не в последнюю очередь вследствие широко распространенного в обществе мнения о том, что в

¹ См.: Баркова Э.В. К возрождению человеческого измерения в современной философии // Вестник Орловского государственного университета, 2015, 1 (42), с. 245-249.

данном случае нет коммуникации как таковой, а присутствует лишь взаимодействие инструментального характера, взаимодействие личности с системой передачи информации. Следовательно, задача экологии коммуникации – выявить и исследовать это скрытое воздействие среды, организуемой средствами массовой информации, на личность.

Таким образом, Н. Постман продолжает направленность исследований, заданную в 60-х гг. XX в. М. Маклюэном. Постман выводит экологию коммуникации на уровень экологии личности, вначале констатируя сам факт непосредственного воздействия средств массовой информации на формирование и существование личности, а затем переходя к постановке вопроса о том, каким образом система передачи информации влияет на глубинную суть человеческой личности, какие угрозы для смысложизненных основ личности несет система массовой информации с ее скоростью передачи данных и объемами охвата аудитории. С особой силой этот вопрос был поставлен в книге «Amusing ourselves to death (Развлекая себя до смерти)», опубликованной в 1985 г. Игра слов в заглавии означает два уровня проблемы: с одной стороны, в современном обществе перед человеком стоит угроза легковесности существования, когда вплоть до момента физической смерти он некритически воспринимает информацию, предоставляемую масс-медиа, а, с другой стороны, он разрушает тем самым свою личность, доводит ее до уничтожения.

Причина столь серьезной угрозы, согласно Постману, заключается в том изменении бытийных основ информации, которое произошло вследствие широкого распространения средств массовой информации, когда широкой публике открылся доступ к ее большим объемам в течение короткого отрезка времени. Проблема, как считает ученый, заключается в том, какая цель ставится в процессе распространения информации посредством масс-медиа в современном обществе. В первую очередь это цель расширения доступности информации, скорости ее распространения, и, что очень важно, быстрого доступа к информации любого рода независимо от ее содержания. Цель получения качественной, содержательной информации, необходимой для развития социума, его экономических отношений или для реализации существенных потребностей личности, отсутствует или является второстепенной по сравнению с ценностью информационной

доступности. Вследствие такой переоценки ценностей важными характеристиками массовой информации стали новизна и способность развлечь того, кто ее воспринимает. В результате в современном обществе изменилось содержание понятия «быть информированным». Средства массовой информации фактически несут потребителю, по словам Постмана, дезинформацию, это не ложь, но информация, вводящая его в заблуждение, нерелевантная, фрагментированная, поверхностная; информация, которая создает у личности иллюзию познания предмета, о котором идет речь, но фактически уводит в сторону от истинного знания.

Поэтому так важен, по мнению Постмана, вопрос о психических, политических и социальных последствиях информационного воздействия на личность средств массовой информации, в первую очередь телевидения и компьютеров. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к проблеме экологии личности, ее целостности, сосредоточенности на ценностях и целях, глубинно важных для существования человека и человечества.

Иновационные технологии и средства передачи информации создаются в первую очередь с целью генерировать, хранить и распространять данные больших объемов с невиданной до этого времени скоростью. На вопрос о том, какую проблему решает информация, следует ответ: «Как получать и распространять как можно больше информации, быстрее и удобнее для потребителя». В результате информация получает метафизический статус, как средство и цель человеческого творчества. Ученый отмечает, что мы привыкли проводить жизнь в поисках доступа к информации, не задумываясь, какова цель получения информации и какого рода эта информация должна быть.

Как следствие океан окружающей нас повсюду информации стал источником информационного мусора: информации, не просто неспособной ответить на фундаментальные вопросы человеческого бытия, но бесполезной даже для решения повседневных «приземленных» проблем¹. Таким образом, медиаэкология и экология личности получают новую точку соприкосновения: «очищение» информации от бессмысленных и не имеющих интеллектуальной и практи-

¹ См.: *Postman N. Technopoly: The Surrender of Culture to Technology. N. Y., 1992, p. 69-70.*

ческой пользы данных неотделимо от качественных бытийных характеристик личности.

Иными словами, в среде, в которой процветает «технополия», разорвана связь между информацией и человеческим целеполаганием, т.е. информация появляется беспорядочно, никому конкретно не предназначенная, в огромных объемах, на высокой скорости передачи и распространения и одновременно оторванная от какой-либо теории, смысла и цели. В современной культуре идею прогресса человека заменила идея технологического прогресса, и цель потребления информации – не избавление от невежества и предрассудков, а приспособление к требованиям новых технологий.

Следует отметить, что идеи Постмана, раскрывающие проблемы экологии коммуникации в социально-коммуникативном пространстве, несмотря на, казалось бы, глубинные изменения и преобразования современного информационного общества являются актуальными и по сей день.

Ивлева М.И. Социально-коммуникативное пространство и экология коммуникации. В статье предпринимается анализ эволюции воззрений на природу социально-коммуникативного пространства, исходя из реалий современного информационного общества, а также рассматривается перспектива применения холистического информационно-экологического подхода на основе изучения воззрений Н. Постмана.

Ключевые слова: общество, личность, социально-коммуникативное пространство, холистический подход, информационная экология, экология коммуникации.

Ivleva M.I. Socio-communicative space and communication ecology. The article gives an analysis of the evolution of views on the nature of socio-communicative space, based on the realities of the modern information society. Also the future application of a holistic information-ecological approach based on the study of N. Postman views is considered.

Keywords: society, personality, socio-communicative space, holistic approach, information ecology, ecology of communication.

О.А. МАТВЕЙЧЕВ
*кандидат философских наук,
профессор Национального исследовательского
университета «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ)**

Философия как объект цензуры в Древней Греции

Философа в Древней Греции любили изображать персонажем едва ли не комическим. Неотмирность его занятий подчеркивали анекдоты о Фалесе, который вышел созерцать звезды, да забыл взглянуть под ноги и упал в колодец – к вящему удовольствию окружающих. Философы рисовались велеречивыми бездельниками, что, возлежа с бокалом сухого вина напополам с водой, рассуждали о небесах и непонятных принципах. Сократ, говорят, вина не разбавлял, пил его чистым, «по-скифски», и оттого прослыл мало того что философом, но еще и горьким пьяницей.

В самом глупом виде предстает афинский мудрец в комедии Аристофана «Облака», которая была поставлена в 423 г. до н.э. В своем жилище, именуемом «мыслильня», Сократ занимается со своими учениками совершенно оторванными от жизни предметами, выясняя, к примеру, путем умозрения, чем жужжит комар – гортанью или противоположным местом? И по всему выходило, что именно противоположным. Вместо олимпийских богов завсегдатаи «мыслильни» придумали поклоняться Облакам, что все время меняют обличье, и Вихрю, что гоняет их по небу. Небо же, согласно этим мудролюбцам,

*– это просто печь железная,
А люди в этой печке – словно уголь¹ .*

В общем, вряд ли можно было набраться у таких чего-то хорошего. Попробовал было один Стрепсиад – надоумили его мудролюбцы, как правильно кредиторов за нос водить – да сам потом и пожалел, когда сын его поколотил, дока-

* Матвейчев Олег Анатольевич, e-mail: OM777777@mail.ru

¹ Аристофан. Комедии; Фрагменты. М., 2008 с. 150.

зывая, что и это теперь позволено, коль скоро учат эти фалесы не чтить данных богами обычаев. Месь Стрепсиада страшна – он поджигает обитель философов, и те разбегаются с криками. Как отмечает А.В. Лебедев, имя Фалес употребляется Аристофаном в качестве нарицательного «применительно к Сократу в “Облаках”: “Так что же мы удивляемся тому Фалесу?” и Метону в “Птицах”: “Ну сущий Фалес”, как реакция обыденного сознания на экстраординарную ученость»¹.

Как объект насмешек выступают философы и у других афинских комедиографов – современников Аристофана – у Кратина в комедии «Всевидящие», у Амипсия – в «Конне», у Евполида – в «Льстецах». Характерно, что претензии к мудрецам выдвигаются все те же – отрицание богов, признаваемых в полисе, обожествление природных стихий и отвлеченных сущностей, занятие натурфилософией. В этом уличались даже софисты, о которых ныне принято утверждать, что именно они перевели философскую проблематику в антропологическую плоскость. Продик, в частности, характеризовался Аристофаном как «метеорософист», а Протагор был аттестован Евполидом как «богохульник, что бахвалится знанием обо всем, что на небе».

Интерес к природным явлениям служил в Элладе V-IV вв. до н.э., прежде всего в Афинах, признаком неблагонадежности. Физические науки воспринимались как дело пустое и бессмысленное, но главное – вредное: изучение небесных объектов могло вызвать гнев богов и навлечь бедствия на весь полис. О том свидетельствует Исократ: «У большинства людей утвердилось мнение, будто эти науки являются пустяковой и ничего не стоящей болтовней, ни одна из них якобы не приносит пользы ни в частных, ни в общественных делах, а знания эти не остаются в памяти учеников вследствие того, что им нельзя найти применения на протяжении всей жизни: эти знания не доставляют никакой помощи в делах, но полностью находятся за пределами всего того, что необходимо для человека»².

«В те времена, – утверждает Плутарх, – не терпели естествоиспытателей и любителей потолковать о делах заоб-

¹ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / Ред. А.В. Лебедев. М., 1989, с. 107.

² *Исократ. Речи. Письма* // Малые аттические ораторы. Речи. М., 2013, с. 356.

лачных – так называемых метеоролесхов. В них видели людей, которые унижают божественное начало, сводят его к слепым неразумным причинам, к неизъяснимым силам, к неизбежной последовательности событий»¹.

Потому и прозревший герой комедии Стрепсиад, предавая огню сократовский фронтистирион, обвиняет философа в богохульстве:

*Зачем восстали на богов кощунственно?
Следы Селены вы зачем пытаете?
Коли, руби, преследуй! Много есть причин,
А главное – они богов бесчестили!*²

Да и сам Сократ со временем пришел к подобному же мнению.

По указанию Ксенофонта мудрец «не советовал заниматься изучением небесных явлений, как бог производит каждое из них: этого, думал он, людям не удастся постигнуть, да и богам не доставит удовольствия, кто исследует то, чего они не захотели открыть»³.

Подозрения афинян по отношению к философам имели основания. Распространено мнение, восходящее к Платону, что Сократа якобы совершенно не интересовали натурфилософские проблемы – он был всецело сосредоточен на вопросах морали.

Однако тот же Платон свидетельствует, что Сократ живо интересовался космологическими идеями своих старших современников, в первую очередь Анаксагора. «С величайшим рвением принялся я за книги Анаксагора, чтобы поскорее их прочесть и поскорее узнать, что же всего лучше и что хуже», – признается платоновский Сократ в диалоге «Федон»⁴. Именно из трудов Анаксагора Сократ мог почерпнуть метафору неба как печи (если она, конечно, не была приписана ему Аристофаном) – называя Солнце раскаленной железной глыбой, Анаксагор использует слово, которое может быть переведено как «металлическая жаровня». Другой возможный источник – философия Гиппона, уподобив-

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1963, т. 2, с. 232.

² Аристофан. Указ. соч., с. 226.

³ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993, с. 149.

⁴ Платон. Собр. соч. В 4 т. М., 1993, т. 2, с. 57.

шего небо своду печи и за то высмеянного Кратинном в комедии с характерным названием «Всевидящие».

Популярность Анаксагора и его влияние на умы афинян второй половины V в. до н.э. трудно переоценить. Платоновский Сократ ссылается на него в своих диалогах походя, не вдаваясь в подробности и подразумевая, что учение его известно всем. То, что люди, незнакомые с учением Анаксагора, считались невеждами, достойными презрения, явствует и из речи Сократа на суде. Кроме того, отвергая обвинения Мелета в распространении среди молодежи учения, что «Солнце – камень, а Луна – земля», Сократ утверждал, что не стал бы приписывать эти мысли себе, ведь учение Анаксагора столь доступно, что любой может ознакомиться с ним, заплатив «не больше драхмы». Стоит отметить, что «драхма за книжный свиток» – цена по тем временам чрезвычайно низкая, это дневная зарплата рабочего на стройке. Для сравнения: Платон приобрел у Филолая три пифагорейские книги за сумму, в 10000 раз большую – 100 мин. Справедливости ради заметим, что книги пифагорейцев предназначались для внутреннего пользования и рядовому читателю были абсолютно недоступны. Так что, может быть, «оно того и стоило».

Анаксагор не просто первым начал излагать философское учение в общедоступной форме, в отличие от «темного» Гераклита и эзотеричного Пифагора. Собственно, именно он, выходец из Клазомен, и стал первым философом в истории Афин, города, прежде славившегося законодателями, полководцами, торговцами, но никак не метафизиками. С переездом Анаксагора в Афины «на аттическом дичке была прироста благородная ветвь ионической философии»¹.

Не удивительно, что афинские прорицатели увидели в Анаксагоре своего прямого конкурента, подрывающего их авторитет и благосостояние. В 432 г. до н.э. народным собранием была одобрена псефизма жреца Диопифа о том, «чтобы люди, не верующие в богов или распространяющие учения о небесных явлениях, были привлекаемы к суду как государственные преступники»². Асебия – религиозное нечестие, была признана одной из главных угроз для об-

¹ Кравчук А. Перикл и Аспазия. М., 1991 с. 98.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1961, т. 1, с. 219.

щества, построенного и сцементированного на основе антропоморфической религии.

Постановление было направлено, прежде всего, против Анаксагора, которому по суду грозила смерть. Перикл помог своему другу и учителю покинуть Афины и вернуться в Ионию. Философ поселился в Лампсаке, на восточном побережье Геллеспонта, ныне – турецкий город Лапсеки, известный как конечный пункт паромной переправы через Дарданеллы из г. Гелиболу.

Вскоре в Афинах на сочинение Анаксагора был наложен запрет, и, по свидетельству Плутарха, впредь оно «лишь тайно, с осторожностью передавалось из рук в руки отдельными лицами»¹. Таков был первый в истории зафиксированный случай распространения нелегальной литературы.

Псефизма Диопифа на долгий срок стала юридической базой для преследований философов. За сомнения в существовании человекоподобных богов были приговорены к смертной казни Диагор Мелосский (около 415 г. до н.э.) и Протагор (411 г. до н.э.) Обоим удалось сбежать от палачей. Протагор, впрочем, прожил после этого недолго, утонув в море. Книги же его в Афинах были запрещены и преданы огню. Асебия являлась главным обвинением и в процессах против Аспазии и Фидия (около 432 г. до н.э.), Диогена Аполлонийского (около 420 г.), Алкивиада (415 г.), Продика (400 г.), Андокида (399 г.), Сократа (399 г.), Демада (324 г.), Аристотеля (323 г.), Теофраста (319-315 гг.), Стильпона Мегарского (около 320 г.), Феодора Киренского (317-307 гг.) и др.

Насколько же справедливы обвинения в адрес философов, интересовавшихся природными явлениями, в том, что они не чтили веру предков и рушили старые традиции, вводя им взамен новые системы представлений? Другими словами, были ли основания уличать их в «модернизме»? Анаксагору и иже с ним вменялось в вину, что их боги не антропоморфны, но представляют собой стихии и небесные тела. Однако такого рода мировоззрение, скорее, характерно для более древних культур, и не исключено, что представления ранних греческих философов коренятся в гораздо более архаичном материале, чем олимпийская мифология.

Идея о самородности греческой философии и ее доктринальной чистоте, господствовавшая в философской исто-

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. 2, с. 232.

риографии со времен Э. Целлера, к середине XX в. практически ушла из философского обихода вместе с вопросом о пресловутом «греческом чуде», в свое время поднятом Э. Ренаном¹. Выяснилось, что, как и все на свете, греческая мысль имела свои источники. И источники эти находятся не только на Востоке, где искали свои корни еще сами греки.

Здесь встает вопрос: а кто именно оказывается объектом влияния? Кто такие греки как этнос? Являются ли заимствованные (привнесенные) темы, образы, идеи изначально чужеродными или они легли в подготовленную культурную почву?

Язык, на котором разговаривали древние греки, ученые относят к индоевропейской группе. Наиболее ранние документы на этом языке, написанные линейным письмом В, датируются XIV в. до н.э., но разговаривали на нем, безусловно, и раньше. Необходимо заметить, что факт грекоязычности линейного письма В – древнейшего слогового письма, образцы которого были обнаружены на артефактах микенской Греции, установлен в 1953 г. М. Вентрисом и Дж. Чедвуксом².

Вместе с тем значительная часть древнегреческих слов имеет явно неиндоевропейское происхождение. Лингвисты относят к ним, например, такие важнейшие понятия для жителей Средиземноморья, как море, олива, виноград, горох, вселенная, украшение, небо, навес, тиран, а также некоторые имена собственные – например Одиссей, Гермес, и топонимы – например Коринф, Тиринф, Кносс, Парнас. Этот местный субстрат принято называть догреческим, и это укладывается в распространенную, коренящуюся еще в античной традиции схему «вторжения греков», согласно которой греки были пришлыми индоевропейскими племенами, несколькими волнами вторгшимися на территорию Балкан в течение III-II тысячелетий до н.э.

В пользу того, что население Эгеиды в эпоху неолита и ранней бронзы по своему составу было неиндоевропейским, современные археологи, лингвисты, антропологи приводят самые разные аргументы. Так, крупнейший французский специалист по сравнительной мифологии Ж. Дюмезиль пришел к этому выводу в результате структурного анализа

¹ Ренан Э. Собр. соч. В 12 т. Киев, 1902, т. 10, с. 33-34.

² Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives // The Journal of Hellenic Studies, 1953, vol. 73, p. 84-103.

догреческой мифологии данного региона, показавшего отсутствие в ней традиционных для индоевропейцев троичных распределений.

Индоевропейские завоеватели превосходили аборигенов в техническом, военном, гуманитарном отношениях, владели искусством металлургии. Менее развитые племена, населявшие Эгеиду, перешли, как это всегда бывает в подобных случаях, на язык победителей, но и язык переселенцев питал в себя значительную часть субстратных слов, за счет чего образовался известный нам древнегреческий язык. Но язык – это не просто слова, но и определенное мировоззрение. Вместе с языком завоеватели дали протогрекам индоевропейскую религию и космогонию.

В трудах Ж. Дюмезиля, В. Буркерта, В. Топорова, А. Зайцева и других были выявлены общие мотивы и концепты древних индоевропейских религий. В разных обликах и под разными именами в них фигурируют отец Небо и мать Земля, Змей, глотающий Солнце и усмиряемый Героем, Молния, воплощающая гнев богов, Дождь – как аллегория оплодотворения и т.д. Главные боги индоевропейцев – природные стихии и небесные тела, они еще не персонифицированы. Отец Небо – это именно небо, имевшее значение «сиять, сверкать», «небо, день», к которому возводятся греческие понятия «божественный», «блистательный», «лучезарный». От того же корня образовано слово, означающее «светлых», небесных богов. От того же корня происходит и имя верховного бога в греческом пантеоне – Зевс¹.

Изучение неба и прочих природных стихий, коль скоро они были богами, и являлось теологией, наукой о божественном. Гипостазирование стихий произошло уже позже. Уже с середины до конца II тысячелетия до н.э. греки поклонялись богам, позднее вошедшим в олимпийский пантеон – Зевсу, Гере, Посейдону, Гермесу, Афине, Артемиде и другим, о чем свидетельствует дешифровка табличек, найденных в Кноссе и Пилосе², однако сам характер культа был иным. Микенские боги выступали в одной-единственной функции – как объекты жертвоприношений (не кровавых!) и служили олицетворением различных стихий.

¹ См.: Зайцев А.И. Греческая религия и мифология. СПб., 2005, с. 72; Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб., 2004, с. 35, 225.

² Чэдуик Дж. Дешифровка линейного письма Б // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976, с. 223-225.

Однако уже на исходе Темных веков мы видим совершенно иную картину: боги в прямом смысле спускаются с небес на землю, приобретают человеческие черты и повадки, а главное, «вступают» друг с другом в родственные отношения. Диос, прежде просто Небо, День, превратился в Зевса-Громовержца, отца большого семейства. Гера предстала женой Зевса, Посейдон и Аид – его братьями, Аполлон, Дионис, Арес, Гермес, Гефест, Афина и многие другие – его детьми от разных браков и внебрачных связей и т.д. Необходимо заметить, что статус верховного божества Зевс (Юпитер) сохранил лишь в греческой (римской) религии, в других религиях он был совершенно заслонен другими богами, например, индийский Дьяус – Индрой, Вишну, Шивой; древнеисландский Тюр – Один¹.

Представляется, что систематизация богов по семейному принципу, назначение каждому из них своего места в едином генеалогическом древе были осуществлены, так сказать, волюнтаристски. Для претворения подобной программы необходима единая воля, подобный процесс не может быть плодом многовекового спонтанного коллективного творчества, порождением «народного духа», как это преподносили романтики начала XIX в. Началась же эта систематизация, по всей вероятности, во времена Ликурга, полулегендарного законодателя, давшего Спарте законы, на которых в течение нескольких веков зиждилось ее политическое устройство. Задача преследовалась вполне конкретная: объединение греков под властью Спарты на основе формирования общественного согласия, важнейшим условием достижения которого было внесение единообразия в пеструю картину религиозных верований, существовавших в эллинском мире. В самом деле, если при заключении договора каждый клянется своими богами и ни во что не ставит богов контрагента, то о каком согласии, о каком доверии можно говорить?

Но по какому основанию возможно упорядочивание богов, чтобы быть принятыми всеми эллинами? Может быть, по распределению сфер компетенции, когда одному богу предписывается отвечать, допустим, за врачевание, другому – покровительствовать морякам и т.д.? Однако такой порядок вряд ли мог стать основой общественного консенсуса. В

¹ См.: Буркерт В. Указ. соч., с. 225; Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986, с. 146.

каждом городе развиты свои ремесла, везде – свой уклад жизни, моряки склонны более других богов чтить Посейдона, виноделы – Диониса. Единственный порядок, который знаком и понятен всем – это система родства. Мать, отец, сын, дочь, брат, сестра – эти понятия универсальны.

Процесс «очеловечивания» божеств, наделения их антропоморфическими признаками окончательно завершается уже у Гомера и в «Теогонии» Гесиода. «Здесь прежде разрозненный и запутанный олимпийский пантеон приобрел законченные формы. Теперь легенды о возникновении мира, великих битвах и взаимосвязи между богами и героями могли быть легко усвоены и положены в основу мировоззренческой матрицы. Благодаря этому создавалось единое культурное пространство эллинского мира. Отныне Греция – это то, где поклоняются греческим богам»¹.

Матрица кровнородственных связей богов довольно быстро была внедрена в систему образования. С VI в. до н.э. «Илиада» и «Одиссея» становятся обязательными для изучения. Эта система образования была распространена на весь греческий мир, о глубине ее проникновения свидетельствует Дион Хрисостом, в конце I в. н.э. обнаруживший утонченных знатоков Гомера в отдаленной греческой колонии в устье Днепра, Борисфене: «И, хотя сами они говорят по-гречески не совсем правильно, поскольку они живут среди варваров, но «Илиаду» почти все знают наизусть»².

Между тем, поскольку по историческим меркам антропоморфизация богов произошла стремительно, еще в VI-V вв. до н.э. была свежа память о временах, когда боги выступали в качестве неких трансцендентальных категорий – таких, как бытие, время, истина, вражда, необходимость. Отсюда и негодование Пиндара, Ксенофана и ряда других мыслителей, протестовавших против профанации старых богов и снижения трансцендентного до уровня земного.

Укорененность мыслителей того времени в древнюю традицию демонстрирует глубокая интеграция в их учения различных концептов, относящихся к индоевропейскому мировоззрению. Рассуждения Фалеса о воде как первоэлементе имеют в виду не эмпирическую воду, они касаются

¹ *Беляков А., Матвейчев О.* Троянский конь западной истории. СПб., 2014, с. 139-140.

² *Дион Хрисостом.* Борисфенитская речь, произнесенная Дионом на его родине. М., 1960, с. 94.

сущности воды – ее бесформенности, приемлемости, текучести, способности растворять другие вещества, самоожесточенности при смене агрегатных состояний и пр. Эти принципы, по Фалесу, и составляют фюзис сущего. Точно так же, по Анаксимену, фюзис сущего – метафорический воздух и т.д. Однако и вода, и воздух, и огонь концептуально связаны с целой системой верований, примет, сказаний, укорененных в древней традиции, носители которой использовали те же метафоры (за неимением разработанной философской терминологии) для объяснения природных закономерностей.

Те же функции выполняет и так веселившая Аристофана метафора печи, которая, как мы успели заметить, присутствует и у Анаксагора, и у Гиппона, а также у Гераклита в знаменитом фрагменте о том, что и возле печи есть боги¹. «Печи» Гераклита, Анаксагора, Сократа и Гиппона суть ипостаси древнего индоевропейского архетипа печи, понимаемой как модель мироздания.

Призыв философов к молодежи интересоваться тайнами мироздания, изучать природу стихий, законы движения светил – это и есть призыв заниматься настоящей наукой – причем, наукой более древней, чем гомеровская «санта-барбара». Отсюда – и обвинения в «развращении молодежи», воспитании в ней потребности к предельному вопрошанию в ущерб занятиям гимнастикой и военным искусством, отсюда – и стремление избавиться от философов, ставящих «ненужные» вопросы, как главной угрозы обществу. Сатира Аристофана и других комедиографов, высмеивавших философов за их идущие вразрез с установленной парадигмой взгляды, выполняла фактически те же функции, что и жреческая цензура. Защита системы представлений, скрепляющих общество, полагалась как задача первоочередной важности. И если в области публичной политики никаких запретов на высказывание собственного мнения не было – каждый мог на агоре критиковать Перикла, то область представлений о сверхчувственном контролировалась чрезвычайно ревностно.

В этом смысле можно констатировать полную безосновательность романтических представлений о Древней Элладе как родине свободомыслия. Критикуя своего шведского

¹ Матвейчев О.А. К вопросу об индоевропейской основе ранней греческой философии // Социально-гуманитарные знания, 2015, № 6, с. 112-126.

коллегу М. Нильссона, придерживавшегося «расхожей идеи о том, что в Афинах свобода мысли и речи была абсолютной», британский классический филолог Э. Доддс замечает, что Анаксагор и Протагор пострадали исключительно за свои теоретические взгляды, и, следовательно, «общество, которое запрещало одному из них описывать солнце как материальный объект, а другому – выражать сомнение в существовании богов, разумеется, не допускало “абсолютной свободы мысли”»¹.

Примечательно, что стигматизация философов происходила, как правило, при почти безоговорочном одобрении народа. Нападки на Сократа продолжались даже после его смерти. Известна речь софиста Поликрата, которую он составил через шесть лет после казни великого майевта, в ней были повторены фактически все тезисы стороны обвинения и сделан однозначный вывод о справедливости приговора. Примечательно, что учеником Поликрата был знаменитый Зоил, ставший символом злословия.

Способы обойти тотальную цензуру у философов, однако, имелись. Пифагорейцы и орфики старались свои идеи хранить в эзотерической форме. Именно герметичность этих сект позволила передать через поколения многие концепты древних времен. Составленное уже на исходе эпохи античности, по всей видимости, не ранее II в. н.э., собрание орфических гимнов все еще содержит стихи о богах как неких природных стихиях или персонифицированных отвлеченных понятиях (Хронос, Эфир, Хаос, Номос, Тюхе (Случайность) и др.), каковыми они являлись до антропоморфизации греческого пантеона.

В подобных сектах существовало несколько уровней посвящения, тайное учение передавалось, как правило, изустно и охранялось исключительно строго, за его разглашение, тем более в письменном виде, виновному грозило изгнание. Так поступили, например, пифагорейцы с одним из наиболее влиятельных членов общины Гиппасом, а позднее – с Эмпедоклом. Впрочем, утечек избежать не удалось, и, как это часто бывает, все решало звонкое серебро.

Как мы помним, три пифагорейские книги, полученные от Филолая, стоили Платону целого состояния – 100 мин (цена

¹ Доддс Э.Р. Греки и иррациональное. СПб., 2000, с. 291.

нескольких роскошных усадеб). Говорят, что именно из них афинский мудрец и списал своего знаменитого «Тимея».

Запрет на публикацию учения объяснялся не только желанием представителей мистических орденов сберечь свое сокровенное знание от профанов. В условиях тотальной религиозной цензуры и преследования инакомыслящих книга могла служить вещественным доказательством асебии ее автора и лишняя перестраховка не мешала. Цицерон свидетельствует, что процессы над «философами-безбожниками», прежде всего Протагором, заставили людей стать предельно осторожными в высказывании своего мнения, «поскольку даже сомнение не смогло избежать кары»¹.

Не случайно многие тексты античных времен не сохранили указаний об авторстве или были приписаны другому мыслителю (отсюда длинный список всевозможных Псевдо-Гераклитов, Псевдо-Аристотелей, Псевдо-Аполлодоров, Псевдо-Плутархов и прочих «продолжателей традиций»). И это при том, что к авторству греки относились весьма трепетно. Именно в античной Элладе появляется феномен авторской литературы – поэтов и философов начинает заботить вопрос личного признания.

Примечательно, что по спорному ввиду его односторонности мнению В. Виндельбанда, античные мыслители позднейших поколений имели склонность приписывать свои собственные произведения более древним философам «в силу своего желания придать своим учениям ореол древней мудрости»².

Если древневосточные тексты либо анонимны, либо приписаны какому-либо легендарному персонажу, то в Греции к вопросам копирайта подходят с большой щепетильностью. Уже Гесиод, стремясь закрепить авторство за своей «Теогонией» и тем увековечить свою славу, вставляет свое имя прямо в текст произведения³.

«Отмечается» в своем номе «Персы» Тимофей Милетский: «И вот Тимофей, вздыбив кифару в мере и ладе одиннадцати струн, отверзает залежь певчего сокровища в тереме Муз», попутно поминая и город, из которого он происходит. С указания на свое авторство начинают свои «Истории»

¹ Цицерон. Философские трактаты. М., 1985, с. 80.

² Виндельбанд В. История древней философии. Киев, 1995, с. 22.

³ Гесиод. Полное собрание текстов. М., 2001, с. 21.

Геродот: «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения» и Фукидид: «Фукидид афинянин описал войну персунесцев с афинянами, как они воевали между собой»¹.

Но, пожалуй, самый знаменитый случай заботы о своем приоритете связан с основателем ионийской школы. По рассказам древних, Фалес, установив соотношение между размерами солнца и длиной окружности, которую оно описывает, рассказал о своем открытии некоему Мандраиту из Приены. «Тот, придя в восторг от этой новой и неожиданной истины, предложил Фалесу просить любое вознаграждение за такой замечательный урок. “Для меня будет достаточным вознаграждением, – ответил мудрый Фалес, – если, пожелав сообщить кому бы то ни было о том, чему ты у меня выучился, ты не станешь приписывать этого открытия себе, но заявишь во всеуслышание, что оно сделано мною, и никем иным”»².

Не тщеславие, но жажда славы и желание быть впереди других становятся мощнейшим стимулом к научному и философскому творчеству, снискавшему беспрецедентную престижность, что и послужило, по мнению историка А. Зайцева, резкому всплеску гуманитарной активности в Греции VIII-V вв. до н.э.³. Однако уже в «золотой век» Перикла обнаруживается обратная тенденция, связанная с распространением цензуры в Афинах, реализовавших именно в это время давнюю (и долгое время безосновательную) претензию на главенствующее положение в греческом мире.

В эллинистическом мире актуальность и возможность правоприменения псефизмы Диопифа постепенно стали сходить на нет. В середине II в. до н.э. аттическая Греция ушла под власть Рима. Это время было отмечено кризисом «олимпийской» религии, несколько веков служившей скрепами греческого мира и совершенно подорванной в эллинистический период плюрализмом экспортных мировоззрений и мифологий, с которыми уже никто не боролся. Завоеватели положили в основу своей империи совсем другие принципы – военную мощь и совершенную систему коммуникаций. Феномен цензуры, касавшейся в Греции исключительно вопросов

¹ См: Тимофей. Персы // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980, с. 292; Геродот. История. Л., 1972, с. 11; Фукидид. История. Л., 1981, с. 11.

² Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. М., 1956, с. 349.

³ Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. СПб., 2000, с. 150-183.

мировоззрения, распространился на политическую жизнь. Впредь цензура, даже если на первый взгляд она касалась сугубо религиозных и мировоззренческих вопросов, имела в виду исключительно проблему удержания или завоевания власти, и цензурированию подвергались не теоретические взгляды, а их политические консеквенции.

Матвейчев О.А. Философия как объект цензуры в Древней Греции. Целью статьи является развенчание мифа об абсолютной свободе слова и совести в Древней Греции. Автором предлагается оригинальная концепция происхождения цензуры, первоначально касавшейся исключительно теоретической деятельности философов.

Ключевые слова: история философии, мифология, религия, Древняя Греция, индоевропейцы, досократики, цензура.

Matveychev O.A. Philosophy as an object of censorship in Ancient Greece. The purpose of the article is to debunk the myth of absolute freedom of speech and thought in Ancient Greece. The author proposes an original concept of the origin of censorship, which originally concerned exclusively the theoretical activity of philosophers.

Keywords: history of philosophy, mythology, religion, Ancient Greece, the Indo-Europeans, Presocratics, censorship.

А.С. МАРКОВ
*аспирант кафедры глобалистики факультета
глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова**

Роль ВАДА в политизации и коммерциализации спорта

Спорт является одним из важных факторов «мягкой силы»¹. По мере того как увеличивается влияние спортивных достижений на международный имидж страны, все чаще предпринимаются попытки поставить их под сомнение, а политизация спорта становится эффективным инструментом его дискредитации. Лозунг Пьера де Кубертена «О спорт, ты – мир!» уже давно забыт, а спортивное движение сегодня превратилось в поле для сведения политических счетов и в крупнейший коммерческий проект. Спорт сейчас – это возможность получения огромных прибылей и имиджевых дивидендов. «Хороших парней» там поощряют, прощая им использование наркотических средств и политическую вседозволенность, а «плохих парней» из России наказывают и представляют такими коррумпированными преступниками. Особенно в этом преуспело Всемирное антидопинговое агентство (ВАДА), сумевшее исключить Россию из своих структур, а также выработавшее массу правил и исключений, не всем известных и доступных. Сегодня основной удар по имиджу РФ, лишивший страну возможности продвигать спортивное движение, мешающий извлекать имиджевые дивиденды из привлекательности достижений российских спортсменов, нанесен именно ВАДА. Ярким примером имиджевого урона от действий агентства может служить ситуация вокруг Олимпийских игр-2018 в Пхенчхане, где атлеты из России были вынуждены выступать под нейтральным флагом, носить белую олимпийскую форму и слушать стоя на пьедестале не гимн своей страны, а олимпийский гимн. Долгосрочная перспектива такая: через много лет все подробности этого скандала будут забыты и останется сухой факт из

* Марков Александр Сергеевич, e-mail: alexmarkov19@gmail.com

¹ *Леонова О.Г.* «Мягкая сила», её индикаторы и инструменты измерения // *Экономика и управление: проблемы, решения* (Научно-практический журнал), 2017, февраль, № 2, т. 2(62), с. 17.

истории: Российская Федерация не выиграла ни одной награды на Играх в Пхенчхане. Все это также нанесло очень серьезный удар по «мягкой силе» России.

Всемирное антидопинговое агентство было создано в ноябре 1999 г. после допинговых скандалов на Тур де Франс-1998. Цели данной организации самые гуманные: она проводит научные изыскания в области влияния разных препаратов на физическое состояние спортсменов, утверждает международные нормы и стандарты, разрабатывает и реализует образовательные программы, выполняет аккредитацию допинг-лабораторий, осуществляет мониторинг выполнения Международного антидопингового кодекса. Сегодня вышеуказанными целями в своей работе руководствуются более 660 организаций, а Международный олимпийский комитет регулярно выделяет ВАДА финансовые средства. Действующий президент ВАДА – это одновременно и вице-президент МОК Крейг Риди. По некоторым данным члены семьи главы ВАДА получили в период с зимы 2015 г. по осень 2016 г. почти 1 млрд долл. на счета подконтрольных им организаций от международных спортивных федераций или структур, близких к спортивным федерациям. Даты переводов коррелируют с датами одобрения ВАДА применения допинга отдельными спортсменами этих федераций. Об этом сообщает корреспондент Федерального агентства новостей из Нью-Йорка¹.

Еще имеются национальные антидопинговые организации (НАДО), которые включают 139 ведомств. В сферу их обязанностей входят сбор и проверка проб спортсменов во время, а также до и после соревнований. Но все они очень зависят от головной организации ВАДА, так как находятся под ее постоянным контролем, и их работа может быть остановлена из-за несоответствия Кодексу до момента устранения нарушений. Так, например, 8 ноября 2015 г. в список не соответствующих Кодексу организаций попали антидопинговые ведомства России (за уничтожение допинг-проб), Андорры, Израиля (за несоответствие положений Кодекса и антидопинговых правил ведомств), Аргентины, Боливии и Украины (за проведение тестов в неаккредитованных лабораториях). Кро-

¹ *Машкин Д.* Взятки для WADA: спортивные федерации заплатили людям Крейга Риди почти миллиард долларов, http://trueinform.ru/modules.php?name=Laid&sid=4250&_url_t=j; <http://obshestvomt.ru/blog/43083146916/Vzyatki-dlya-WADA-sportivnyie-federatsii-zaplatili-lyudyam-Krey> (дата обращения: 21.04.2017)

ме того за антидопинговыми комитетами Испании, Франции, Бразилии, Бельгии, Греции и Мексики был установлен «особый контроль». Однако все комитеты и лаборатории были оправданы и не понесли наказания в виде отстранения от соревнований. Все, кроме России, где ряд спортсменов в нескольких видах спорта отстранили от Олимпийских Игр, что является беспрецедентным наказанием и никак не согласуется с духом олимпийского движения. И это на фоне того, что многие западные спортсмены принимают сильнейшие препараты на протяжении десятилетий, что помогает им зарабатывать десятки миллионов долларов.

Попытки не допустить всю российскую сборную к участию в Олимпийских играх 2016 г. стали почти катастрофой, потому что более ста тяжелоатлетов, легкоатлетов, пловцов, гребцов и представителей некоторых других видов спорта не пустили на соревнования. Особенно ВАДА отыгралась на паралимпийцах, которые вообще не были допущены к соревнованиям. Это была показательная политическая экзекуция, которой подверглись лишь представители России.

Почему это стало возможно? Во-первых, многие международные спортивные организации находятся на финансовой игле крупных западных компаний, которые в свою очередь извлекают из спортивных мероприятий неплохую прибыль. Также хорошие дивиденды приносит торговля спортивными брендами и разрешенными ВАДА препаратами. Россия почти не представлена в этих организациях и не может влиять на процесс принятия решений. Кроме того в последнее время олимпийское движение стало монополистом, представляющим западные страны, а значит, имеет рычаги как политического, так и экономического давления и даже шантажа. ВАДА и ФИФА (Международная федерация футбола), пользуясь своим монопольным положением, оказывают беспрецедентное давление на Минкомспорта и российские спортивные федерации. Большинство обвинений совершенно не подкреплено фактами, место которых занимают какие-то намеки на якобы имеющиеся сведения.

ВАДА вынуждено было признать выдачу разрешений на использование сильнодействующих препаратов после появления в открытом доступе результатов допинг-тестов нескольких американских спортсменов и спортсменов. Все они получили разрешение ВАДА на прием запрещенных веществ в соответствии с «исключениями для терапевтичес-

кого использования», т.е. фактически получили «лицензию на допинг», что особенно возмутительно в случаях сестер Уильямс и олимпийских чемпионки С. Байлз и Е.Д. Донн, которые принимали наркотикосодержащие вещества. ВАДА признает, что есть ситуации, когда различные заболевания или патологические состояния атлетов требуют приема различных препаратов. Спортсмен может получить TUE (Therapeutic Use Exemption), доказав следующее: препарат нужен для лечения экстренного или хронического состояния; это не даст спортсмену дополнительного спортивного преимущества; нет альтернативы данному веществу; потребность в препарате не обусловлена применением запрещенных препаратов в прошлом.

Если хотя бы гипотетически предположить, что после утечек данных о массовом злоупотреблении допингом или накануне проверок пропали пробы российских спортсменов, то бурная международная реакция на это была бы предсказуема. Однако в конце июля 2016 г. именно так и произошло с американскими пробами. «В результате неосторожных действий сотрудницы клининговой компании Всемирное антидопинговое агентство (WADA) лишилось всех образцов проб американских спортсменов, выступавших за сборную США с 1990 года», – передаёт новостное агентство BBC¹. Дело в том, что одна из уборщиц в ВАДА осуществляла уборку американской секции и задела стеллаж с американскими пробами, после чего он упал, увлекая за собой другие стеллажи. В итоге она разбила более 30 тыс. пробирок. Остальные пробирки с пробами не подлежат даже идентификации, так как хранились в подписанных и пронумерованных ячейках, а на самих пробирках информации не было. В результате нет ни одного образца проб американских спортсменов, выступавших за сборную США с 1990 по 2016 гг. Причем инцидент произошёл в преддверии посещения офиса ВАДА совместной австро-российской делегацией микробиологов и биохимиков для проведения сравнительного анализа проб российских спортсменов с пробами американских!

Можно привести примеры ситуации, когда имело место вопиющее нарушение, а спортсмен получил разрешение ВАДА. Вышеупомянутые спортсменки получали препараты,

¹ BBC: WADA утратила пробы американских спортсменов <https://after-shock.news/?q=node/421209&full>

производные от тех средств, которые включены в абсолютно «черный список»: анаболики для роста мышечной массы (У. Уильямс), гормоны и родственные им вещества для усиления метаболизма, стрессоустойчивости, выносливости, насыщения крови кислородом (Е.Д. Донн). Почти вся норвежская сборная по лыжам и биатлону принимает запрещенные стимуляторы бета₂-адренорецепторов. В американской сборной активно используются мочегонные средства для ускорения выведения запрещенных веществ, а также маскировочные методики, увеличивающие кислородную емкость крови; для достижения спокойствия и психологической устойчивости во время соревнований используются бета-адреноблокаторы.

Однако не только США, но и некоторые западноевропейские и развивающиеся страны активно используют допинг. Основная причина этого – экономическая. Все: зрители, спонсоры, компании, бизнесмены ждут новых рекордов и адреналина, который позволит прибавить зрелищности жизни современного общества. А спортсмены, их тренеры и спортивные чиновники хотят денег, которые могут принести лишь высокие результаты, рекорды. Однако возможности человеческого организма ограничены, и поэтому для рекордов допинг принимают практически все, а лаборатории соревнуются, синтезируя новые «хитрые» препараты.

Сейчас уличить в применении допинга можно практически любого спортсмена даже на основании применения капель от насморка (М. Алоян), и антидопинговые санкции становятся мощным инструментом спортивных «разборок». Эти разборки могут возникнуть по экономическим или политическим причинам. Можно легко представить ситуацию, когда на основании инсайдерской информации начинают громкие разоблачения в определенной стране, часто в такой ситуации оказывается Россия. ВАДА окончательно превращается из организации, которая следит за здоровьем спортсменов, в организацию, которая собирает компроматы. Так, 20 ноября 2016 г. ВАДА заявило, что намерено разработать специальный сайт и мобильное приложение для информаторов, готовых на правах анонимности сообщать о допинговых нарушениях.

То, что скандалы ВАДА вокруг России носят заказной политизированный характер, стало очевидным в ходе работы комиссии Макларена. Исследование было недешевым,

агентство выделило комиссии Макларена на расследование почти 1,5 млн. долл., но в своем продолжительном выступлении он не привел ни доказательств, ни имен спортсменов, уличенных в допинге. На вопрос из зала о том, как быть с зарубежными звездами спорта, которые легально принимали запрещенные препараты с согласия антидопингового агентства, и будут ли проведены аналогичные расследования в отношении других стран, Макларен честно ответил: «Фокус моей работы был сосредоточен только на России». Это – яркий пример политики двойных стандартов. Чтобы решить эту проблему, нужно создать новую абсолютно открытую структуру и привести все допинг-требования к единым стандартам. Совершенно очевидно, что сегодня спорт – это серьезная политика, огромные деньги и давление, которое на себе испытывают страны и их спортсмены.

На основании проведенного исследования можно сделать аргументированный вывод о наличии ярко выраженных политических и коммерческих интересов, которые полностью подчинили международное спортивное движение. Ведущую роль в этом процессе играет ВАДА, которое отошло от благородных идеалов и лишь обслуживает крупные корпорации, получающие основные дивиденды от высоких результатов спортсменов, подсевших на допинг. Однако и сами западные государства извлекают выгоду из рекордов своих спортсменов, поскольку в нашем мире идентичность фанатов какого-то клуба или спортсмена для многих заменяет национальную идентичность, становится своего рода религией и способствует через спортивные рекорды и победы формированию образа выдающейся державы, повышая тем самым «мягкую силу» страны.

Марков А.С. Роль ВАДА в политизации и коммерциализации спорта. Статья посвящена анализу роли Всемирного антидопингового агентства в современном спорте, его влиянию на международный спортивный и политический ландшафт.

Ключевые слова: ВАДА, допинг-скандалы, доходы от соревнований, имидж на международной арене, политизированный подход.

Markov A.S. WADA: Politicization and Commercialization of Sport. The article analyses the role of the World Anti-doping Agency in modern sport, and its impact on sport and political landscape.

Keywords: WADA, doping-scandals, profits from competitions, image on world arena, politicized approach.

Ю.А. ГРИНЕВА
*аспирантка кафедры ЮНЕСКО по изучению
глобальных проблем факультета глобальных
процессов МГУ имени М.В. Ломоносова**

Эволюция миграционной политики Италии на рубеже веков

Политика выдворения стала основой нового закона об иммиграции, принятого итальянским парламентом 6 марта 1998 г. (закон 40/1998, или «закон Турко – Наполитано», названный так по фамилиям двух министров – социальной солидарности (Л. Турко) и внутренних дел (Дж. Наполитано))¹ и разработанного левоцентристским правительством Р. Проди. Он представлял собой законодательную меру, направленную на урегулирование иммиграции и, как отмечает итальянский специалист К. Коданьоне, его можно рассматривать в качестве лучшего примера принципа «никакой иммиграции без контроля, но и никакого контроля без интеграции»², поскольку он включает в себя, с одной стороны, ограничительные и даже совсем недемократические меры контроля, а с другой – достаточно либеральные принципы, цель которых – полная интеграция иммигрантов в итальянское общество. Таким образом, закон 40/1998 имеет весьма противоречивый характер.

Если говорить о внешних средствах контроля, то важно подчеркнуть, что «закон Турко – Наполитано» меняет само понимание границы как разделительной линии не только в пространстве, но и во времени. Это означает, что предпочтение в нем отдается отказу в пересечении границы как приоритетному и эффективному механизму в противовес выдворению лица, уже пересекшего границу и находящегося на итальянской территории. Согласно ст. 2 закона 40/1998

* Гринева Юлия Александровна, e-mail: grineva-yulia@mail.ru

¹ URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/980401.htm> (дата обращения: 22.10.2017).

² URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a039.htm> (дата обращения: 20.09.2017).

предусматривается возможность отказать в пересечении границы всем тем, кого «останавливают в момент пересечения или непосредственно после пересечения»¹. Таким образом, итальянское миграционное законодательство подтверждает тот факт, что для европейских государств отказ в пересечении границы является более приоритетной мерой, чем выдворение.

Более того, отказ во въезде на территорию Италии сразу же после пересечения границы в соответствии с рассматриваемым законом теперь распространяется на лиц, присутствующих на этой территории в результате осуществления временных гуманитарных операций по их спасению. Эта мера, которую итальянские власти уже вводили во время всеобъемлющего албанского кризиса 1997 г., когда, спасаясь от анархии, тысячи албанцев устремились в Италию через Адриатику, нацелена на предотвращение реализации иммигрантами стратегии, которой они следовали в случаях с островами Лампедуза и Пантеллерия. Смысл этой стратегии заключался в том, чтобы добраться до итальянской территории и постараться там закрепиться в лагерях для мигрантов². В связи с чем названные острова уже стали в Италии нарицательными и приобрели дурную славу мест, где хозяйничают мигранты и где местному населению опасно находиться. Напомним также, что на эти два средиземноморских острова Италии прибывают главным образом мигранты из Африки, что связано с их географическим расположением.

До конца 90-х гг. XX в. в Италии существовал постоянный серьезный разрыв между количеством уведомлений о выдворении и числом осуществленных выдворений. Такая неблагоприятная ситуация складывалась в основном вследствие двух причин. Во-первых, после того, как принималось решение о выдворении, Италия делала запрос о репатриации иммигранта в страну его происхождения, которая должна была дать свое согласие. Для этого страна происхож-

¹ Ibidem.

² URL: <http://www.dw.com/ru/%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D1%83%D0%B7%D0%B0-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%BF%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%BA-%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%B2/a-18272455> (дата обращения: 24.10.2017).

дения сначала устанавливала личность иммигранта, что требует обычно много времени из-за бюрократической волокиты¹. Во-вторых, для того, чтобы остаться на территории Италии, иммигранты очень часто сообщают властям недостоверную информацию о себе (имя, национальность, страну, из которой прибыл). В связи с этим даже после того, как решение о выдворении вступает в силу (обычно после подачи мигрантами апелляции), проходит несколько месяцев, прежде чем репатриация становится возможной. При этом до принятия нового закона в ожидании своей репатриации выдворяемый иммигрант не мог быть задержан. Как результат многие из таких иммигрантов просто скрывались, оставаясь на территории Италии и пополняя различные криминальные структуры, становясь частью преступного сообщества².

Все вышеотмеченное способствовало тому, что в закон 40/1998 были включены положения, направленные на повышение эффективности выдворения:

- сокращение видов решений о выдворении до двух – исключительного выдворения по решению, которое принимается только Министерством внутренних дел в целях обеспечения общественного порядка и безопасности, а также выдворения по распоряжению префекта в отношении лиц, которые либо въехали в Италию без документов, либо не продлили вид на жительство, либо оказались «социально опасными»;
- уменьшение юридических гарантий для мигрантов;
- создание сети центров временного заключения под стражу для лиц, решения и распоряжения о выдворении которых не могут быть немедленно выполнены;
- подписание соглашений с основными странами Африки и Азии, являющимися для Италии источниками исхода иммигрантов, о возвращении нелегалов на родину³.

Необходимо также подчеркнуть, что, подтверждая тенденцию, которая была намечена предыдущим итальянским миграционным законодательством, «закон Турко – Наполитано» не касается проблем рынка труда и контроля над нелегальной

¹ URL: <http://www.blitzquotidiano.it/cronaca-italia/immigrazione-prima-bossi-finiturco-napolitano-ecco-cosa-diceva-1686040/> (дата обращения: 20.10.2017)

² URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a039.htm> (дата обращения: 20.10.2017)

³ URL: <http://www.camera.it/parlam/leggi/980401.htm> (дата обращения: 22.10.2017)

занятостью в теневой экономике. Введение механизма годового квотирования на легальный въезд, приоритет при котором отдаётся прежде всего устройству на работу, т. е. рабочей миграции, можно расценивать скорее в качестве формальной меры¹. И, как показывают споры в ЕС по проблеме квотирования, в условиях наплыва мигрантов эту меру сложно реализовать на практике. Это обстоятельство подтверждается следующим фактом: после того как итальянское правительство установило в соответствии с положениями закона 40/1998 квоту на въезд в 1998 г. – 38 тыс. человек, подавляющее количество заявлений, поданных в рамках этой квоты главным образом иммигрантами, уже живущими в Италии, стало причиной принятия очередной программы амнистии, пятой за 16 лет (после уже реализованных ранее четырёх амнистий 1982 г., 1986-1988 гг., 1990 г. и 1995-1996 гг.)².

Приход к власти в Италии в 2001 г. правоцентристской коалиции «Дом свобод» под руководством С. Берлускони³ стал ключевой внутренней причиной для пересмотра разработанного левыми демократами закона 40/1998, основной внешней предпосылкой стало значительное нарастание миграционных, в том числе нелегальных, потоков в Италию на рубеже веков. Старший научный сотрудник ИНИОН РАН И.Г. Животовская подчеркивает: «Необычна скорость, с которой Италия превращается в страну массовой иммиграции. Если в 1991 г. здесь официально насчитывалось 652 тыс., а в 2001 г. – 1,3 млн. иммигрантов, то на 31 декабря 2010 г. их было зарегистрировано уже 4,57 млн. (7,5% общей численности населения). Это один из самых высоких показателей среди стран-членов ЕС... С учетом нелегальных мигрантов, численность которых, по разным оценкам, колеблется от 500 до 800 тыс. человек, общее число иностранных граждан, живущих и работающих в Италии, приблизилось к 5,3 млн. ...»⁴.

Принимая во внимание удвоение за последнее десятилетие XX в. иммигрантов в Италии, правоцентристское правительство С. Берлускони разработало и провело через пар-

¹ Ibidem.

² URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a039.htm> (дата обращения: 20.10.2017)

³ Colarizi S. Storia politica della Repubblica. Partiti, movimento e istituzioni. 1943-2006. Roma-Bari, 2007, p. 240-248.

⁴ URL: http://www.perspektivy.info/book/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracijej_2012-01-13.htm (дата обращения: 11.09.2017)

ламент в 2002 г. закон № 189/02 («закон Босси – Фини», названный так по фамилиям министра реформ и деволюции У. Босси и заместителя председателя правительства Дж. Фини), который ужесточил положения предыдущего иммиграционного закона от 1998 г.¹. Этот документ, в частности, ввёл такие рестриктивные меры, как усложнение процедуры воссоединения семей мигрантов и сокращение круга беженцев, имеющих право на убежище.

Данный закон обусловил присутствие мигранта на итальянской территории трудовым контрактом. Кроме того, прежде чем въехать в Италию, иммигрант должен заключить с работодателем контракт на пребывание, согласно которому работодатель обеспечивает работнику место проживания и оплату обратной дороги на родину. Если итальянский работодатель трудоустраивает иммигрантов, то он платит взнос государству от 330 до 800 евро, а трудоустройство нелегального мигранта карается штрафом в 5 тыс. евро и даже тюремным сроком от 3 месяцев до года². Таким образом, работодатель несет большие финансовые расходы и социальную ответственность за иммигранта, что ставит заградительный барьер на пути миграции.

Именно контракт на пребывание является согласно «закону Босси – Фини» единственным основанием для получения вида на жительство в Италии, а иммигранты, которые не имеют виз, направляются в течение 60 дней в центры временного заключения под стражу для установления их личности, в противном случае их высылают из страны с лишением на 10 лет права на въезд в Италию³. Следовательно, статьи рассматриваемого документа сокращали возможности для пребывания на итальянской территории и были направлены на выдворение мигрантов, являясь таким образом продолжением и развитием положений закона «Турко-Наполитано».

Однако то обстоятельство, что работодатель может трудоустраивать иммигрантов без визы, т. е. нелегалов, если они работают домашней прислугой или ухаживают за престарелыми и больными, наглядно демонстрирует, что закон №189/02 был так же противоречив, как и два предыдущих законодательных документа, регулирующих миграцию и при-

¹ URL: <http://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:legge:2002-07-30;189!vig> (дата обращения: 21.09.2017)

² Ibidem.

³ Ibidem.

нятых в Италии в 90-е гг. XX в. Компромиссный характер «закона Босси – Фини» обуславливался тем фактом, что лидеры двух самых правых партий правительственного большинства, разработавшие текст документа, – «Лиги Севера» (У. Босси) и «Национального альянса» (Дж. Фини) вынуждены были считаться с правоцентристскими партиями коалиции С. Берлускони¹. В пользу внутрикоалиционной борьбы как причины смягчения положений документа говорит и то, что его принятие сопровождалось пятой, самой крупной амнистией, в результате которой удалось легализоваться более чем 640 тыс. нелегальных мигрантов, причем 59% из них приходилось на нелегалов из государств Центральной и Восточной Европы: граждан Румынии (20,4%), Украины (15,2%), Албании (7,7%), Польши (4,9%) и Молдавии (4,4%)².

После победы на выборах в 2006 г. левоцентристская коалиция включилась в борьбу за пересмотр закона №189/02 в сторону смягчения его положений, но потерпела неудачу как по причине своей внутренней политической неустойчивости, так и ввиду того, что на фоне увеличения иммиграционных потоков большинство итальянского общества не приветствовало либерализацию миграционной политики. Согласно опросу, проведённому Институтом общественного мнения в 2007 г., 40% итальянцев воспринимали иммигрантов как угрозу, а 28% полагали, что они отнимают у жителей Италии рабочие места.

Гринева Ю.А. Эволюция миграционной политики Италии на рубеже веков. В статье рассмотрена проблема развития миграционного законодательства Италии на рубеже XX-XXI вв.

Ключевые слова: Франция, Италия, «закон Турко – Наполитано», «закон Босси – Фини», Европейский Союз.

Grineva Y.A. Evolution of the migration policy of Italy at the turn of the centuries. The article studies the problem of the Italian migration legislation at the turn of the 20th and 21st centuries.

Keywords: France, Italy, "Turko – Napolitano law", "Bossi – Fini law", European Union.

¹ Животовская И.Г. Иммиграционный вопрос в общественной и политической жизни Италии (1980-2012). (Обзор) // Актуальные проблемы Европы, 2012, № 4, с. 215-216.

² URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/4/opyt-legalizacii-nelegalnyh-migrantov-italii> (дата обращения: 15.09.2017).

Э.С. ВОСКАНЯН
*преподаватель кафедры геополитики
факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Концептуальные подходы к исследованию «цветных революций»

«Цветные революции», произошедшие в начале нового тысячелетия в суверенных государствах Европы, Африки и Ближнего Востока, стали не только частью истории, но также и поводом для их исследования. «Цветная революция» как довольно устоявшееся социально-политическое явление широко изучается в политической науке, в которой прослеживаются различные концептуальные подходы.

Особенно популярной стала данная тематика в связи с «цветными революциями» на постсоветском пространстве (Украина, Грузия, Киргизия) и изменением геополитической ориентации отдельных государств, которые традиционно находились в сфере стратегических интересов России, в сторону Запада.

Большой вклад в исследование этого неоднозначного и сложного по природе своей явления внес А.В. Манойло. Также изучением феномена «цветных революций» занимались И.С. Шегаев, В.П. Журавель, Г.Э. Гапич, Д.А. Лушников и другие ученые по всему миру.

В настоящее время существует широкий спектр мнений и позиций относительно трактовки понятия «цветная революция». Одни исследователи полагают, что «цветная революция» – это организация государственного переворота, своеобразные технологии в условиях искусственно созданной нестабильности, когда давление на власть осуществляется в форме политического шантажа, а инструментом шантажа выступает молодежное протестное движение, организованное по специальной сетевой схеме. Приверженцами этого подхода являются политологи А.В. Манойло, А.Э.

* Восканян Эвелина Самсоновна, e-mail: evelina.voskanyan@mail.ru

Гапич, Д.А. Лушников, С.Н. Гриняев, профессор Калифорнийского университета Д. Голдстоун и многие другие.

Другие ученые считают, что «цветная революция» – это процесс демократизации и «пробуждения народа», когда происходит сознательный выбор в пользу западной модели развития как норматива и ориентира для общественного устройства. Он подразумевает ненасильственное изменение политической системы государства с дальнейшими социально-политическими преобразованиями. При этом моральным основанием внешнего вмешательства становятся требования соблюдения прав человека, так как именно они относятся к сфере действия международного права, а также требования обеспечить деятельность демократических институтов, сменяемость власти и недопустимость борьбы с оппозицией. Данной теории придерживаются американский политолог Зб. Бжезинский, профессор А. Стент, бывший посол США в Российской Федерации М.Э. Макфол, американский политолог, профессор Университета Джорджа Вашингтона Г. Хейл и др.

Таким образом, исследователи выдвигают разные концепции относительно социально-политического характера «цветных революций». Между тем есть сходные взгляды, которые в качестве причин этого явления в разных странах выделяют: политический кризис государства в условиях экономического спада; дестабилизацию социальных отношений из-за экономического кризиса; нищету и отсутствие среднего класса; нарушения прав человека.

Однако «цветные революции» происходят избирательно и не во всех государствах, где присутствует политический и экономический кризис. В данном случае можно согласиться с А.В. Манойло и В.П. Журавель, которые отмечают, что «модель, лежащая в основе цветной революции, одна: создание протестного движения, превращение его в политическую толпу и направление ее агрессии на действующую власть с целью заставить ее добровольно уйти с государственных постов и отказаться от управления страной. Такое давление на власть всегда происходит в форме шантажа, выдвигания ультиматумов под угрозой массовых погромов и – реже – физических расправ с инакомыслящими. Если власть начинает сопротивляться, цветная революция переходит в фазу вооруженного мятежа. Иногда этот

мятеж сопровождается вооруженной интервенцией со стороны западных стран, как это было в Ливии...¹.

Кроме того технологии современных «цветных революций» направлены на расшатывание и дестабилизацию обстановки в стране (регионе) и поддержание неустойчивого равновесия до создания необходимых условий для гарантированной смены режима или других спланированных изменений. Такую технологию называют «резонансной», или «технологией управляемого хаоса»².

Технология управляемого хаоса основана на непрямом вмешательстве во внутренние дела другой суверенной страны, воздействию на наиболее слабые стороны жизни с последующим их усугублением, что в итоге приводит к дестабилизации ситуации. При этом достигаются существенные результаты при незначительной затрате средств и ресурсов.

Как отмечает А.В. Манойло, «последний пример эволюционного прорыва в англосаксонских технологиях организации цветных революций – это цветные революции на Ближнем Востоке и в Северной Африке (декабрь 2010 г. – наст. вр.), более известные под общим названием «революций Арабской весны», в которых к классическим технологиям «мягкой силы» и формирования политической толпы добавилась технология «управляемого хаоса» – для «атомизации» традиционных восточных обществ с целью освободить их членов от предоставляемой этими обществами защиты и сделать их более восприимчивыми для внешнего управляющего воздействия»³. При этом, как утверждает автор, «волна «управляемого хаоса» сегодня вплотную подошла к российским рубежам, захлестнув Украину.

Таким образом, события «Арабской весны» и переворот на Украине в 2014 г. показывают, что смена политических режимов в этих странах происходила по однотипному сценарию. А.Э. Гапич, Д.А. Лушников определяют его как эверсионный

¹ Манойло А.В., Журавель В.П. Европейский Союз перед угрозой новой волны террористических актов и цветных революций // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2015, №3, с. 58.

² Ирегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / Под общ. ред. С.Н. Гриняева. М., 2015, с. 200.

³ Манойло А.В. Стратегии «управляемого хаоса» в условиях хаотизации международных отношений: миф или реальность? // Мировая политика, 2014, №1, с. 3.

(от лат. *eversio* – переворот). Под эверсионными технологиями понимается совокупность форм, способов, методов и механизмов, используемых различными акторами в политической борьбе для дестабилизации политической ситуации¹.

Типовой сценарий «цветных революций» включает в себя следующие технологии: организацию информационной войны; вербовку лидеров и активных участников оппозиционных партий; подстрекательство к совершению противоправных действий и управление толпой в массовых беспорядках путем применения сетевых технологий и т.д.

Элементами новизны в последних «цветных революциях» стали активное применение современных информационных технологий – интернета, социальных сетей Facebook, Twitter, WhatsApp и поддержка местных и зарубежных СМИ. Также протестные демонстрации сопровождалась в той или иной мере массовыми культурными мероприятиями – рок- и поп-концертами, помогавшими мобилизовать, сплотить и развлечь многочисленную аудиторию.

Кроме того появление нестабильности во многих странах мира связано, по мнению А.В. Манойло, с политическими конфликтами в международных отношениях. Он пишет: «Предмет политического конфликта в международных отношениях – противоречия, возникающие в результате осуществления различными акторами международных отношений функций политического руководства системой международных отношений и управления мировым политическим процессом»². При этом мировые акторы в лице США ставят своей целью управление политическими режимами в масштабах целых регионов всего Ближнего Востока, всей Центральной Азии, всей Северной Африки и т.д.

Хотелось бы кратко рассмотреть концепцию, которой придерживается известный польский социолог П. Штомпка. По его мнению, «революции представляют собой наиболее яркое проявление социальных изменений. Они знаменуют собой фундаментальные переломы в исторических процессах, преобразуют человеческое общество изнутри и буквально

¹ См.: *Галич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии цветных революций. М., 2010, с. 132.

² *Манойло А.В.* Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике // Мир и политика, 2013, № 2, с. 71.

но «перепахивают» людей»¹. Автор заключает, что революции порождают такие положительные явления, как всплеск массовой активности, надежды на светлое будущее, энтузиазм граждан в участии в политической жизни страны, возникновение чувства силы и обретение смысла жизни.

После череды «цветных революций» 2003-2005 гг., в ходе которых к власти пришли оппозиционные силы, многие эксперты заговорили о начале подлинных демократических процессов в ряде стран. К примеру, известный американский политолог Г. Хейл предложил термин «патрональное президентство» и проанализировал результаты «цветных революций».

Цветные революции, считает Г. Хейл, являются следствием патронального президентства, когда президент становится непопулярным, а представители политических элит начинают между собой борьбу за власть с помощью своих избирателей. В результате этой борьбы, по сути переходящей в «цветную революцию», к власти приходит лидер, который создает эффективную систему сдержек и противовесов. Она же уничтожает самую суть политики патронального президентства, построенной по принципу «победитель получает все»².

Политолог и бывший посол США в РФ М. Макфол «цветные революции» рассматривает как продолжение демократических революций конца 80-х гг. По его мнению, в 1989 г. Запад сумел консолидировать демократии в Центральной и части Юго-Восточной Европы, однако на элиты данных стран влияние его было относительно слабое, что, собственно, и стало причиной гражданских восстаний, в результате в обществе баланс интересов был нарушен³.

Исследователи по-разному относятся к внешнему влиянию как одной из причин начала «цветных революций». Одни эксперты, в число которых входит большинство западных ученых, а также небольшое число российских политологов, считают малозначимыми внешние причины, ведущими факторами указывают внутренние. Они видят причину протестов

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ. М., 1996, с. 226

² Хейл Г. Президентский режим, революция и демократия // Pro et Contra, 2008, т. 12, № 1, с. 8.

³ См.: McFaul M. The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post- communist World // World Politics, 2002, № 2, p. 212.

в желании граждан установить справедливые формы правления, создать демократическое общество. Другие исследователи, среди которых большинство российских политологов, наоборот, считают, что движущей силой революций на Ближнем Востоке, в Африке и Восточной Европе является вмешательство извне. Роль же гражданского общества и самих граждан они признают незначительной.

Интересную точку зрения насчет причин нестабильности в мире высказал А.В. Манойло. Автор выдвинул теорию «дуг политической нестабильности», которые в современном мире играют роль транспортных коридоров для переноса конфликтности и политической напряженности из одной точки географического пространства в другую¹.

По мнению автора, крупнейшую дугу нестабильности образуют сегодня страны арабского Востока, по которым в 2011-2012 гг. прокатилось цунами «цветных революций» «Арабской весны». Это: Тунис, Ливия, Египет, Йемен, Бахрейн, Сирия. При этом сеть из дуг политической нестабильности, покрывая земной шар в виде некоторой географической сетки, становится тем самым географическим фактором, который определяет современную картину геополитических процессов, определяет отличия политики одних держав по отношению к другим и проводит границы между геополитическими субъектами.

Таким образом, сложная природа «цветных революций», неоднозначность взглядов на их сущность и их актуальность в общественно-политическом дискурсе России и на постсоветском пространстве требуют дальнейших теоретических и практических разработок.

Восканян Э.С. Концептуальные подходы к исследованию «цветных революций». В статье рассматриваются концептуальные подходы к трансформациям политических систем, которые принято обозначать термином «цветные революции».

Ключевые слова: «цветные революции», государственный переворот, процесс демократизации, технология «управляемого хаоса», «Арабская весна», постсоветское пространство, геополитика.

¹ См.: Манойло А.В. Геополитическая картина современного мира и управляемый хаос // Мировая политика, 2015, № 1, с. 67.

Voskanyan E.S. Conceptual approaches to a research of «color revolutions». The article deals with the conceptual approaches to transformations of political systems, which are commonly referred to as «color revolutions».

Keywords: «color revolutions», coup d'état, democratization process, «managed chaos» technology, «Arab spring», post-Soviet space, geopolitics.

Н.В. ВАРИВОДА
научный сотрудник Института гуманитарных
исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный
научный центр «Кабардино-Балкарский научный
центр РАН»*

К вопросу о терминологической характеристике казачества в отечественном кавказоведении

Вопрос о сущности казачества и его эволюции всегда вызывал интерес у исследователей. На сегодня проблема сущностной и терминологической характеристики казачества является научно актуальной и общественно значимой. Дискуссии по этому поводу ведутся по разным, в том числе и конъюнктурным, соображениям и учеными, и лидерами казачества, и политиками. Но несмотря на существование различных подходов и решений данного вопроса он до сих пор остается открытым и нуждается в углубленном изучении.

Мнения различных авторов по этой проблеме часто диаметрально противоположны. Встречаются такие определения казачества, как культурно-этническая, сословно-территориальная, историко-культурная, социально-профессиональная, этносословная общность, этнографическая группа и др. У некоторых исследователей гипертрофируется этнический фактор и нивелируется социальный. Так, Г.А. Ткачев подчеркивал, что «казачество не есть сословие, которое можно уничтожить, а народ, хотя и говорящий на одном языке с народом русским, уже поэтому оно не может быть уничтожено»¹. Подобные мысли с предельной ясностью выразил и Ф.С. Гребенец: «Гребенцы-старожилы... вполне убеждены и совершенно справедливо, что самый дух казачества и все военно-казачьи способности приобретаются не только воспитанием, но и рождением в силу наследственной передачи... Казаки рождаются, а не «делаются», и поэтому люди свободные, но неказачьего рода, никогда не могут

* Варивода Наталья Владимировна, e-mail: variks1@yandex.ru

¹ Цит. по: Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000, с.4-5.

быть настоящими казаками, а тем более никогда не могли и не могут быть ими люди зависимые... Подобный низкий элемент не ... может встать в уровень с природными казаками...»¹. Здесь четко прослеживается историческая неправда, так как среди казаков было много выходцев из среды упоминаемого автором «низкого элемента».

Особой народностью казачество считал и специалист по донскому казачеству Е.П. Савельев².

Казачьи активисты, ратующие за «возрождение казачества», начавшееся в 90-е гг. XX в., видят в этом «возрождении» признание за казачеством статуса «особого народа» (этноса). Такую позицию занимает П. Федосов, утверждая, что казачество является культурно-этнической общностью – народом³.

Некоторые авторы все особенности казачества связывают только с сословностью. Такая точка зрения нашла свое отражение в большинстве трудов еще дореволюционной историографии, в основном XIX в. Все официальные документы называли казаков только как военно-служилое сословие и в таком качестве их воспринимала отечественная наука.

Исследование социальных границ терского казачества привело И.Х. Тхамокову к выводу, что оно являлось сословной, а не этнографической группой⁴. Автор подчеркивает, что «те отличительные черты культуры, которыми оно (казачество. – Н.В.) обладало..., были сословными, а не этническими, сословным было также и казачье самосознание»⁵.

Е.Ю. Рукусев также считает казачество военным сословием⁶.

Вышеуказанные точки зрения по поводу сущности казачества не являются полноценными и всеохватывающими. Казачество не поддается какой-то узкой дефиниции и одно-

¹ Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в ее прошлом и настоящем // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 44. Тифлис, 1915, с. 103-104.

² Савельев Е.П. Казаки. История. Владикавказ, 1991.

³ Федосов П. Казаки: этнос или сословие? // Ставропольская правда, 2009, 18 марта. URL: <http://srn.su/?p=1606> (дата обращения 5.02. 2018).

⁴ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии в XIX – начале XX в.: динамика этнокультурных границ. Нальчик, 2014, с. 20.

⁵ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2000, с. 235.

⁶ Рукусев Е.Ю. Казачество: права и обязанности сословия // Вопросы истории, 1998, №5, с. 137.

линейной идентификации. Как результат многовекового развития казачество включает в себе две составляющие, отличающие его как особый феномен в российской и мировой палитре: сословность и этнокультурную самобытность. Например, как этносоциальную общность казачество рассматривает В.П. Трут¹.

По мнению С.А. Головановой, казачество более соответствует определению этника, который предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированной в сознании ее членов².

А.В. Сопов высказал предположение, что казачество являлось метаэтнической общностью, сложившейся в начале XVII в. из групп этносов в результате этногенетической близости или длительного культурного взаимодействия³.

Большинство исследователей на данный момент рассматривает казачество как субэтническое подразделение, у которого свойства выражены с меньшей интенсивностью, чем у основной этнической единицы, составной частью которой оно является. В качестве субэтнуса казаков рассматривают А.И. Козлов, В.Н. Ратушняк, А.В. Матвеев, Н.Н. Великая, авторы коллективной монографии «Русские: история и этнография»⁴.

Но понимание субэтнуса различно. На наш взгляд, более удачным является определение, данное А.И. Козловым. Он предлагает считать субэтносом часть этноса, занимающего компактную территорию и обладающую в силу этого культурной и языковой спецификой и элементами общего этнического самосознания⁵. Безусловно, казаки имели свою тер-

¹ Трут В.П. Возрождение казачества: сущность, пути, перспективы // Проблемы казачьего возрождения. Сб. научных статей. Ч.1. Ростов-н/Д., 1996, с. 78.

² Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции: Вторая половина XVI – конец XIX вв.: Дисс. ... д-ра ист. наук. Армавир, 2006, с. 72.

³ Сопов А.В. Исторические предшественники казаков, становление и развитие казачества // Вестник Адыгейского государственного университета. Майкоп, 2006, № 1, с. 28.

⁴ См. например: Великая Н.Н. О месте вольного казачества в этнографической классификации хозяйственно-культурных типов // Вопросы северокавказской истории. Вып.5. Армавир, 2000, с. 30; Русские: история и этнография / Под ред. И.В. Власовой, В.А. Тишкова. М., 2008, с. 85.

⁵ Народы России. Энциклопедия. М., 1994, с. 461.

риторию и компактно расселялись на ней. У казаков под влиянием исторических условий, этнокультурного и географического факторов сложились некоторые своеобразные особенности культуры и быта. Казачий быт слагался под влиянием тройкого рода условий: военной обстановки, хозяйственной деятельности и семейно-общественного уклада. Казак попеременно был то воином и жертвой, то рабочим и хозяином, то семьянином и общественным деятелем. И это разнообразие положений естественно накладывало особый отпечаток на весь казачий быт и среду. Необходимо отметить и форумность культурной среды, т. е. объединение в казачьем субэтнотопе культурных влияний различных народов, среди которых жили казаки. Если говорить о языке, то как такового казачьего языка, который нужно специально изучать для того, чтобы на нем разговаривать, нет. Язык казачий мало чем отличается от русского, но особенности в нем есть. Некоторые исследователи-лингвисты и фольклористы указывают на заметное своеобразие «казачьего языка», выражающееся, например, в неполногласии, исчезновении форм среднего рода у прилагательных и многом другом¹.

Семантика и этимология дошедших до нас казачьих слов показывает сочетание в языке различной лексики – чисто казачьей, русской, украинской, кавказской, ирано-туркской и т.д.

Самосознание всегда рассматривалось как один из главных этнических признаков. Наличие у казаков этнического самосознания оспаривается некоторыми исследователями². Однако нам ближе позиция авторов, которые отстаивают мнение об этносоциальном самосознании казачества³. Н.Н. Великая отмечает, что «формирование этнического самосознания не заняло у казаков большого исторического периода»⁴. Малая территория, давление многочисленных соседей позволили установить наибольшее число информацион-

¹ *Сопов А.В.* Проблема этнического происхождения казачества и ее современное прочтение // Вестник Московского университета. Сер. 8. История, 2008, № 4, с. 75.

² *Малукало А.Н.* Казачество России: к вопросу терминологии и методологии исследований // Голос минувшего. (Кубанский исторический журнал), 2003, №3-4, с. 12.

³ *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-н/Д., 2001, с. 223; *Матвеев В.А.* С чего начинать возрождение? // Проблемы казачьего возрождения. Ч.1. Ростов-н/Д., 1996, с. 32.

⁴ *Великая Н.Н.* Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв., с. 221.

ных связей, «уплотнить» внутреннюю среду, ускорить этнообразующие процессы. Деление на своих и чужих выстраивалось по лингвистическим, территориальным, конфессиональным и другим признакам. Впоследствии с усилением государственного фактора социальная составляющая самосознания все больше выходила на первый план. Поэтому противопоставление шло по двум направлениям: «казак – русский» и «казак – мужик». Это, на наш взгляд, демонстрирует самую яркую особенность феномена казачества: в нем сословность срослась в одно целое с этнокультурной самобытностью.

Однако если говорить о казаках как о субэтнотипе русского народа, то возникает вопрос: кем же являются донские казаки-калмыки или забайкальские казаки-буряты? С.М. Маркедонов вполне справедливо утверждает, что распространять субэтничность на представителей 11 казачьих войск Российской империи не представляется возможным, и предлагает внести уточнение типа «славяно-русская часть донского казачества – субэтнос русского народа»¹. По мнению некоторых исследователей, с течением времени этнический состав казачьих обществ менялся в направлении увеличения восточнославянского этнического элемента². Это происходило из-за близости «метрополии» и постоянного притока оттуда населения.

Рассматривать казачество на протяжении всей его истории как сословие проблематично, так как практически до конца XVII в. эта этносоциальная группа была вне сферы российского государственного управления. Так, созданное вольными казаками Войско Донское обладало демократическим внутренним устройством, имело собственные органы власти, проводило самостоятельную внешнюю политику. Контакты с донскими казаками московское государство строило как с иностранными державами через Посольский приказ. Процесс превращения вольного казачества в служилое сословие связан с мерами Петра I, когда стала складываться совокупность правил и законов, регулирую-

¹ Маркедонов С.М. Казачество: некоторые вопросы терминологии и типологии // Голос минувшего, 2003, №3-4, с. 7.

² Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.) М., 1974, с. 37-38; Матвеев В.А. Феномен казачества в контексте этнонациональных особенностей российской государственности и проблемы современной типологии // Голос минувшего, 2003, № 3-4, с. 17.

щих отношения казаков с царским правительством. Превращение казачества в сословие относится к XVIII – первой половине XIX в., что связано с включением казачьих войск в общую систему государственного управления России, с законодательным оформлением обязанностей и прав казаков, их особой социальной функции в государстве. Российское правительство планомерно превращает казачество в особое полупривилегированное военно-служилое сословие, одновременно предоставляя ему серьезные льготы и в то же время все более и более регламентируя внутреннюю жизнь казачьих войск. Таким образом, казаки в ходе эволюции постепенно превращались в этносоциальную группу, переходившую на службу России. Можно согласиться с Б.М. Боук, который писал, что «многочисленные споры о том, является ли казачество этносом или сословием, по своей постановке неудачны, потому что исключают то, что казачество было и этносом и сословием»¹.

Многие исследователи указывают на то, что сословные и этнические черты казачества нельзя противопоставлять друг другу, что казаки сочетают в себе как этнические, так и сословные черты; невозможно механически отрывать одно от другого. «Дело в том, что казачество как система имеет довольно четкие этнические и социальные характеристики, которые не противопоставляются или взаимозаменяются, а разводятся на разные уровни функционирования. В определенные периоды доминируют те или иные»².

Как мы могли заметить, для историографии истории казачества терминологический консенсус не характерен. С.М. Маркедонов в своей статье ставит вопрос о том, насколько вообще справедливо объединение различных групп казаков в рамках одной конструкции «казачество». «Возможно ли рассматривать как единый феномен донских казаков эпохи позднего средневековья и уссурийское

¹ Цит. по: Голованова С.А. Этнические и сословные характеристики южнороссийского казачества // Фольклор казачества – как неотъемлемая часть северокавказского этнокультурного пространства: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 275-летию города Кизляра. Махачкала, 2010, с. 74-82. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/etnicheskie-i-soslovnye-kharakteristiki-yuzhnorossiyskogo-kazachestva/?sphrase_id=33905 (дата обращения: 15.12.2017).

² Солов А.В. К вопросу о природе казачества // Вестник Адыгейского государственного университета, 2011, № 1, с. 63.

казачество рубежа двух прошлых столетий, ...запорожское «лыцарство» и «Игнат-казаков»...?»¹. Автор приходит к выводу, что без достижения согласия о терминах, без проведения работы по типологизации (классификации) казачества невозможно преодолеть смешение понятий и выйти за рамки основных дискуссионных вопросов. С.М. Маркедонов, А.Н. Малукало, А.В. Сопов предложили свое видение типологии казачества. Так, например, А.В. Сопов классифицирует казаков по следующим группам: вольные казаки; служилые казаки; воровские казаки; «вольное» казачество Смутного времени; городецкие казаки; мещерские казаки; рязанские казаки².

О подмене понятий говорил и А.И. Козлов. Он выделил характерную для многих исследований закономерность, заключающуюся в том, что, «когда речь идет о сословии, преимущественно имеется в виду казачество конца XIX – начала XX века... Между тем отрицание, опровержение этого тезиса строится на фактах, почерпнутых из далекой истории казачества, когда оно действительно еще не было сословием. Как очевидно, критика строится на явной подмене понятий»³. То есть факты, обосновывающие отрицание казачества как сословия, являются измерителями совершенно других порядков и отношений досословного времени.

Подводя итог, необходимо отметить, что, на наш взгляд, этническое развитие казачества способствовало формированию его как субэтноса в составе славяно-российского суперэтноса, социальное развитие вело к складыванию казачества как особого военизированного сословия. Являясь одновременно субэтносом и военно-служилым сословием, казачество выступало на разных этапах в различных ипостасях с преобладанием определенных черт. В такой двойственности и заключается его подлинная сущность.

¹ Маркедонов С.М. Указ. статья // Голос минувшего, 2003, №3-4, с. 3.

² Сопов А.В. Стереотипы и заблуждения в отношении казачества // Вопросы казачьей истории и культуры. Вып. 5. Майкоп, 2010. URL: http://www.slavakubani.ru/population/ethnogenesis/stereotypy-i-zabluzhdeniya-v-otnoshenii-kazachestva/?sphrase_id=33905 (дата обращения 8. 02. 2018).

³ Козлов А.И. Возрождение казачества: история и современность (эволюция, политика, теория). Ростов-н/Д., 1995, с. 28-29.

Варивода Н.В. К вопросу о терминологической характеристике казачества в отечественном кавказоведении. В статье исследуется проблема многозначности терминологии в контексте истории казачества. Анализируются проблемы соотношения этнического и социального в казачестве. Казачество рассматривается как сложный феномен, обладающий качествами культурно-исторической общности, субэтнуса, а также служилого сословия, формируемого государством для своих целей.

Ключевые слова: казачество, народ, этнос, субэтнос, сословие, этногенез, эволюция, самосознание, феномен.

Varivoda N.V. To a question of the terminological characteristic of the Cossacks in the domestic Caucasian studies. The article examines the problem of polysemy of terminology in the context of Cossacks history. Problems of correlation ethnic and social in the Cossacks are analyzed. Cossacks regarded as a complex phenomenon, which has qualities of cultural-historical community, subethnos, as well as the service class formed by the state for its own purposes.

Keywords: cossacks, people, ethnicity, subethnos, estate, ethno-genesis, evolution, self-consciousness, phenomenon.

З.М. КЕШЕВА
*кандидат исторических наук,
зав. сектором новейшей истории Института
гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ
«Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр РАН»**

Культурная жизнь Кабардино- Балкарии в годы Великой Отечественной войны

Несмотря на то, что с момента окончания войны прошло больше 70 лет, вопросы, связанные с ее исследованием, не теряют своей актуальности. Особо это касается вклада многонационального народа СССР в победу над фашизмом. Советская культура в годы Великой Отечественной войны фактически являлась таким же важным оружием, как новейшие образцы военной техники. В этой связи рассмотрение вопросов, связанных с культурной жизнью народов СССР в тяжелый период истории, представляет безусловный научный интерес.

Быстрое продвижение германских войск по советской территории в начальный период Великой Отечественной войны потребовало принятия чрезвычайных мер для перевода страны на военное положение. 24 июня 1941 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о создании Совета по эвакуации под руководством Л.М. Кагановича, А.Н. Косыгина, Н.М. Шверника. В этой тяжелой ситуации были предприняты меры по эвакуации деятелей культуры и искусства из районов, которые подвергались опасности оккупации.

В начальный период Великой Отечественной войны Нальчик являлся тыловым городом, куда Советское правительство эвакуировало из центральных областей России промышленные оборонные объекты, деятелей культуры и искусства. По Постановлению Совета по эвакуации при СНК СССР «О направлении старейших мастеров искусств из г. Москвы в г. Нальчик» с приложением списка эвакуируемых № СЭ-60 от 3

*Кешева Зарема Мухамедовна, e-mail: kesheva10@gmail.com

августа 1941 г. в Нальчик были эвакуированы многие деятели культуры и искусства, а также члены их семей¹. По неполным данным в республику эвакуировались более 16,5 тыс. человек, среди которых коллективы Института физкультуры им. Лесгафта, Государственного института иностранных языков и ряда заводов Ленинграда, артисты Московского Художественного и Малого театров, видные композиторы и художники. Эвакуированным выделили жильё, предоставили работу, детей устроили в школы и детские сады, нуждающимся оказали материальную помощь.

Выдающийся советский композитор С.С. Прокофьев провёл в Нальчике четыре месяца, которые были очень плодотворны в творческом отношении. Гостиница «Нальчик», где жили Прокофьевы, и дачный посёлок Долинск стали временным местом проживания для многих прославленных актёров, музыкантов, художников. Прокофьев общался с В.И. Немировичем-Данченко, с О.Л. Книппер-Чеховой – вдовой великого писателя, с художником И.Э. Грабарем.

Летом 1941 г. Прокофьев сочинял симфоническую сюиту «1941 год», первые картины «Войны и мира», Второй струнный квартет. 15 августа были написаны первые страницы толстовской оперы («Отрадное»)². Работа двигалась с необычайной быстротой. Уже три месяца спустя первые шесть картин, изображающие картины «мира» (почти половина оперы), – были закончены в клавире. Среди тех, кто слышал в авторском исполнении эти первые фрагменты, были Мясковский и Грабарь.

В столице Кабардино-Балкарии Прокофьев находил время и для концертных выступлений – в городском театре или в военных госпиталях. Вместе с композитором выступали мастера МХАТа и Малого театра: Качалов, Тарасова, Москвин, Книппер-Чехова, Климов, Рыжова, Массалитинова³.

Прокофьева заинтересовал малоисследованный музыкальный фольклор Кабардино-Балкарии. Он отмечал, что в этих местах путешествовал С.И. Танеев, изучавший фольклор кабардинцев и балкарцев и посвятивший ему спе-

¹ [Электронный ресурс]. URL: http://velikvov.narod.ru/dokument/dokument-ссср/postanovlenie/030841_evakuat60.htm. (дата обращения 17.03.2017 г.)

² Мендельсон-Прокофьева М.А. О Сергее Сергеевиче Прокофьеве. Воспоминания. Дневники (1938–1967) / Науч. ред., предисл. и комментарии Е.В. Кривцовой. М., 2012, с. 24.

³ Нестьев И. Жизнь Сергея Прокофьева. М., 1973, с. 457.

циальное исследование. Памятной для композитора была встреча с Х.С. Темирхановым, возглавлявшим республиканское Управление по делам искусств. Он обратил внимание московских композиторов на собранные в Нальчике фольклорные записи: «У нас прекрасный музыкальный материал, почти никем не использованный, – отмечал Темирханов. – Если вы во время пребывания в Нальчике поработаете над этим материалом, вы тем положите начало кабардинской музыке»¹.

Тогда же Прокофьев сочинил свой Кабардинский квартет ор. 92 и несколько массовых песен. Две песни посвящались героям-кабардинцам, отличившимся на фронте – пехотинцу Таубекову и танкисту Депеневу («Сын Кабарды» и «Клятва танкиста» – на стихи М. Мендельсон). Несколько позднее к ним были добавлены еще три песни на ее же стихи: две лирические – «Любовь воина» и «Подруга бойца» и шуточно-сатирическая «Фриц».

Если говорить о прямом воздействии музыки Северного Кавказа на творчество Прокофьева, следует особо остановиться на Втором струнном квартете F-dur. Это наиболее значительный творческий результат его четырехмесячного пребывания в Нальчике. Композитор сумел проникнуть в сущность национальной музыки. Свою задачу он определил как «соединение нового и нетронутого восточного фольклора с самой классической из классических форм»².

Почти все темы квартета были заимствованы из песен и инструментальных наигрышей Кабарды: для первой части автор отобрал танец «Удж стариков» и песню «Сосуку», для второй части – «Удж Хацаца» и популярную лезгинку «Исламей», для финала – песню-танец «Гетигежев Огурби». 2 ноября квартет был начат и месяц спустя, 3 декабря, закончен в clavire. Подобно Глинке или Балакиреву, также слышавшим музыку Кавказа «в натуре», Прокофьев по своему претворял особенности фольклора, обновляя и осовременивая народную традицию средствами «нешаблонной гармонизации». В этом проявилось его собственное и вполне самобытное восприятие грозной романтики Кавказа³.

¹ Там же, с. 458.

² Мендельсон-Прокофьева М.А. Указ. соч., с. 27.

³ Нестьев И. Указ. соч., с. 459.

Пребывание в Нальчике внесло национальный колорит в творчество и других деятелей искусства. Так, вскоре появилась Двадцать третья симфония-сюита Н.Я. Мясковского, основанная на фольклорных мелодиях Кабардино-Балкарии. В ней были использованы народные песни «Сосруко и Сатаней», «Солтан-Хамид», «Исламей», «Халимат». А.Н. Александров завершил оперу «Бэла», в которой использовал национальные мотивы титульных народов республики. Ряд произведений на кабардинские темы написали С. Фейнберг, А. Гольденвейзер. Художник Н.М. Чернышев написал акварельные пейзажи «Зима в Нальчике», «Долина реки Нальчик», «Вечер в Нальчике». И. Э. Грабарь – «Парк в Нальчике». В.А. Сварог – серию этюдов, запечатлевших садик Свободы и улицу, ведущую к реке, Дом туриста, цветы на улицах города – «Розы», «Пионы»; картину, на которой изображена так называемая сталинская дача, расположенная в Затишье. Л.Е. Фейнберг создал серию рисунков по мотивам нартского эпоса, а скульптор И.А. Менделевич изваял фигуру легендарного народного героя Андемиркана¹.

Несколько месяцев провел в Нальчике выдающийся режиссер В.И. Немирович-Данченко. Начало Великой Отечественной войны МХАТ встретил в Минске, куда прибыл на гастроли 16 июня 1941 г. Спектакли продолжались до 24 июня, когда в результате массированных налетов немецкой авиации в течение дня был уничтожен почти весь центр города, погибли тысячи людей. Бомбой была разрушена часть здания театра, погибли все декорации и костюмы. Коллектив Художественного театра самостоятельно выбрался из горящего города и вернулся в Москву 29 июня 1941 г. Немировича-Данченко вместе с группой ведущих артистов МХАТа по решению Правительства в сентябре 1941 г. эвакуировали в Нальчик.

В 1941 г. режиссеру, педагогу, писателю, драматургу, реформатору и теоретику театра, народному артисту СССР В.И. Немировичу-Данченко шел 83-й год. В Нальчике он не останавливал творческий процесс, вызвал из Москвы оставшихся артистов МХАТа и начал подготовку к постановке новых пьес. Вместе со своими соратниками-мхатовцами он разрабатывал программы выступлений перед ранеными

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://srgvs.ru/nalchik-v-vov> (дата обращения 19.03.2017 г.)

бойцами. Именитые актеры читали монологи из пьес, декламировали стихи, пели песни.

Композиторы, музыканты, писатели, эвакуированные в Нальчик, оказали большое влияние на развитие местной школы национального искусства: регулярно выступали в библиотеках, посещали выступления местных коллективов, помогали повысить профессионализм национальных кадров. В 1941 г. в здании городского театра в Нальчике была организована выставка московских художников и художников Кабардино-Балкарии; многие из работ, представленных на выставке, московские художники подарили республике. Уезжая из Нальчика в Тбилиси, в ноябре 1941 г. москвичи писали: «То внимание, которым вы окружили нас, переполняет нас самой тёплой, сердечной признательностью. Все мы, работники искусства, навсегда запоем ласковый Нальчик»¹.

К началу Великой Отечественной войны в Кабардино-Балкарии активно работали Кабардино-Балкарский государственный хор, Кабардино-Балкарский государственный ансамбль пляски и музыки, Кабардинский и Балкарский драмтеатры.

Большую работу с хором проводили А.М. Авраамов и А.А. Шогенцуков, закладывавшие основы профессионального национального искусства. А.М. Авраамов (1886-1944), выпускник Московской консерватории, приехал в Кабардино-Балкарию в 1935 г. и надолго связал свое творчество с музыкальной культурой народов Кабардино-Балкарии. В течение многих лет он собирал музыкальный фольклор народов Северного Кавказа и Кабардино-Балкарии. Классик кабардинской литературы А.А. Шогенцуков заведовал литературной частью хора и проводил с певцами занятия по родному языку, учил этикету, рассказывал историю народа. Большое внимание он уделял отбору и обработке старинных народных песен для репертуара, сочинял слова для новых вокальных произведений. А.М. Авраамов и А.А. Шогенцуков совместно написали несколько сцен первой национальной оперы «Кызбурун», но в связи с началом Великой Отечественной войны она осталась недописанной. Отдельные эпизоды оперы (особенно «Песня рабов») получили широкое распространение в народе. 3

¹ Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны // [Электронный ресурс]. URL: <http://stud.wiki/history/htm> (дата обращения 19.03.2017 г.)

августа 1940 г. состоялось открытие Балкарского государственного хора, а во второй половине 1940 г. Кабардинский и Балкарский хоры были объединены в единый творческий коллектив – Кабардино-Балкарский государственный хор. Большой вклад в становление и развитие хора, в формирование его репертуара внесли также композитор Т.К. Шейблер, народные певцы А. Хавпачев и И. Кажаров, педагог и концертмейстер В. Першина, поэты К. Кулиев, А. Кешоков, А. Шогенцуков и др.

В годы Великой Отечественной войны хор пересмотрел свою программу, включив в нее патриотические песни, отражавшие героическую борьбу советских воинов с фашистскими оккупантами. Практически весь мужской состав хора ушел на фронт. Но несмотря на трудности Кабардино-Балкарский хор регулярно выступал на полевых станах, на заводах и фабриках, в госпиталях. Для более стабильного и оперативного руководства работой коллективов хора и ансамбля танца в сентябре 1942 г. Совнаркомом КБАССР было принято решение об объединении Кабардино-Балкарского государственного ансамбля пляски и музыки и Кабардино-Балкарского государственного хора в один творческий коллектив – Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски¹.

После победы под Москвой и зимней кампании 1941-1942 гг. появилась возможность стабилизации фронта и накопления сил. Но в первой половине 1942 г. с целью закрепления победы была развернута серия наступательных операций. Эта стратегическая ошибка привела к тяжелым поражениям и значительным потерям. Новое наступление немецких армий, начавшееся после неудачных советских операций, развивалось на южном направлении, что оказалось неожиданным для советского командования. Заняв Харьков, Крым (где пыталась перейти в наступление Красная Армия), немецкие войска вновь овладели стратегической инициативой, они оккупировали Донбасс, вышли к Северному Кавказу и Волге. В этих условиях деятели культуры были эвакуированы из Нальчика в более глубокий тыл.

Немецко-фашистская оккупация Кабардино-Балкарии продлилась с августа 1942 г. по январь 1943 г. Более трех

¹ Мидов Х.Х. Кабардино-Балкарский государственный ансамбль песни и пляски. Нальчик, 1995, с. 45.

месяцев продолжались ожесточенные бои за Кабардино-Балкарию. Особенно жестокими они были в районах горы Хара-Кора, селений Заюково и Кызбурун I, Верхнего Курпа, Нальчика и перевалов. Однако отстоять Нальчик не удалось. Трое суток, с 26 по 28 октября, продолжались ожесточенные бои и 28 октября 1942 г. части Красной Армии вынуждены были оставить Нальчик.

Оккупация Нальчика прекратилась только 3 января 1943 г. По приказу военного коменданта офицерами промышленного отдела германской армии «Викадо» в городе было полностью уничтожено 117 крупных зданий, среди них – здание городского Совета, 9 школ, больница, поликлиника, драматический театр, Дворец пионеров, турбаза «Нальчик». Республиканская библиотека имени Крупской, насчитывавшая более 70 тыс. томов, была сожжена вместе с книгами. Лучшие исторические ценности культуры и искусства, в том числе экспонаты Кабардино-Балкарского музея, оборудование кабинетов педагогического института, школ, редкие книги, картины были увезены в Германию. В предместьях города были взорваны санатории и вырублен парк.

Представители культурной интеллигенции Кабардино-Балкарии с оружием в руках отстаивали независимость страны на фронтах Великой Отечественной войны, проявляя неслышимый героизм. Одним из самых талантливых композиторов, стоявших у истоков профессиональной музыкальной культуры республики, был М.Ф. Балов (1923-1984). Он стал автором более трехсот музыкальных произведений – от песен до опер и симфоний. В начале Великой Отечественной войны Балов ушел добровольцем на фронт. Летом 1942 г. в одном из боёв под Сталинградом М. Балов получил тяжелую контузию и попал в плен, из которого вскоре совершил побег. После возвращения на фронт Балов опять попал в плен и вновь совершил побег. Из-за тяжелого ранения он был комиссован и до конца войны проработал в оркестре Парка культуры и отдыха Нальчика.

А.А. Шогенцуков – советский кабардинский поэт, писатель, основоположник кабардинской литературы. Когда началась Великая Отечественная война, поэт написал стихи, в которых призвал сограждан к защите Родины. В 1941 г. был он отправлен на фронт и осенью того же года попал в плен. Горячо любивший свою Родину и свой народ, поэт

погиб трагической смертью в нацистском концлагере в Бобруйской крепости.

После освобождения Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск началось ее восстановление. Кабардино-Балкарский ансамбль песни и пляски, прекращавший свою деятельность на период оккупации, уже в январе 1943 г. вновь приступил к работе. В феврале 1943 г. по решению Правительства СССР в Кабардино-Балкарии был создан малый симфонический оркестр при государственной филармонии, который после небольшого подготовительного периода включился в концертную деятельность. В июне 1943 г. возобновили работу кабардинский драмтеатр, стали работать школы и лечебные учреждения.

Таким образом, можно сделать вывод, что культурная жизнь Кабардино-Балкарии не прекращалась и в самый тяжелый для всего советского народа период, а лишь была приостановлена. За время, проведенное деятелями советского искусства в эвакуации в Нальчике, ими был создан ряд значительных произведений под влиянием национального фольклора, они оказали ценную профессиональную помощь деятелям культуры Кабардино-Балкарии, которые несмотря на военное время продолжали упорно трудиться, внося весомый вклад в общую победу.

Кешева З.М. Культурная жизнь Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны. В статье рассматривается влияние Великой Отечественной войны на культурную жизнь Кабардино-Балкарии. Сделан вывод о том, что деятели советского искусства, побывавшие в эвакуации в Нальчике, так же, как и деятели культуры Кабардино-Балкарии, вносили весомый вклад в победу над фашистской Германией.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, деятели советского искусства, эвакуация, Нальчик.

Kesheva Z.M. The cultural life of Kabardino-Balkaria during the Great Patriotic War. The article examines the impact of the Great Patriotic War on the cultural life of Kabardino-Balkaria. It is concluded that the Soviet art workers who were in the evacuation in Nalchik, as well as the art workers of Kabardino-Balkaria, made a significant contribution to the victory over fascist Germany.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet art workers, evacuation, Nalchik.

М.Б. ПИВОВАРОВА
*магистрант социологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Управление в сфере образования и науки в целях экологизации сознания российского общества

Современная инновационная политика Российской Федерации, которая является инструментом государственного управления, направлена на развитие технического и экономического потенциала страны, а также обеспечение конкурентоспособности производимых товаров и услуг на мировой арене. В современных условиях нестабильности и кризиса инновационная естественнонаучная деятельность должна гарантировать повышение уровня благосостояния населения и становление нашей страны как одного из мировых лидеров. Согласно Стратегии инновационного развития Российской Федерации «единственным возможным способом достижения целей (закрывающихся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закреплении геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня) является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития»¹.

В условиях постиндустриального общества и процессов глобализации, затрагивающих и Российскую Федерацию, нарастают экологические риски и вызовы, связанные с деятельностью человека и ее негативным влиянием на изменение природной окружающей среды.

* Пивоварова Марина Борисовна, e-mail: mp1995@mail.ru

¹ Цит. по: Стратегия инновационного развития Российской Федерации до 2020 года. URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_123444-/2f806c88991ebbad43cdaa1c63c2501dc94c14af/

Состояние почв и воды на территории современной России близко к критическому, а в некоторых субъектах Федерации приобрело характер экологического бедствия¹. На фоне ухудшения состояния окружающей среды и здоровья населения нарастает процесс неконтролируемого потребления природных ресурсов со стороны общества. Разработанные федеральные и региональные стратегии и программы проблематично реализовать в связи со сложившейся экономической, политической, социальной и духовной нестабильностью и дезорганизацией общества.

Реализация Стратегии инновационного развития и снижение экологических рисков требуют совершенствования системы государственного управления путем усиления роли науки и техники в обществе. Согласно «Повестке дня на XXI век»² наука воспринимается как необходимый компонент концепции устойчивого развития. Основу современного общества невозможно создать без опережающего развития научно-технологического потенциала. Эффективное управление в сфере образования и науки должно способствовать обеспечению экологизации сознания населения и устойчивому развитию общества.

Мы имеем в виду новую, актуальную и проблемную ориентацию научной деятельности и техники на удовлетворение групповых хозяйственных потребностей. Наука должна способствовать экологизации сознания и деятельности людей при создании экологически безопасных технологий для устойчиво развивающейся цивилизации.

С учетом целей и ключевых положений концепции устойчивого развития возможно стратегически эффективное развитие нашей страны, что поможет ей стать одним из ведущих лидеров перехода к новой, экологически безопасной парадигме.

Формирование экологизации сознания человека связано с возникновением экологических потребностей. К таким можно отнести материальные и духовные потребности в природных ресурсах, а также желание создать благоприятные условия

¹ См.: Рыбакова М.В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: Монография. М., 2012, с. 5.

² См.: Повестка дня на XXI век (Принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро 3-14 июня 1992 г.). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml

для проживания путем сохранения окружающей среды и устранения нанесенного природе вреда.

Экологизация экономики, промышленности, производства и культуры – достаточно длительный и высокочатратный процесс, который должен начинаться с экологизации политической сферы жизни общества. Учет достижений социальных экологических практик в политике предоставляет возможность для создания новых подходов, которые основаны на обеспечении реализации личностного потенциала каждого гражданина страны. При этом каждый человек должен отвечать за себя: семья должна нести ответственность за воспитание экологических ценностей и формирование экологического сознания молодого поколения. Государство создает условия для реализации профессионального и личностного потенциала своих граждан и обеспечения их соответствующими социальными и экономическими гарантиями. Экологическое законодательство Российской Федерации не вполне обеспечивает решение имеющихся проблем.

Адекватные ответы на экологические вызовы в современной России во многом зависят от эффективного управления и реализации экологических стратегий в сфере образования и науки. Высокое качество образования и выпуск высококвалифицированных кадров будут способствовать не только экологизации, но и реформированию российской экономики.

Одним из способов экологизации образования и науки является научно-исследовательская работа молодых людей в рамках образовательного процесса. Необходимо вовлекать студентов и молодых ученых в научно-проектную деятельность вуза. Научно-исследовательская деятельность студентов должна представлять собой процесс создания инновационных и экологически обоснованных разработок.

С целью выявления причин и факторов, оказывающих влияние на выбор профессионального развития студентов, в феврале 2016 г. было проведено исследование на тему «Мотивация студентов московских вузов к научно-исследовательской деятельности (на примере естественнонаучных специальностей)», в котором приняли участие 485 человек. Это – студенты 4-го курса, обучающиеся по естественнонаучным направлениям в МГУ имени М.В. Ломоносова, РХТУ имени Д.И. Менделеева, МЭИ и МФТИ. Из 485 чело-

век только 30,9% респондентов занимаются внеучебной научно-исследовательской работой.

Студенты участвуют в научно-исследовательской работе, проводят исследования по самым разнообразным направлениям, таким как изобретение новых медикаментов от смертельных заболеваний, информатика, машинное обучение, синтез веществ, и т.д. Напрямую решением экологических проблем занимаются только 12,8% студентов, у 22,1% студентов научная тематика связана с этими проблемами частично. Они исследуют влияние внешних факторов окружающей среды на здоровье человека: использование альтернативных источников энергии, минимизацию выбросов вредных веществ в атмосферу и отходов нефтехимических предприятий, устранение последствий загрязнения вод, переработку биосырья, разлагаемость полимеров, гигиену окружающей среды, эффективность использования биотоплива и т.д.

Именно в процессе образования у молодых людей формируются первичный интерес и мотивация к научной деятельности. Естественнонаучная исследовательская деятельность способствует формированию культуры личности студента и его профессиональной социализации, так как в студенческие годы человек более восприимчив к изменениям окружающего и социального мира. Образовательным учреждениям необходимо способствовать мотивации молодых людей к внеучебной научной деятельности и экологизации их сознания, так как образованные граждане являются главным стратегическим ресурсом инновационного развития государства.

Очевидность взаимозависимости социально-экономического прогресса современной России и решения экологических проблем требует от молодого специалиста умения оценивать последствия принимаемых им решений на качество окружающей среды и здоровья населения. Для этого необходимо понять, какие направления науки нужно развивать для эффективного функционирования экологического образования. Таким стратегически важным направлением может стать социальная экологическая практика большей части российского общества, в которой должен отражаться примат экологических интересов над экономическими, политическими, идеологическими, групповыми интересами при реализации любых хозяйственных проектов и государственных

программ¹. Готовность населения к такого вида практике обусловлена проявлениями экологического кризиса и озабоченностью населения состоянием окружающей среды. Также об этом свидетельствует стремление молодых людей получать профессиональные знания и навыки в данной отрасли и работать в сфере решения экологических проблем. Формирование позитивной социальной экологической практики зависит от эффективного управления в сфере науки и образования.

На современном этапе развития общества динамический процесс трансформации феномена социальных практик взаимосвязан со всеми компонентами жизни общества. Изменение показателей социальных экологических практик зависит от показателей здоровья населения. Ответственное самосохранительное поведение каждого члена общества в целях укрепления собственного здоровья можно считать проявлением соответствующей формы социальной экологической практики. Ведь если человек начинает заботиться о собственном здоровье, то он будет беспокоиться и об окружающей его природной среде.

Пивоварова М.Б. Управление в сфере образования и науки в целях экологизации сознания российского общества. В статье рассматривается роль управления в сфере образования и науки в развитии государства. В контексте экологического кризиса анализируется явление экологизации сознания.

Ключевые слова: роль науки в инновационном развитии страны, экологизация сознания, управление в сфере образования и науки, естественнонаучная деятельность студентов.

Pivovarova M.B. Managing in the sphere of education and science for the purposes of ecologization of Russian society's consciousness. The article considers the role of managing in the sphere of education and science in the development of state. The phenomenon of ecological consciousness is examined in the context of the environmental crisis.

Keywords: the role of science in innovative development of the country, the ecologization of consciousness, managing in the sphere of education and science, scientific activities of students.

¹ См.: Рыбакова М.В. Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления: Монография, с. 256.

И. ЧЖЭН
аспирант кафедры политологии Востока
ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова*

Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом

Российско-китайское взаимодействие в настоящий момент переживает свой расцвет. Стороны развивают стратегическое партнерство, важным аспектом которого является сотрудничество между Россией и Китаем по обеспечению глобальной и региональной безопасности. Эффективность такого сотрудничества напрямую зависит от того, насколько успешно будет развиваться российско-китайское партнерство, направленное на противодействие новым вызовам и угрозам безопасности. Одной из таких угроз является международный терроризм, прежде всего, в его исламистском варианте. Россия и Китай как страны-соседи стремятся к защите границ от проникновения террористических группировок. Стороны понимают всю важность совместного противодействия международному терроризму, отвечающего их национальным интересам.

Значимость темы российско-китайского противодействия терроризму обусловила значительный интерес со стороны российских¹ и иностранных исследователей. Впрочем, несмотря на наличие работ, в которых рассмотрено сотрудничество РФ и КНР по противодействию терроризму, данная тема нуждается в дальнейшем изучении. Это связано со стремительно меняющейся международной обстановкой, развитием такого сложного и многоаспектного явления, как терроризм, и методов борьбы с ним. Таким образом, актуальность статьи определена необходимостью изучения последних тенденций в области развития двустороннего сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом.

* Чжэн И, e-mail: zdiamor@gmail.com

¹ См., например: *Васильев Л.Е.* Борьба с терроризмом на пространстве ШОС. М., 2017; РФ и КНР в ШОС: Коллективн. монография / Под ред. С.Г. Лузянина. М., 2015.

Цель статьи – изучить современное состояние российско-китайского сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом. Для достижения данной цели проанализируем уровни, цели, методы антитеррористического сотрудничества. По-прежнему ситуация будет неполным без представления о правовой базе двустороннего сотрудничества.

Сотрудничество России и Китая по противодействию терроризму основано прежде всего на двусторонних договорах и соглашениях, в которых отразилась политическая воля руководства стран-соседей противостоять данной угрозе. В настоящее время сложилась обширная договорная база по совместному противодействию терроризму, охватывающая различные аспекты борьбы с данным явлением. Но так было не всегда. Рассмотрим, как изменялась позиция сторон по отношению к совместной борьбе с терроризмом.

Нормализация отношений России и Китая началась в 1990-е гг., и взаимодействие сторон в сфере безопасности стало одним из приоритетных направлений сотрудничества. В эти годы стороны были заинтересованы прежде всего в развитии военно-технического сотрудничества. Китай стремился получить новейшее вооружение и технологии. Российское руководство, столкнувшееся с серьезными экономическими трудностями, рассчитывало на получение выгод от развития военно-технического сотрудничества. Проблема борьбы с терроризмом на тот момент не находилась в фокусе внимания.

Новый этап сотрудничества России и Китая наступил после того, как лидером РФ стал В. Путин. Стороны продолжили взаимодействие на основе принципов взаимного уважения суверенитетов и территориальной целостности, уделяя большее внимание тем направлениям сотрудничества, которые раньше не были подробно рассмотрены в нормативно-правовой базе. В Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанном в 2001 г., рассмотрены основные аспекты взаимодействия сторон. Данный документ ознаменовал переход к всеобъемлющему партнерству РФ и КНР. Статья 20 Договора посвящена сотрудничеству в сфере безопасности, включающему борьбу с международным терроризмом¹.

¹ См.: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 18.07.2001.

В течение последующих лет линия на усиление антитеррористического сотрудничества становилась все сильнее. Борьба с терроризмом стала одним из факторов, определяющих сотрудничество в области безопасности в целом.

Террористическая угроза все нарастала. Особые опасения Москвы и Пекина вызывали связи чеченских боевиков и уйгурских сепаратистов с международным террористическим подпольем. Процесс активизации радикалов-исламистов в Центральной Азии, регионе, являющемся определяющим с РФ и КНР, предопределил усиление антитеррористического взаимодействия между Россией и КНР и побудил их к созданию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), одним из главных направлений деятельности которой является борьба с «силами трех зол», а именно совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях¹.

Одновременно с развитием двустороннего и многостороннего антитеррористического сотрудничества в Центральной Азии стороны продолжали укреплять юридическую базу противодействия международному терроризму. Осенью 2003 г. РФ и КНР подписали коммюнике, включившее соглашение о совместном противодействии международному терроризму, этническому сепаратизму и религиозному экстремизму².

Россия и Китай вносят вклад в решение наиболее актуальных вопросов теоретического и юридического характера, связанных с противодействием данному явлению. Прежде всего речь идет о формулировке понятия «международный терроризм». До сих пор не существует универсального определения данного феномена. Россия и Китай, двустороннее антитеррористическое сотрудничество которых развивается в рамках различных международных организаций, активно участвовали в разработке формулировки «международный терроризм», принятой ШОС. В «Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»

//URL:http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBQka/content/id/576870 (Дата обращения: 17.10.2017).

¹ См.: Хартия ШОС. 07.06.2002. // <http://infoshos.ru/ru/?id=33> (Дата обращения: 17.10.2017).

² См.: Чжун Э. Цзунли цяньшу хуэйу лянхэ гунбао цяндяо цзяцян фанькун хэцзо // URL: <http://news.sina.com.cn/c/2003-09-24/2021812990s.shtml> (Дата обращения: 17.10.2017).

ратизмом и экстремизмом» дано определение, в котором терроризм рассматривается прежде всего как разновидность преступной деятельности¹.

Антитеррористическое сотрудничество сторон стало многоаспектным, и в настоящее время РФ и КНР выступают с различными инициативами на международной арене, призванными улучшить ситуацию в сфере борьбы с терроризмом. В июле 2017 г. Москва и Пекин приняли совместное заявление по итогам переговоров Президента РФ и Председателя КНР. Стороны призвали членов международного сообщества совместно поддерживать стабильность в мире и предложили подписать международную конвенцию по борьбе с актами химического и биологического терроризма².

Изучив антитеррористическое взаимодействие сторон, мы пришли к следующим выводам относительно целей и методов сотрудничества РФ и КНР в сфере борьбы с терроризмом. Выделим несколько уровней сотрудничества в соответствии с целями и методами. Первый уровень сотрудничества – национальный. На данном уровне стороны поддерживают друг друга в борьбе с терроризмом и сепаратизмом, фактически не проводя границу между этими явлениями. Общей целью России и Китая на данном уровне выступает прежде всего стабильное и предсказуемое развитие государства, ликвидация угрозы децентрализации страны.

Помимо поддержки друг друга на государственном уровне стороны проводят постоянный обмен информацией и опытом. Другой эффективный, уже силовой метод противодействия терроризму – регулярное проведение совместных антитеррористических военных учений. Россия – самый частый партнер в двусторонних и многосторонних антитеррористических учениях Китая. К 2016 г. проведено более 20 совместных российско-китайских учений.

Второй уровень сотрудничества – региональный, и цели сторон на данном уровне заключаются прежде всего в поддержании стабильности в Центральной Азии, защите

¹ См.: Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 // Борьба с международным терроризмом: Сб. документов / Науч. ред. В.В. Устинов. М., 2005, с. 143.

² См.: Совместное заявление России и Китая: ПРО, терроризм и корейский вопрос. 04.07.2017 // URL: <https://mir24.tv/news/16256209/sov-mestnoe-zayavlenie-rossii-i-kitaya-pro-terrorizm-i-koreiskii-vopros> (Дата обращения: 17.10.2017).

собственных границ от проникновения членов центрально-азиатских вооруженных радикальных исламистских группировок¹. Здесь главным методом антитеррористического сотрудничества является взаимодействие в рамках региональных организаций, прежде всего в ШОС.

На региональном уровне Пекин и Москва используют следующие методы антитеррористического противодействия. Стороны участвуют в работе региональных организаций, среди которых главенствующая роль отведена ШОС. Страны-участницы ШОС создают и совершенствуют правовую базу антитеррористического сотрудничества, разрабатывают стратегии противодействия терроризму, проводят совместные оперативно-розыскные мероприятия, контртеррористические учения. Также стороны совместно осуществляют розыск лиц, подозреваемых в террористической, экстремистской и сепаратистской деятельности.

Третий уровень сотрудничества – международный. Целями Москвы и Пекина на данном уровне являются совместное противодействие терроризму на международной арене, поддержка друг друга в развитии более справедливого, многополярного мироустройства. На международном уровне стороны выступают за главенствующую роль ООН в борьбе с терроризмом и формирование режимов борьбы с данным явлением. Также РФ и КНР выступают в качестве защитников принципа национального суверенитета всех стран. Стороны стремятся к формулированию и закреплению в международном праве универсальной дефиниции «международный терроризм» и обсуждению данного определения на уровне ООН. Поддержка решений друг друга в различных международных межправительственных организациях и структурах является важнейшим методом сотрудничества.

Таким образом, сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом между Россией и Китаем является важнейшим направлением стратегического партнерства и полностью отвечает национальным интересам сторон.

¹ Подробнее о деятельности вооруженных исламистских группировок в Центральной Азии см.: *Васецова Е.С.* Исламистские группировки Центральной Азии // *Русская политология – Russian Political Science*, 2016, № 1, с. 49-53.

Чжэн И. Российско-китайское сотрудничество в сфере борьбы с терроризмом. Предмет исследования – сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики в сфере борьбы с терроризмом в его исламистской форме. Автор анализирует современное состояние сотрудничества РФ и КНР в борьбе с терроризмом и его проявлениями.

Ключевые слова: Россия, Китай, терроризм, Центральная Азия, Шанхайская организация сотрудничества, исламизм.

Zheng Yi. The interaction between The Russian Federation and People`s Republic of China in fighting with terrorism. The subject of the investigation is studying of the interaction between The Russian Federation and People`s Republic of China in struggle with terrorism in its Islamistic form. The author analyzes the current state of the interaction between The Russian Federation and People`s Republic of China in fighting with terrorism and its manifestation.

Keywords: Russia, China, terrorism, Central Asia, Shanghai Cooperation Organization, islamism.

И.М. ПОНЯЕВ
*аспирант кафедры истории общественных
движений и политических партий исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова**

Философия либерализма и трансформации 1990-1993 годов в России

Большая часть постсоциалистических преобразований в России происходила в 1990-1993 гг. Преобразования, затравившие все сферы жизни общества, стали возможны вследствие трансформации политического курса. В России ключевую роль сыграл приход к власти Б.Н. Ельцина, который в 1990-1991 гг. был Председателем Верховного Совета РСФСР, а с ноября 1991 г. по июнь 1992 г. возглавлял «правительство реформаторов». В результате победы Б.Н. Ельцина на выборах 1991 г. он стал первым Президентом России. Население всецело поддерживало главный лозунг предвыборной программы Ельцина: «Борьба с привилегиями номенклатуры».

Парламент РСФСР предоставил президенту ряд особых полномочий, в частности полномочий на издание нормативных документов, указов, которые по юридической силе были приравнены к законам, что привело к абсолютизации его власти в 1992-1993 гг. Тот же парламент в сентябре 1993 г. предпринял попытку отрешения Б. Ельцина от должности, что вызвало противостояние законодательной и исполнительной власти. 21 сентября 1993 г. президент издал Указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Законности данного указа посвящено множество исследований и в данной статье этот аспект рассматриваться не будет. Однако будут проанализированы его содержательная часть и влияние на политическую ситуацию 1993 г., а также на дальнейшую политику России. Напомним, что первоначально именно законодательный орган власти – парламент РСФСР – дал президенту полномочия на издание

* Поняев Иван Михайлович, e-mail: Ponyaevi92@mail.ru

указов, приравниваемых к законам. В результате произошло смешение различных ветвей власти и их полномочий.

В соответствии с проводимой президентом политикой был декларирован переход к демократии и рыночной экономике на основе либеральных ценностей. Таким образом, политические решения, включая Указ № 1400, должны были соответствовать принципам либерализма и рыночного, открытого демократического государства. Говоря же о «наследии» СССР, необходимо отметить дисбаланс между государственными регулируемыми ценами и рыночными¹. Для некоторых товаров их расхождение измерялось десятками раз. В результате был сформирован колоссальный государственный долг, а бюджет постоянно сводился с существенным дефицитом. На фоне такой рассогласованности цен население переходило к бартерному обмену, а регионы закрывали свои границы для вывоза товаров первой необходимости. Более того, помимо территориальной проблемы внутри страны распад СССР оставил Россию фактически без границ, сборы таможенных налогов и пошлин на импорт и экспорт сократились до нуля, многие предприятия оказались собственностью других государств. Подобная ситуация требовала незамедлительного вмешательства.

Страны Запада планировали включить Россию в мировую рыночную систему на определенных, согласованных с ними условиях. С этой целью была разработана макроэкономическая политика, названная «Вашингтонским консенсусом», которой придерживались и МВФ, и правительства стран Запада, в частности при субсидировании постсоциалистических стран. Именно в данном консенсусе, пересмотренном позднее, отражалось концептуальное видение политических реформ, которые должны были быть проведены в России.

Вашингтонский консенсус фактически являлся основополагающим документом для реализации постсоциалистических реформ в различных странах, включая Россию. Для установления диалога со странами Запада необходимо было придерживаться ценностей либерализма в проводимой политике, а также положений названного консенсуса². Приведем 10 первоначальных положений и 10 измененных в ре-

¹ См.: *Нечаев А.А.* Реформы Гайдара: правда и вымыслы // Экономическая политика, 2010, № 6, с. 12-22.

² См.: *Колодко Г.В.* От шока к терапии. Политическая экономия постсоциалистических преобразований. М., 2000, с. 392.

зультате опыта постсоциалистических преобразований в Восточной Европе, странах бывшего СССР и Латинской Америке (см. табл.).

Таблица

**Десять положений Вашингтонского консенсуса.
Первоначальный и измененный вид**

Первоначальные положения	Измененные положения
финансовая дисциплина, низкий дефицит государственного бюджета, низкая инфляция	рост сбережений
приоритет отраслей с высокой экономической отдачей	приоритет общественных расходов на социальные нужды
снижение налоговых ставок, рост налогооблагаемой базы	введение экологического налога, земельной ренты
финансовая либерализация, формирование рынка заемного капитала с рыночным ценообразованием процентных ставок	усиление банковского регулирования
плавающий валютный курс, ориентированный на развитие экспорта	конкурентоспособный валютный курс в сочетании с отказом от плавающего и фиксированного
либерализация торговли, снятие ограничений на ввоз товаров и введение пошлин как процента от стоимости	либерализация внутрирегиональной торговли
<i>снятие ограничений на приток иностранного капитала</i>	<i>увеличение государственных расходов на образование</i>
приватизация государственных предприятий	приватизация как часть дерегулирования рынков, включая рынок труда
дерегулирование, за исключением сфер, касающихся государственной безопасности, охраны окружающей среды, надзора за финансовыми организациями	создание ключевой структуры, независимого ЦБ, устойчивых бюджетных организаций, независимого и не коррумпированного правосудия, биржи труда
обеспечение надежных прав собственности без несения чрезмерных расходов, доступность этих прав в государственном секторе	строго определенные права собственности, доступные для всех

Важно отметить, что положения Вашингтонского консенсуса не определяют политический режим в стране, однако сама возможность их реализации накладывает некоторые ограничения на внутреннюю политику. К таким ограничениям относятся: четкое разграничение полномочий всех ветвей власти; независимость Центрального банка, что детерминирует необходимость согласования финансовой политики правительства; разграничение и защита всех видов прав собственности, включая государственную, что требует стабильной политической ситуации в стране, не предполагающей передел собственности, обусловленный законодательными изменениями; социально-направленную политику государства в секторе общественных услуг, включающем образование и здравоохранение; политику, обеспечивающую государственные гарантии личных прав и свобод, частной собственности и свободы ведения предпринимательской деятельности.

Таким образом, для реализации взаимодействия со странами Запада и проведения согласованной политики постсоциалистических преобразований требовалось изменение основных законов страны. Подобная политика должна была учитывать права граждан и различных государственных органов, проводиться в сжатые сроки и определять переход от одного политического режима к другому.

Реализация ценностей либерализма в ходе постсоциалистических преобразований изначально не предполагала «чистого рынка», поскольку для стран Запада это было пройденным этапом (первая половина XX в.)¹. В дальнейшем была проведена корректировка в пользу социального развития. Основу дерегулирования рынков составляют свободные рыночные отношения в рамках законодательной базы и координация экономического развития с помощью государственной политики, которая позволяет сглаживать циклические колебания и иные провалы рынка.

Необходимо подчеркнуть, что все проводимые политические преобразования должны были укладываться в поле философии либерализма, что являлось негласным требованием стран Запада. По сути одна из основных целей проводимой государственной политической реформы зак-

¹ См.: *Crafts N., Peter F. The Great Depression of the 1930s: Lessons for Today.* Oxford University Press, 2016, p. 480.

лючалась в интеграции России в мировое политическое сообщество. Ключевыми идеями того времени были:

- противопоставление открытого общества закрытому; морализация политики взамен политизации морали; использование социальной инженерии с целью снижения негативных факторов развития общества при одновременном отказе от идеи «всеобщего Добра»¹;
- признание ценности отличия и разнородности; ограничение власти любого вида и рода с целью обеспечения личных свобод и права на индивидуализм²;
- справедливое распределение различных категорий благ между всеми членами общества без опоры на любые мировоззренческие доктрины³;
- социальная роль государства, которое должно было обеспечивать общественные блага и способствовать «моральному подъему» своих граждан⁴, в сочетании с механизмом свободных рыночных цен, воспринимавшихся как информационный канал, которого лишено государство без рыночной экономики⁵;
- невозможность сформировать общую универсальную иерархию всех ценностей, подходящую для всех граждан страны; повышение ценности индивидуальности, понимание значимости для общественного развития отличающихся ценностей и их иерархии⁶.

Таким образом, можно говорить, что общий вектор либеральных идей противопоставлялся коммунистическим лишь отчасти. Философия либерализма не отрицала роль и значимость социального государства, а также рынка с сильными

¹ Куц Г.М. Классический и современный либерализм: сравнительный анализ // PolitBook, 2013, № 4, с. 109-119.

² См.: Пахомова Е.А. Воззрения либералов на всеобщее избирательное право на современном этапе развития общества // Ленинградский юридический журнал, 2014, № 3 (37), с. 22-26.

³ См.: Петренко В.В., Эннс И.А. Дискурс справедливого: социально-философский и герменевтический проекты // Вестн. Томского гос. ун-та, 2013, № 374, с. 59-63.

⁴ См.: Одар К. Индивидуальность и солидарность: Дж. Ст. Милль и «Новый» солидарный либерализм // Философский журнал, 2010, № 2 (5), с. 84-97.

⁵ См.: Зорин Г.В. Вклад представителей неовавстрийской школы в теорию современного общества // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология, 2011, №3, с. 240-249.

⁶ См.: Грановская О.Л. Делиберативная и агрегативная модели демократии и агональный либерализм И. Берлина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, 2015, № 2 (32), с. 126-135.

государственными институтами, обеспечивающими благосостояние всего населения страны. Данная философия делала упор на уважение к личностным особенностям всех граждан страны, а также отстаивала их права на собственные ценности взамен навязанного разделения государственных ценностей. В то же время политика свободного рынка, основанная на свободном ценорегулировании, представлялась «панацеей», позволяющей учитывать различные ценности и упорядочивать их, опираясь на волеизъявление народа.

В результате обострения борьбы между ветвями власти в 1993 г. экономическая ситуация в стране стала критической, тогда как для проведения экономических реформ требовалась согласованность действий основных ветвей власти. На тот момент казалось, что обойтись без иностранных инвестиций невозможно, а это требовало приведения законодательства страны в соответствие с либеральными принципами, согласующимися с положениями Вашингтонского консенсуса. Таким образом, политические трансформации 1990-1993 гг. тесно переплетались с экономическими, при этом потребность в либерализме в различных аспектах общественной жизни, сформированная внутри страны, сочеталась с условиями интеграции России в мировую систему. Именно поэтому вектор реформ 1990-1993 гг. имел либеральную направленность.

Поняев И.М. Философия либерализма и трансформации 1990-1993 годов в России. В статье рассматривается влияние философии либерализма и Вашингтонского консенсуса как одного из основополагающих документов современности в области либеральных преобразований на трансформации, происходившие в российском обществе в 1990-1993 гг.

Ключевые слова: Россия, либерализм, трансформации, 1990-е, Вашингтонский консенсус.

Ponyaev I.M. The philosophy of liberalism and transformations of 1990-1993 in Russia. The article discusses the influence of the philosophy of liberalism and Washington Consensus, as one of the basic documents of the modern age in the field of liberal reforms, on transformations in the Russian society in 1990-1993.

Keywords: Russia, liberalism, transformation, 1990s, Washington Consensus.

ЧЖАНЬ ЧЖАН
аспирант кафедры политологии Востока
*ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова**

Глобальное партнерство для обеспечения устойчивого развития: практика Китая

Суть глобального партнерства с целью обеспечения устойчивого развития. Глобальное партнерство как важный компонент для обеспечения устойчивого развития очень часто упоминается в официальных документах ООН: «формирование глобального партнерства» стало целью 8 в Целях развития тысячелетия (ЦРТ), одобренных ООН в 2000 г., и является единственной целью, которая посвящена инструментам осуществления ЦРТ и устойчивого развития; «укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках глобального партнерства в интересах устойчивого развития» является целью 17 среди Целей в области устойчивого развития (ЦУР) и фактически выступает продолжением предыдущей. Согласно ЦРТ, глобальное партнерство охватывает 5 аспектов: оказание официальной помощи в целях развития (ОПР); облегчение долгового бремени развивающихся стран; расширение доступа развивающихся стран к рынкам развитых стран, основным лекарственным средствам и новым технологиям¹. ЦУР развивает содержание ЦРТ и включает задачу наращивания потенциала развивающихся стран для содействия осуществлению национальных целей этих стран в области устойчивого развития с помощью сотрудничества по линии Север-Юг, Юг-Юг и трехстороннего сотрудничества². Таким образом, глобальное партнерство в контексте ЦУР охватывает более широкое пространство, которое, с одной стороны, предоставляет раз-

* Чжан Чжань, e-mail: zhan.zhang@yandex.ru

¹ ООН, Глобальное партнерство в целях развития: от слов к делу // Доклад целевой группы по оценке прогресса в достижении ЦРТ 2012 год. Нью Йорк, 2012, с. xi-xii.

² ООН, Преобразования нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, 2015, с. 34.

вивающимся странам финансовые и технологические средства, а с другой стороны, как отмечает Д. Чжу, помогает развивающимся странам повышать свой потенциал для достижения целей в области устойчивого развития через подготовку кадров и специалистов¹.

Политика Китая по формированию и укреплению глобального партнерства. Если посмотреть на официальные документы по оказанию официальной помощи, то можно заметить, что, хотя Китай начал оказывать помощь за рубежом еще в 1950 г., вышли только две Белые книги, посвященные этому направлению деятельности КНР. Первая «Белая книга по внешней помощи» была опубликована в 2011 г. Вторая версия Белой книги была опубликована в 2014 г. Согласно «Белой книге о помощи Китая зарубежным странам 2012 г.» Китай соблюдает принцип, ориентированный на повышение потенциала стран-реципиентов для самостоятельного развития. При оказании помощи другим странам Китай больше всего вкладывает ресурсы в создание инфраструктуры и подготовку персонала². С 2010 по 2012 гг. 55,7% денежных средств были направлены на создание инфраструктуры. Из 580 комплексных проектов Китая в 80 странах 360 проектов – строительство общественных объектов (больницы, школы и коммунальная инфраструктура), 156 проектов были посвящены экономическим инфраструктурам (транспорт, коммуникация, электричество), 49 проектов были в области сельского хозяйства и лишь 15 проектов – в области промышленности³.

Китай делает акцент на наращивании потенциала стран-реципиентов. Человеческие ресурсы играют важную роль в этом направлении: с 2010 по 2012 гг. китайское правительство организовало 1579 семинаров для зарубежных чиновников, около 40 тыс. чиновников из других развивающихся стран были приглашены в Китай для повышения квалификации в области менеджмента, дипломатии, государственного управления и других сфер; 10 тыс. человек из технического персонала были подготовлены в различных сферах дея-

¹ Zhu D. Revitalize the global partnership for sustainable development. Peking, 2016, p. 34.

² China's foreign aid (2011) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/zxbd/tt/Document/1011345/1011345_3.htm (30.11.17).

³ China's foreign aid (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (30.11.17).

тельности по обеспечению устойчивого развития, таких как сельское хозяйство, здравоохранение, коммуникация и защита природы. В то же время более 2000 китайских экспертов разных специальностей были направлены в 50 стран мира с целью оказания содействия местному развитию.

Азит К. Бисвас и Крис Хартли отмечают, что крупнейшие в мире доноры, такие как Европа и США, традиционно сосредоточились на финансировании медицинских и образовательных инициатив, а также формирования гражданского общества¹. Несмотря на то, что Китай обычно направляет ресурсы на инфраструктурные проекты, у центрального руководства тоже есть интерес к выделению помощи на повышение условий жизни населения других стран. В 2014 г. Китай выделил 47 млн. долл. США, чтобы предотвратить вспышку вируса Эбола в Западной Африке и был одним из первых, кто выполнил свои обязательства. Кроме того в инициативе «Пояса и пути» тоже предусматривается сотрудничество в области здравоохранения².

В рамках регионального сотрудничества акцент был сделан на Африке и странах АСЕАН. Согласно Белой книге с 2010 по 2012 г. Китай оказал официальную помощь 121 стране, среди них 51 страна африканского региона и 30 азиатских стран. Приоритетом Китая в Африке является сельское хозяйство. С 2010 по 2012 г. были подготовлены Китаем более 5000 человек из технического персонала в данной области для африканских стран, были построены 14 центров по агротехнологии³. С 2003 г., когда Китай стал стратегическим партнером АСЕАН, Китай активно сотрудничает со странами АСЕАН, особое внимание было уделено экономической поддержке стран с низким доходом и уменьшению разрыва доходов внутри АСЕАН. В 2009 г. Китай учредил Фонд инвестиционного сотрудничества с АСЕАН объемом 10 млрд. долл. США и предоставил кредит

¹ См.: *Asit K. Biswas, Kris Hartley. A Chinese model for foreign aid // Project syndicate* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-international-development-leadership-by-asit-k-biswas-and-kris-hartley-2017-10> (30.11.17).

² *Vision and proposed actions outlined on jointly building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/xwFbh/xwbfbh/yg/2/Document/1476317/1476317.htm> (30.11.17).

³ *China's foreign aid (2014)* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (30.11.17).

странам АСЕАН в 15 млрд. долл. причем 6,7 млрд. долл. были предоставлены на льготной основе¹.

С помощью разных платформ Китай ведет сотрудничество с другими странами мирового сообщества. Среди них важное значение имеют: Форум экономического и торгового сотрудничества между Китаем и португалоязычными странами (Макао), Китайско-карибский форум по торгово-экономическому сотрудничеству, Форум экономического развития и сотрудничества Китая и Тихоокеанских островов, Китайско-арабский форум сотрудничества, а также Шанхайская организация сотрудничества. Китай предоставляет льготные кредиты, организует программы по обучению кадров, отправляет медицинский персонал, выделяет денежные средства в качестве иностранной помощи (в 2010 – 2012 гг. их доля составила 8,4% и 4,2% от общей суммы для стран Латинской Америки и Карибского бассейна и стран Океании соответственно)². Таким образом, Африка, АСЕАН и другие развивающиеся страны формируют три кольца китайской помощи зарубежным странам. По мере осуществления инициативы «Пояса и пути» вполне можно ожидать концентрацию ресурсов в странах вдоль Шелкового пути, что будет способствовать обеспечению устойчивого развития.

Некоторые западные ученые критикуют Китай за то, что он не играет по правилам, установленным западным миром. Так, например, Эван А. Фейгенбаум критикует Китай за то, что китайские кредиты часто обсуждаются в тайне, без традиционных условий, и поэтому их использование мало поспособствовало продвижению реформ или принятию экономических решений в этих странах, а тем более улучшению управления³. В какой-то мере это соответствует действительности. Китайская модель помощи зарубежным странам отличается от западных стран тем, что она обычно предлагается без дополнительных политических условий, и Китай настаивает на том, что не вмешивается во внут-

¹ The Chinese government has raised the concessional loan to ASEAN countries to 6.7 billion U.S. dollars [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/i/jshz/new/200910/20091006583415.html> (30.11.17).

² China's foreign aid (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (30.11.17).

³ См.: Feigenbaum Evan A. Beijing's Billions: China's foreign-policy ambitions could change the way it spends its money abroad [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://foreignpolicy.com/2010/05/20/beijings-billions/> (30.11.17).

рение дела стран-получателей, что было четко написано в двух изданиях «Белой книги», но это не значит, что Китай не советуется с другими странами при выделении помощи.

В последние годы Китай принимает активное участие в деятельности многосторонних институтов, делает пожертвования различным международным организациям. Сумма пожертвований КНР глобальным организациям (Программе развития ООН, Всемирному банку и Международному валютному фонду) с 2010 по 2012 г. достигла 1,76 млрд. юаней, а региональным организациям (Азиатскому банку развития, Африканскому банку развития, Межамериканскому банку развития и др.) – 1,3 млрд. долл. США¹. В 2012 г. Китай совместно с ЮНЕСКО запустил четырехлетний проект по целевому фонду, который направлен на поддержку восьми африканских стран в их усилиях по ускорению прогресса в направлении «образования для всех». Подобные проекты помогают Китаю накопить опыт и познакомиться с международным стандартом.

На фоне растущего изоляционизма, несмотря на повышение объема в области развития, в 2016 г. объемы двусторонней помощи наименее развитым странам снизились на 3,9%². Китай как относительно новый участник глобального партнерства с целью содействия развитию может помогать активизировать работу в сфере развития. Сумма денежных средств для глобального партнерства со стороны Китая постоянно увеличивается: с 2004 по 2009 г. среднегодовой темп роста суммы составил 29,4%³. С 2010 по 2012 г. сумма иностранной помощи достигла 89,34 млрд. юаней, из которых 32,32 млрд. юаней (36,2%) были предоставлены безвозмездно⁴. По мере реализации нынешней политики в данной сфере вполне можно ожидать, что Китай будет играть более важную роль в плане реализации «Повестки дня ООН до 2030 г.».

¹ China's foreign aid (2014)] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (30.11.17).

² OECD. Development aid rises again in 2016 but flows to poorest countries dip [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.oecd.org/dac/development-aid-rises-again-in-2016-but-flows-to-poorest-countries-dip.htm> (30.11.17).

³ China's foreign aid (2011)] [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scio.gov.cn/zxbd/tt/Document/1011345/1011345_3.htm (30.11.17).

⁴ China's foreign aid (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (30.11.17).

Чжан Чжань. Глобальное партнерство для обеспечения устойчивого развития: практика Китая. В статье рассматривается международная деятельность Китая по обеспечению устойчивого развития. Анализируется политика Китая по формированию глобального партнерства и показано, что, в отличие от западных стран, китайская модель помощи зарубежным странам больше направлена на повышение потенциала стран-реципиентов.

Ключевые слова: устойчивое развитие, глобальное партнерство, Цели в области устойчивого развития (ЦУР), КНР, внешняя политика, официальная помощь в целях развития (ОПР).

Zhan Zhang. Global partnership for sustainable development: the practice of China. China's international activities that would foster sustainable development are reviewed in this paper. China's policy on forming a global partnership is analysed, and it is shown that, unlike Western countries, the Chinese model of assistance to foreign countries is aimed more at increasing the potential of recipient countries.

Keywords: sustainable development, global partnership, Sustainable Development Goals (SDGs), PRC, foreign policy, official development assistance (ODA).

К.Х. АБУ АЙША
*аспирант кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД России**

Объективные факторы суннитско-шиитского конфликта на Ближнем Востоке

Ближний Восток – исключительно важное звено в системе современных международных отношений, и важность эта предопределяется совокупностью ряда факторов: экономических, географических, геополитических, военных, демографических.

В зоне Персидского залива сосредоточены две трети мировых запасов нефти и треть резервов газа. Также на Ближнем Востоке сходятся морские и воздушные пути, связывающие Европу с Азией и Тихоокеанским регионом – уже этих обстоятельств достаточно для того, чтобы безопасность региона была «головной болью» не только стран Ближнего Востока и Персидского залива, но и всего мирового сообщества.

Среди причин, подрывающих безопасность на Ближнем Востоке, первой обычно называют противостояние сторонников суннитской и шиитской ветвей ислама. Большинство населения придерживается суннизма, а меньшая, хотя и значительная часть (особенно в Иране, Ираке, Йемене, Бахрейне) – шиизма.

Поскольку анализ теологических различий между суннизмом и шиизмом не является предметом данной статьи, упомянем лишь о том, что, на наш взгляд, причинами противоречий между суннитами и шиитами являются не столько теологические разногласия, сколько более приземленные факторы.

Прежде всего, суннизм – религия арабов, а шиизм – персов, хотя существуют исключения. Сегодня оплотом шиизма является Иран: аятоллы считают защиту шиитов всего мира своим долгом и обвиняют суннитские страны

* Абу Айша Камаль Хаммад, e-mail: Kamal-hamad@outlook.com

региона в их притеснении. Арабские страны, за исключением Бахрейна и Ирака, преимущественно суннитские. Суннитами также являются и представители многочисленных радикальных течений, воюющие в Сирии и Ираке, в том числе боевики «Исламского государства».

Помимо этнического отличия персов и арабов в регионе закрепилось разделение арабского населения на национальные государства зачастую с конфликтными национальными интересами. Часть из них — монархии, другие преимущественно формально парламентские республики с авторитарными режимами (и «арабская весна» не изменила эту ситуацию, в Египте, к примеру, президента-генерала сменил президент-фельдмаршал).

Нередко противоречия между государствами уходят корнями в соперничество хашимитской и саудийской монархий, а в новейшей истории – в борьбу за лидерство в арабском мире между наиболее крупными странами – Египтом, Ираком, Сирией, Саудовской Аравией. Причинами жестких столкновений являются также территориальные претензии и борьба за нефть между Ираном, Ираком, Саудовской Аравией и другими государствами Персидского залива. Межгосударственные противоречия дополняются чередой внутренних столкновений на почве межэтнических и межрелигиозных отношений, в борьбе за политическую власть – гражданских войн, революций, переворотов.

Примером тому является война между Ираном и Ираком: как отмечает директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований МГИМО(У) В. Попов, «во время ирано-иракской войны солдаты-шииты фактически воевали друг с другом, на первом месте стоял вопрос гражданства, а не веры». Уже после того как офицерам-суннитам армии С. Хусейна запретили служить в вооруженных силах нового Ирака, они массово начали вступать в ряды исламистов. «До этого времени они вообще не задумывались, сунниты они или шииты»¹.

В новейшей истории немало примеров того, как сунниты и шииты демонстрировали добрую волю в установлении равноправных отношений. Так, в 1943 г. мусульманская и христианская общины Ливана заключили устное соглаше-

¹ Цит. по: *Наумов А.* Небратья по вере. https://lenta.ru/articles/2015/09/07/sunni_shia_conflict/

ние, известное как Национальный пакт, заложивший основу Ливана как многоконфессионального государства. В соответствии с Национальным пактом за мусульманином-шиитом определяется один из трёх главных постов в государстве – председателя парламента, в то время как за католиком-маронитом и мусульманином-суннитом посты президента и главы правительства соответственно¹.

Однако вторая половина XX в. ознаменовалась обострением противоречий, они стали следствием нового политического расклада в исламском мире. В 1979 г. в ходе исламской революции в Иране был свергнут шахский режим и установлена новая форма государственного устройства. Принятая после победы исламской революции в Иране конституция провозгласила, что «официальной религией Ирана является ислам джафаритского толка, признающий существование 12 имамов...» (ст. 12)². Установление в Иране шиитского исламского режима стало совершенно новым фактором политической ситуации в тот период.

Иранская революция с энтузиазмом была встречена среди бахрейнских шиитов. Некоторые представители шиитского духовенства подняли вопрос о присоединении Бахрейна к Ирану. Ответом на эти настроения стала кампания властей против шиитских оппозиционных сил. 14 декабря 1981 г. было объявлено о предотвращении попытки государственного переворота, в организации которого власти Бахрейна обвинили бахрейнцев-шиитов из числа членов Исламского фронта освобождения, а также сторонников Хомейни из Кувейта, Саудовской Аравии и Омана³.

Еще одним примером переплетения религиозного противостояния, политических амбиций и попыток вмешательства во внутренние дела страны является вооруженный конфликт в Йемене: в 2002 г. зейдиты из числа группировки «Аль-Хути» развернули вооружённую борьбу против центрального правительства в северо-западной провинции страны Саада. Правительство обвиняло повстанцев в намерении свергнуть правящую власть и установить свою власть во главе с имамом. Мятежники, в свою очередь, утверждали, что они лишь защищают свою общину от диск-

¹ См.: Новейшая история арабских стран Азии 1917-1985. М., 1988, с. 112.

² Конституции государств Азии: В 3 т. М., 2010, т. 1, с. 243.

³ См.: История Востока. Т. 6. Восток в новейший период (1945-2000 гг.). М., 2008, с. 282-283.

римиляции со стороны властей¹, однако это выступление было только прологом затянувшейся йеменской трагедии: в 2009 г. лидер зейдитов Абдель Малика Аль-Хути погиб в результате «точечного» авиаудара. Формально операцию проводили саудовские ВВС, но ее подготовили американские советники, используя свои станции радиоразведки в Йемене и Саудовской Аравии². Эр-Рияду пришлось взять ответственность за смерть лидера зейдитов на себя, поскольку США опасались очередного витка антиамериканских настроений в регионе, в результате КСА оказалось крайним и противостояние с зейдитами приобрело ярко выраженный религиозный характер³.

Напомним, что когда началась «арабская весна», президент Али Абдалла Салех добровольно ушел в отставку и во главе страны стал Абд-Раббо Мансур Хади. Мирный переход власти в Йемене мог бы стать хрестоматийным примером успешных действий западных политиков, которые доказывали, что авторитарные режимы Ближнего Востока можно росчерком пера сменить на демократические, но вскоре обнаружилось, что на севере страны активизировались шииты-хоуситы, которых забыли учесть при заключении сделки между Салехом и Хади. Ранее хоуситы неоднократно воевали с президентом Салехом, но все конфликты заканчивались компромиссом. Новый лидер показался хоуситам недостаточно сильным для того, чтобы противостоять радикальным суннитам из «Аль-Каиды на Аравийском Полуострове» (АКАП), активно действовавшим в Йемене. Шииты решили не дожидаться, пока исламисты возьмут власть и убьют их как вероотступников, поэтому они, придя к соглашению с бывшим президентом А.Салехом, нанесли удар первыми⁴. Однако соглашение действовало недолго, и 4 декабря 2017 г. бывший президент Йемена А. Салех погиб оказывая вооруженное сопротивление хоуситам.

Совершенно очевидно, что нынешний вооруженный конфликт в Йемене имеет религиозный характер, однако столь же очевидна и его политическая подоплека: борьба за власть внутри страны и за внешнее влияние со стороны США и КСА.

¹ См.: *Deadly blast strikes Yemen mosque*. BBC (2 May 2008).

² См.: *Шижкин Д.К.* Йемен: кто кого? <http://www.iimes.ru/?p=9884>

³ .См. там же.

⁴ См.: *Наумов А.* Небратья по вере. https://lenta.ru/articles/2015/09/07/sunni_shia_conflict/

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что очевидные противоречия между суннитами и шиитами не несут в себе неизбежную угрозу конфликтов. Конфликты вспыхивают не из-за теологических различий, а из-за внешних факторов, используемых третьими силами в своих интересах. Следует подчеркнуть, что если в годы «холодной войны» Ближний Восток являлся зоной конфронтации между СССР и США, то в настоящее время Ближний Восток и Северная Африка продолжают оставаться одним из важнейших направлений внешней политики Соединённых Штатов, стран Евросоюза и России, и эти государства используют суннитско-шиитские разногласия в своих целях, либо вызывая их на конфронтацию друг с другом (США, ЕС), либо, наоборот, способствуя поиску точек соприкосновения (Россия).

Вашингтон особое внимание в своей внешней политике уделяет району Персидского залива, где американцы сохраняют масштабное военное присутствие: солидный военный контингент в Ираке, военные базы в Кувейте, Бахрейне, Катаре и ОАЭ. На этом направлении проявляется, с одной стороны, преобладание военно-политического компонента над политическим, а с другой – стремление оставаться единственным гарантом стабильности.

Что касается европейских стран, то для них более важно Средиземноморье. Важность этого региона для Евросоюза объясняется географической близостью, тесными политическими, торгово-экономическими, культурными и научными связями, влиянием эмиграции из государств Магриба на социальную стабильность стран Западной Европы, а также необходимостью взаимодействия в антитеррористической сфере и в пресечении нелегальной иммиграции, как и усилившемся соперничеством в Северной Африке между ЕС и США.

Что касается России, то после окончания «холодной войны» этот регион перестал быть для Москвы поводом для конфронтации с Западом. В то же время Россия поддерживает тесные политические, торгово-экономические, военно-технические, научные, культурные, гуманитарные связи с арабскими странами, играет активную самостоятельную роль в ближневосточном урегулировании, участвует в усилиях по нормализации ситуации в Южном Судане и Дарфуре, а также вокруг Западной Сахары. Для России крайне важны стабильность и предсказуемость развития обстановки на Ближнем Востоке и в Северной Африке, чтобы из

этого региона не исходила угроза со стороны радикального исламизма и терроризма.

Абу Айша К.Х. Объективные факторы суннитско-шиитского конфликта на Ближнем Востоке. В статье рассмотрены ключевые факторы суннитско-шиитского конфликта на Ближнем Востоке: экономические, географические, геополитические, военные, демографические.

Ключевые слова: Ближневосточный регион, безопасность, сунниты, шииты, Россия, США, ЕС.

Abu Aisha K.H. Objective factors of the Sunni-Shiite conflict in the Middle East region. The article considers the key factors of the Sunni-Shiite conflict in the Middle East: economic, geographical, geopolitical, military, demographic.

Keywords: Middle East region; security; Sunnis; Shiites; Russia; USA; EU.

Последний звонок или еще раз о будущем образования

28 февраля 2018 г. в Госдуме прошел «круглый стол», посвященный презентации трехсерийного фильма «Последний звонок» и обсуждению проблем образования со специалистами и сотрудниками вузов. В рамках «круглого стола» были показаны выдержки из «Последнего звонка», наиболее ярко характеризующие фильм фрагменты для тех участников, кто еще не успел ознакомиться с тремя сериями в сети Интернет, после чего состоялась дискуссия.

В рамках дискуссии выступили депутат ГД РФ Олег Смолин (фракция КПРФ), один из авторов фильма журналист Константин Семин, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова Александр Бузгалин, а также некоторые из героев «Последнего звонка» – доктор физико-математических наук, профессор ПетрГУ Александр Иванов, который приехал в Москву из Петрозаводска на один день специально для участия в дискуссии и донесения своей позиции по вопросу реформирования ЕГЭ, профессор, бывший декан факультета агрономии и биотехнологии Тимирязевской академии Александр Соловьев и математик, профессор РГПУ им. Герцена Сергей Рукшин, записавший видеообращение.

Дальнейшее обсуждение велось вокруг ряда наболевших тем, таких как реформа образования и ее последствия, роль ЕГЭ и его негативное влияние на среднюю и высшую школу, утечка мозгов, результаты слияния вузов, статус педагогов и научных работников, проблемы сельских школ, коррекционного образования, бюрократизация учебного процесса.

Как отмечалось на «круглом столе», внести существенные изменения в сложившуюся систему крайне сложно. Депутат Госдумы Олег Смолин напомнил, что инициативной группой много раз вносились законопроекты, направленные на решение тех или иных проблем в образовательной сфере, включая альтернативный принятому рамочный закон «Об образовании», однако они всегда отклонялись.

Пожалуй, ключевую инициативу «круглого стола» предложил Александр Бузгалин. Он говорил о необходимости объединения работников средней и высшей школы в независимые профсоюзы. С помощью таких профсоюзов можно отстаивать права преподавателей и учёных и пытаться инициировать изменения, направленные на решение хотя бы части проблем образовательной сферы. Правда, для участия в таком профсоюзе необходима определенная смелость, готовность идти на риск, защищать коллег по объединению и профсоюзных лидеров.

Естественно, проблема образования – не частная, локальная, а системная. Образование в Российской Федерации, так же как и другие сферы, такие как здравоохранение или наука – отражение общественного и экономического уклада. Пришедший в школы и больницы рынок превратил образование и медицину в «услугу» или «товар», а главной целью сделал получение прибыли. Преодолеть это, добиться качественных позитивных изменений без изменения базиса невозможно.

Ссылка на фильм "Последний звонок":

https://www.youtube.com/watch?time_continue=2&v=p6SLRob2TsG

МЭФ-2018: «Россия и мир: образ будущего»

3 и 4 апреля в Российской академии наук прошел шестой Московский экономический форум (МЭФ), в котором приняли участие несколько тысяч российских и зарубежных экспертов, политиков, ученых и предпринимателей.

Сопредседатели МЭФ – президент Промышленного Союза «Новое Содружество», глава Ассоциации «Росспецмаш» Константин Бабкин и научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН Руслан Гринберг.

На полях МЭФ российские и зарубежные учёные и практики стремились найти решение глобальных проблем современности. Форум, существующий с 2013 г., сегодня является крупнейшей независимой экспертной площадкой страны для формирования предложений и решений по развитию возможностей национальной экономики. «МЭФ – это не бизнес-форум, у нас не заключаются контракты, не обсуждаются конкретные сделки. Мы обсуждаем вопросы экономической идеологии», – рассказал о форуме К. Бабкин. За шесть лет существования форума организаторам удалось подобрать в качестве спикеров экспертов с независимым образом мышления, которым безразлична судьба нашей страны.

Среди участников МЭФ-2018: советник Президента Российской Федерации Сергей Глазьев, директор «Совхоза имени Ленина» Павел Грудинин, уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов, заместитель премьер-министра (2002-2003) и министр финансов Польши (1994-1997, 2002-2003) Гжегож Колодко, независимый депутат Европарламента Эмерик Шопрад, член бюджетно-финансового комитета Законодательного собрания Санкт-Петербурга Оксана Дмитриева, генеральный секретарь Европейского института политических, экономических и социальных исследований (EURISPES) Марко Риччери, публицист Юрий Болдырев, член партии «Лига Севера», сооснователь Ассоциации «Венето-Россия» Элизео Бертолази, бывший заместитель председателя Парламентской Асамблеи ОБСЕ Вилли Виммер и многие другие.

Центральная тема МЭФ-2018 – «Россия и мир: образ будущего». Участники форума говорили о ключевых внеш-

неполитических событиях, а также о мерах, которые предлагает научное и профессиональное сообщество для раскрытия экономического потенциала РФ.

Руководством страны поставлена высокая цель – выход России на темпы экономического роста выше мирового в ближайшие годы. Сегодня чиновники отмечают, что эта задача труднодостижима, поэтому без серьёзных изменений не только в головах, но и на местах не обойтись. Необходимо пересмотреть принципы существующей внешнеторговой, налоговой и денежно-кредитной политики. Людям нужны рабочие места и достойный заработок, а стране новая индустриализация. Этот курс на качественный рывок экономики полностью совпадает с предложениями экспертов крупнейшей дискуссионной площадки – Московского экономического форума.

«При правильной экономической стратегии, разумных налогах и политике ЦБ, при работающих механизмах поддержки экспорта мы сможем измерять рост в промышленности и в сельском хозяйстве не долями процента, а двузначными цифрами. И у нас есть конкретные предложения, как это сделать по основным направлениям государственного регулирования хозяйственной деятельности, они вошли в Стратегию экономического развития России до 2025 года и направлены в Правительство», – отмечает К. Бабкин.

На пленарных дискуссиях МЭФ-2018 обсуждались вызовы, с которыми сейчас сталкиваются не только Россия, но и многие страны. По мнению Р. Гринберга, первым пунктом в этой повестке стоит вопрос, как преодолеть отчужденность между Западом и Россией и восстановить взаимное доверие. На форуме обсуждалась тема массовой бедности и материального неравенства. Ведь несмотря на технологический и научный прорыв в человеческих условиях живёт не более 20% населения планеты. Ещё один серьёзнейший вызов для всего человечества – существование мировой финансовой олигархии. Был поднят вопрос, что происходит с культурой в современном мире. Почему всё больше обращений к развлечению и мало к просвещению? Ну и, конечно, ахиллесова пята в мире и особенно в России – пагубная коммерциализация образования, здравоохранения, науки и культуры.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:
 - Фамилия, имя, отчество; ученая степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты; контактные телефоны.
 - Аспиранты, в том числе заочной формы обучения, полностью указывают место учебы (работы).
 - Объем статей не должен превышать:
 - 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;
 - 17 страниц для соискателей степени доктора наук.
 - Статьи должны быть напечатаны в формате MicrosoftWord (2003-2007), интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);
 - ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегель 10);
 - таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.
 - В конце статьи **обязательно** прилагаются:
 - аннотации на **русском и английском языках** (не более 5 строк); в аннотациях указывать ФИО автора, название статьи и ключевые слова.
 - Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы.
 - Статьи в редакцию направлять в печатном варианте с приложением CD (диска) **простой бандеролью**. По электронной почте статьи принимаются по согласованию с редакцией.
 - Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.
 - Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.
 - Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.
 - Рукописи не возвращаются.
 - Редакция в переписку с авторами не вступает.

Внимание подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" www.uralpress.ru или по телефону **8(499) 700-05-07**. Подписная цена за один номер в первом полугодии 2018 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная.

Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке www.elibrary.ru

Information for authors

Articles sent to the magazine should be drawn up according to the following rules:

1. Necessary information about the author:
 - Surname, name, patronymic; academic degree; academic rank; the place of work; the post; e-mail address; contact phones.
 - Graduate students, including the correspondence form of training, fully indicate the place of work (study).
2. The volume of articles should not exceed:
 - 7 pages for candidates degree;
 - 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.
3. Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), space 1.5, point type 14, font "Arial" on the one side of the worksheet, the align block (fields: top and bottom-2, left-2.5, right-1.5);
 - references (footnotes) are given at the end of each page (point type 10);
 - tables, charts, diagrams should be in black and white and accompanied by continuous numbering.
4. At the end of the article are necessarily attached:
 - annotations in English and Russian (no more than 5 lines); with indicating the author's name, the title of the article, main content and key words.
5. Articles should be accompanied by specialist's certified reviews and the recommendation of the Department (Office) at the place of work.
6. The articles should be sent in the printed version with the application CD (disk) by common book-post. Articles sent by e-mail are accepted only in agreement with the editorial office.
7. The decision to publish is made within 30 days from the date of the articles registration by the editors.
8. The authors are responsible for accuracy of the facts, quotes and other data. Editorial opinion may not coincide with the position of the authors of publications.
9. The Editorial board reserves the right to scientific editing of the articles.
10. Manuscripts will not be returned.
11. The Editorial board does not enter in correspondence with the authors.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website www.ural-press.ru or by phone **8 (499) 700-05-07**. The subscription price for one issue in the 1-half of 2018 – 300 rubles, free of control price for sale.

Subscription to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library www.elibrary.ru

Подписано в печать 29.03.2018 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 20,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готовых оригинал-макетов